DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4 ISSN 2686-9241 (print), 2686-8377 (online)

ПРАВОСУДИЕ
JUSTICE

2024
Том 6, № 4

2024
Vol. 6, no. 4

Научный журнал

Учредитель и издатель:
Российский государственный университет правосудия

Scientific Journal

Founder and Publisher:
Russian State University of Justice

Издается с сентября 2019 года
Периодичность издания – 4 раза в год

Published since September 2019
Publication frequency: quarterly

E-mail: vestnik@rsuj.ru
http://justice.study

© ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», 2024

Научный журнал «Правосудие/Justice» публикует оригинальные, соответствующие установленным требованиям статьи, в которых исследуются наиболее значимые для отечественной и зарубежной юридической науки проблемы, относящиеся к следующим направлениям: теория и история права и государства, глобализация и правосудие, современные правовые доктрины, судопроизводство, судебные реформы и судебные системы отдельных стран, цифровизация и право. Издатель созданием журнала ставит цель представить научному сообществу результаты научных исследований российских и зарубежных ученых по специальному кругу вопросов, касающихся осуществления правосудия.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

С целью экспертной оценки каждого поступающего в редакцию материала осуществляется научное рецензирование. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов. Редакция журнала направляет копии рецензий при поступлении соответствующего запроса в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации.

Журнал следует стандартам редакционной этики согласно международной практике редактирования, рецензирования, издательской деятельности и авторства научных публикаций и рекомендациям Комитета по этике научных публикаций (COPE) и Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ).

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К1).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-76078 от 24 июня 2019 г.

Научный редактор Л. Б. Архипова (кандидат юридических наук)
Корректор К. В. Чегулова
Компьютерная верстка Г. С. Гордиенко

Адрес редакции:
Российская Федерация, 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69
Тел.: +7(495) 332-51-49; +7(495) 332-51-19

При перепечатке и цитировании
ссылка на журнал «Правосудие/Justice» обязательна.
Полное или частичное воспроизведение в СМИ материалов,
опубликованных в журнале, допускается только с разрешения редакции

АО «Коломенская типография»
Подписано в печать 09.12.2024
Формат 70×100/16
Объем 15,6 усл. печ. л.
Тир. 300

The academic and scientific journal "Pravosudie/Justice" publishes original articles in accordance with the established requirements, which research the most significant for the domestic and foreign legal science problems in the following areas: theory and history of law and state, globalisation and justice, modern legal doctrines, legal procedures, judicial reforms and judicial systems of individual countries, digitalisation and law. The publisher of the journal's aims to present to the scientific community the results of scientific research carried out by the Russian and international scientists and to introduce to the scientific community publications on a special range of issues relating to the administration of justice.

The titles and contents of the rubrics of the journal correspond to the branches of science and Nomenclature of scientific specialities in which degrees are awarded.

All materials submitted to the editorial board undergo a scientific peer review process. All reviewers are recognised experts in the subject matter of the reviewed material. The editorial board sends copies of reviews to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation upon request.

The journal follows the standards of editorial ethics according to international practices for editing, reviewing, publishing and authorship of scientific publications and the recommendations of the Committee on the Ethics of Scientific Publications (COPE) and Association of Science Editors and Publishers (ASEP).

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science and for the degree of Doctor of Science are published (K1).

The Journal is registered in the Federal Service
for Supervision in the Sphere of Communications,
Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)
Certificate: ПИ № ФС77-76078, 24.06.2019

Scientific editor L. B. Arkhipova (Cand. Sci. (Law)
Proof-reader K. V. Chegulova
Computer layout G. S. Gordienko

Postal adress:
69 Novocheremushkinskaya ul., Moscow, 117418, Russian Federation
Tel.: +7(495) 332-51-49; +7(495) 332-51-19

When reprinting or quoting,
the reference to the journal "Pravosudie/Justice" is necessary.
No part of this publication may be reproduced
without the prior written permission of the publisher

JSC "Kolomenskaya Tipografiya"
Signed to print 09.12.2024
Sheet size 70×100/16
Conventional printed sheets 15,6
Number of copies 300

Главный редактор

Корнев Виктор Николаевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права имени Н. В. Витрука Российского государственного университета правосудия

Редакционная коллегия

Антюшин Сергей Сергеевич (г. Москва, Россия), доктор философских наук, доцент, действительный член Академии военных наук, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин Российского государственного университета правосудия

Арямов Андрей Анатольевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе Российского государственного университета правосудия

Бирюков Павел Николаевич (г. Воронеж, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета

Бриллиантов Александр Владимирович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного университета правосудия

Бурдина Елена Владимировна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия

Дорская Александра Андреевна (г. Санкт-Петербург, Россия), доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия

Жуков Вячеслав Николаевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Качалов Виктор Иванович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия

Кирпичев Александр Евгеньевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Российского государственного университета правосудия

Колюшин Евгений Иванович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации

Кононов Павел Иванович (г. Киров, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного процесса Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Корнев Аркадий Владимирович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Кулаков Владимир Викторович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, ректор Российского государственного университета правосудия

Лапаева Валентина Викторовна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН

Монжаль Пьер-Ив (г. Тур, Франция), доктор публичного права, профессор Университета Франсуа Рабле

Нешатаева Татьяна Николаевна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия

Никитин Сергей Васильевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия

Прошунин Максим Михайлович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Российского государственного университета правосудия

Скляров Сергей Валерьевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия

Спиридонов Андрей Алексеевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, заместитель директора Департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, академик РАЕН, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса

Стародубцев Григорий Серафимович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Российского государственного университета правосудия

Фаргиев Ибрагим Аюбович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Судья Верховного Суда Российской Федерации

Фролова Елизавета Александровна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Editor-in-Chief

Viktor N. Kornev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Vitruk Constitutional Law Department, Russian State University of Justice

Editorial board

Sergey S. Antyushin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Full Member of the Academy of Military Sciences, Head of the Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines Department, Russian State University of Justice

Andrey A. Aryamov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Scientific Work of the Russian State University of Justice

Pavel N. Biryukov (Voronezh, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the International and Eurasian Law Department, Voronezh State University

Alexander V. Brilliantov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Criminal Law Department, Russian State University of Justice

Elena V. Burdina (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Organization of the Judiciary and Law Enforcement Department, Russian State University of Justice

Alexandra A. Dorskaya (St. Petersburg, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Director for Scientific Work, Head of the General Theoretical Legal Disciplines Department, North-West Branch, Russian State University of Justice

Vyacheslav N. Zhukov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (Philosophy), Professor of the Theory of State and Law and Political Science Department, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University

Viktor I. Kachalov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Radutnaya Criminal Proceedings Law Department, Russian State University of Justice

Alexander E. Kirpichev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Business and Corporate Law Department, Russian State University of Justice

Evgeny I. Kolyushin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Central Election Commission of the Russian Federation

Pavel I. Kononov (Kirov, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Civil and Administrative Procedure Department, Volga-Vyatka Institute (Branch), Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Arkady V. Kornev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Theory of State and Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Vladimir V. Kulakov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Rector of the Russian State University of Justice

Valentina V. Lapaeva (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Chief Researcher of the Sector of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences

Pierre-Yves Monjal (Tours, France), PhD in Public Law, Professor of the Francois Rabelais University

Tatyana N. Neshataeva (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the International Law Department, Russian State University of Justice

Sergey V. Nikitin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Civil and Administrative Proceedings Department, Russian State University of Justice

Maxim M. Proshunin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Financial Law Department, Russian State University of Justice

Sergey V. Sklyarov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law Department, Russian State University of Justice

Andrey A. Spiridonov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Deputy Director of the Department for Ensuring Regulatory Policy of the Government of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Worker of the Office of the Government of the Russian Federation, Actual State Advisor of the Russian Federation 2nd class

Grigory S. Starodubtsev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the International Law Department, Russian State University of Justice

Ibragim A. Fargiyev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation

Elizaveta A. Frolova (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Theory of State and Law and Political Science Department, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University

Содержание

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Лапаева В. В. Цивилизационная идентичность России как философско-правовая проблема 8

Петухов Н. А., Рябцева Е. В. Нюрнберг в Токио: судебные процессы над японскими военными преступниками 30

Белова М. А. Категории «понятие права» и «идея права» в немецком неокантианстве 43

Завражнов С. А. Формы государственного устройства в программных документах и правовой доктрине России начала XX века 61

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Короткевич М. П. Распоряжение имуществом, нажитым супругами в период брака, по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь 79

Болдырев В. А., Шишкин С. Н. Объекты гражданских прав: проблема технологической нейтральности законодателя 94

Лепешин Д. А., Даутия Т. В. Роль судебной экспертизы в спорах о защите авторских и смежных прав в сети «Интернет» 108

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Марковичева Е. В., Рябинина Т. К. Гласность судебного разбирательства по уголовным делам: баланс публичных и частных интересов 132

Бодаевский В. П. Отсрочка отбывания наказания в связи с прохождением военной службы (приравненной службы) в особые периоды времени: исторический опыт, современный подход, проблемы регламентации 151

Шаталов Н. Н. Цифровые технологии в кассационном производстве по уголовным делам: обзор российского и зарубежного опыта 171

Content

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

V. V. Lapaeva. The civilizational identity of Russia as a philosophical and law problem 8

N. A. Petukhov, E. V. Ryabtseva. Nuremberg in Tokyo: trials of Japanese war criminals 30

M. A. Belova. Categories “concept of law” and “idea of law” in German neo-kantianism 43

S. A. Zavrazhnov. Forms of government in program documents and legal doctrine of Russia at the beginning of the 20th century 61

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

M. P. Korotkevich. Disposal of property acquired by spouses during marriage, according to the legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus 79

V. A. Boldyrev, S. N. Shishkin. Objects of civil rights: the problem of technological neutrality of the legislator 94

D. A. Lepeshin, T. V. Dautiya. The role of forensic examination in disputes on the protection of copyright and related rights on the Internet 108

CRIMINAL LAW SCIENCES

E. V. Markovicheva, T. K. Ryabinina. Transparency of criminal proceedings: balance of public and private interests 132

V. P. Bodaevsky. Postponement of serving a sentence in connection with military service (equivalent service) in special periods of time: historical experience, modern approach, problems of regulation 151

N. N. Shatalov. Digital technologies in criminal cassation proceedings: review of Russian and foreign experience 171

Научная статья
УДК 340.12
DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.8-29

Цивилизационная идентичность России как философско-правовая проблема

Валентина Викторовна Лапаева

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация
lapaeva07@mail.ru

Аннотация
Введение. Цивилизационная идентичность нации трактуется автором как доминирующий в общественном сознании вектор коллективного самоопределения при выборе будущего страны и ее места в глобальном мире.
Результаты исследования. В статье обосновывается тезис о том, что Россия – это государство, обладающее мощным цивилизационным потенциалом, но еще четко не определившееся со своей цивилизационной идентичностью. Автор соглашается с теми, кто подчеркивает восточно-европейскую ментальность русского народа с присущим ему «равномощным тяготением к европейским вершинам и древнерусским корням» и ориентацией на европейский вектор модернизации. С этой позиции задача обретения Россией цивилизационной идентичности трактуется как поиск синтеза духовных начал Запада и Востока в направлении решения философско-правовой по своей сути проблемы справедливости. Речь идет о соединении западного понимания правовой справедливости как равенства людей в их свободе, открывающего перспективы для инновационно-технологического прорыва, и восточных представлений о справедливости социальной жизни на основе общинно-братского характера взаимодействия между людьми, гарантирующего устойчивость социальной системы в эпоху нарастающей глобальной конкуренции.
Обсуждение и заключение. Значение поиска такого синтеза в контексте задач модернизации определяется тем, что именно по поводу модернизации в общественном сознании россиян обнаруживаются расхождения такого масштаба, которые трактуются как раскол. Наличие подобного раскола означает, что термин «цивилизационная идентичность России» пока не имеет ясного смыслового наполнения. Преодоление этого глубинного раскола, обусловленного особенностями российского исторического развития, должно быть связано с правовым (равносправедливым) решением проблемы собственности на средства производства, вставшей перед страной после крушения социализма.

© Лапаева В. В., 2024

Ключевые слова: Россия, цивилизационная идентичность, право, справедливость, собственность, равенство в свободе, общинный коллективизм, этика коллективного спасения, раскол, цивилизм

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение № 075-15-2024-639 от 12 июля 2024 г.).

Для цитирования: Лапаева В. В. Цивилизационная идентичность России как философско-правовая проблема // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 4. С. 8–29. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.8-29.

Original article

The Civilizational Identity of Russia as a Philosophical and Law Problem

Valentina V. Lapaeva

Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
lapaeva07@mail.ru

Abstract
Introduction. The author interprets the civilizational identity of a nation as the dominant vector of collective self-determination in public consciousness when choosing the image of the country's future and its place in the global world.
Results. The article substantiates the thesis that Russia is a state with a powerful civilizational potential, but has not yet clearly defined its civilizational identity. The article substantiates the thesis that Russia has powerful civilizational potential, but has not yet clearly defined its civilizational identity. The author agrees with those who emphasize the Eastern European mentality of the Russian people with its inherent "equal attraction to European peaks and ancient Russian roots" and orientation towards the European vector of modernization. From this position, the task of Russia acquiring a civilizational identity is interpreted as a search for a synthesis of the spiritual principles of the West and the East in the direction of solving the essentially philosophical and legal problem of justice. In terms of these approach, we are talking about combining the Western understanding of justice as the equality of people in their freedom, which opens up prospects for an innovative and technological breakthrough, and Eastern ideas about the justice of social life based on the communal and fraternal nature of interaction between people, guaranteeing the stability of the social system in an era of increasing global competition.
Discussion and Conclusion. The significance of the search for such a synthesis in the context of the tasks of modernization is determined by the fact that it is regarding modernization in the public consciousness of Russians that discrepancies of such a scale are discovered that they are interpreted as a split. The existence of such a split means that the term "civilizational identity of Russia" does not yet have a clear semantic content. Overcoming this deep split, caused by the peculiarities of Russian historical development, must be connected with a legal (equally fair) solution to the

problem of ownership of the means of production, which the country faced after the collapse of socialism.

Keywords: Russia, civilizational identity, law, justice, property, equality in freedom, communal collectivism, ethics of collective salvation, schism, civilism

Acknowledgments: the research was supported by a grant from the Russian Ministry of Education and Science in the form of subsidies from the federal budget for large-scale scientific projects in priority areas of scientific and technological development (agreement No. 075-15-2024-639 dated July 12, 2024).

For citation: Lapaeva, V. V., 2024. The civilizational identity of Russia as a philosophical and law problem. *Pravosudie/Justice*, 6(4), pp. 8–29. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.8-29.

Введение
Проблема цивилизационной идентичности страны в свете трансформации глобального правопорядка

В XXI веке мир вступил в эпоху глобальной неопределенности, охватывающей различные сферы жизни и затрагивающей глубинные основы цивилизационного развития разных стран и народов. Одним из наиболее наглядных проявлений этой неопределенности является разворачивающаяся на наших глазах кардинальная геополитическая трансформация, связанная с формированием многополярного мира. Главный вызов, который встает перед Россией в данной ситуации, заключается в необходимости не просто примкнуть к какому-то полюсу силы, а стать одним из центров притяжения для других государств, союз которых мог бы образовать блок, способный конкурировать в глобальном пространстве. Для этого нужны как минимум три составляющие: материальные (и прежде всего природные) ресурсы, надлежащий уровень научно-технологического развития и духовный потенциал нации, подтверждающий ее претензии на такую цивилизационную идентичность, которая несет в себе ценности и поведенческие модели, притягательные для потенциальных союзников. Слабым звеном является духовная составляющая: есть достаточно оснований признать отсутствие в массовом общественном сознании россиян такого духовного ресурса, который соответствовал бы задачам цивилизационного самоопределения страны в ситуации новых геополитических вызовов.

Кризисные явления в духовной сфере общества характерны не только для России: во всем мире исследования фиксируют снижение социального оптимизма, нарастающее ощущение тревоги и беззащитности широких масс перед будущим [Нестик, Т. А., 2021] под влиянием таких факторов, как рост социального неравенства, разрушение среднего класса и увеличение численности прекариата, стремление государств освободиться от своих социальных функций, нарастающая опасность технологической дегуманизации, снижение устойчивости человечества в отношении глобальных рисков, усиление международной напряженности и т. д. Однако в России подобная ситуация усугубляется целым рядом факторов, связанных с тем, что страна, которая совсем недавно по историческим меркам имела статус великой державы, вынуждена сейчас бороться за достойное место в

меняющихся геополитических реалиях. При этом одной из существенных причин фрустрации массового сознания постсоциалистического общества, по-видимому, является крах претензий нашей страны на самостоятельный глобальный проект будущего, способный увлечь за собой другие народы. И дело здесь вовсе не в «великодержавных амбициях»: наличие у нации собственного проекта будущего, выходящего по своей значимости за узконациональные рамки, – это важнейший духовный ресурс, который мог бы быть задействован в нынешней крайне непростой ситуации.

Такой проект мог бы стать основой цивилизационной идентичности россиян, которая в современных условиях неизбежно выходит за рамки традиционной социокультурной идентичности и становится фактором «оборонительного действия социального борца против самих условий его коллективного действия» [Турен, А., 2007, с. 159]. Здесь речь идет о модели будущего, имеющей всемирное значение, соответствующей главному историческому нарративу в развитии России, пронизывающему всю ее историю и выражающему духовные особенности народа, его образа жизни и отношения к миру.

Результаты исследования

Россия в поисках цивилизационной идентичности: перспективы синтеза западных и восточных представлений о справедливости

В последнее время в отечественном обществоведении появилось много работ, в том числе и юридического профиля, посвященных данной проблематике. Для этого дискурса в целом характерны увязка цивилизационной идентичности России с православием, акцент на духовной самобытности, проявляющейся в том, что «русская культура сопротивляется общеевропейскому тренду на отмену патриархальности в семье, церкви и государстве» [Межуев, Б. В., 2018, с. 35], и т. п. Однако указанные характеристики относятся, скорее, к социокультурной специфике русского народа как этнокультурного большинства. Если же мы говорим о российской цивилизационной идентичности, то речь должна идти об особом пути России как государства-цивилизации с акцентом на гражданские характеристики многонационального и поликонфессионального российского народа. Наличие особого пути предполагает свой собственный образ будущего, т. е. идеологический проект, открывающий перспективы социального развития, которые способны дать импульс творческому потенциалу внутри страны и стать фактором «мягкой силы» в пространстве за ее пределами.

Представляется неверным связывать цивилизационную идентичность России с «патриархальностью в семье, церкви и государстве»: этот уход в архаику не способствует творческому порыву в будущее. Не вписывается в предлагаемую трактовку данного понятия и установка на признание православия в качестве основы российской идентичности. Прежде всего надо отметить, что православие как направление христианства утвердилось не только среди россиян, но и среди целого ряда иных народов. Кроме того, согласно Конституции Российской Федерации многоконфессиональность российского общества строится на правовом принципе формального равенства между разными конфессиями, что не предполагает выделения

одной из них в качестве основы для духовного единства нации. Данное обстоятельство, разумеется, не исключает опоры при поиске цивилизационной идентичности россиян на те базовые духовные смыслы православного мировоззрения, которые выходят за рамки сугубо конфессионального подхода.

Другое популярное направление поиска цивилизационной идентичности России традиционно связано с *концепцией евразийства*, которая в своих теоретических построениях исходит из географического положения российской территории между Европой и Азией. Не отрицая значимости географического детерминизма, следует отметить, что суть проблемы заключается в геополитической двойственности России как страны, соединяющей Запад и Восток. Поэтому главный вопрос, на который надо ответить, – это вопрос о том, является ли Россия восточной окраиной Запада или западной окраиной Востока, либо это самостоятельное государство-цивилизация, синтезирующее на самобытной основе духовный потенциал Запада и Востока. Поиск ответа на этот вопрос требует выйти за рамки евразийской теории в пространство более широкого философского дискурса.

В аспекте такой постановки проблемы Россия, на наш взгляд, предстает как *государство, обладающее мощным цивилизационным потенциалом, но еще четко не определившееся со своей цивилизационной идентичностью* и находящееся в процессе осмысления своего места в мире. Рассуждая о направлениях этого поиска, следует обратить внимание на позицию авторов, считающих, что нашей стране историей отведена роль своего рода «геополитического моста, специфического пространства, которое в достаточной степени модернизировано, где в определенной мере интегрированы славянские, тюркские, угро-финские и другие народы посредством модернизационной роли русского народа как народа европейского» [Федотова, В. Г., 2005, с. 391]. Формулируя этот важный тезис, В. Г. Федотова разводит понятия «европейский» и «западный», подчеркивая именно *восточно*-европейскую ментальность русского народа. При этом она опирается на работы одного из ярких представителей русского интеллектуального зарубежья Г. П. Федотова, для творчества которого характерно «равномощное тяготение к европейским вершинам и древнерусским корням» [Бойков, В. Ф., 2005, с. 12]. Это означает, что особый путь России не носит антизападный характер, а ориентируется на синтез начал, выражающих квинтэссенцию духовной социальной энергии Запада и Востока. Принципиально важным представляется здесь также указание на модернизационную роль русского народа и европейскую ориентацию такой модернизации.

Применяя данный подход к анализу проблемы, необходимо определить (хотя бы в порядке гипотезы), на основе какого духовного феномена следует выстраивать подобный синтез. Вряд ли будет ошибкой предположить, что речь должна идти об *идее справедливости.* Правовая по своей сути проблема справедливости отношений между людьми (т. е. справедливости общественного устройства) уже много веков является самой острой проблемой российской жизни, осмысление которой, в том числе и в рамках отечественной философско-правовой мысли, имеет свою специфику. Если

попытаться кратко охарактеризовать главные тренды в трактовке справедливости, доминирующие на Западе и на Востоке, то можно выделить западное понимание справедливости как правового *равенства людей в их свободе* и восточные представления о справедливости социальной жизни на основе *общинно-братского характера социального взаимодействия*. Эти две мощные духовные традиции обусловлены самой природой человека, биосоциальная эволюция которого основывалась на сочетании индивидуалистических и общинно-коллективистских начал. Соответственно, направление особого пути развития России следует искать в русле синтеза именно этих духовных традиций.

Важно подчеркнуть, что само по себе наличие у России такого самостоятельного пути предполагает, что история страны не движется по кругу (а существует и такая версия российской истории), но с той или иной мерой последовательности развивается в русле модернизации общественной жизни. Российская модернизация носит догоняющий характер, поскольку государства Запада, раньше других вступившие на путь развития по техногенному типу и направившие инновационный потенциал техногенной цивилизации на обеспечение своего доминирования в мире, предопределили таким образом необходимость технологической модернизации для других государств и цивилизаций, стремящихся отстаивать свою идентичность. Как верно замечено, «наука и право – вот реальный вклад Запада в мировое развитие, которым не может пренебречь ни одна цивилизация» [Межуев, В. М., 2015, с. 67]. И хотя в настоящее время все более очевидными становятся не только явные достоинства подобного пути, но и его недостатки, связанные с опасностью технологической дегуманизации как самого человека, так и системы выстраиваемых им общественных отношений, России необходимо встать на путь ускоренного, точнее – прорывного (с учетом нынешней остроты глобальной конкуренции) научно-технологического прогресса.

Поскольку потребность в технологическом прорыве формулируется как стратегическая цель России в ряде программных документов, способы решения этой экзистенциальной по своей значимости задачи должны стать частью того идеологического проекта будущего, с которым связывается цивилизационная идентичность страны на данном этапе ее истории. В контексте такой постановки проблемы следует попытаться ответить на два ключевых, на наш взгляд, вопроса. Каким образом решение задач модернизации может быть вписано в синтез либерально-правовой (западной) и коллективистской (восточной) моделей справедливости? И может ли этот синтез помочь преодолеть опасность дегуманизации, порождаемой ускорением технологической модернизации, которая является локомотивом всех современных модернизационных процессов?

Для понимания необходимости поиска синтеза западной и восточной моделей справедливости в контексте задач модернизации важное значение имеет тот факт, что именно по поводу модернизации в общественном сознании россиян обнаруживаются расхождения такого масштаба, которые давно уже характеризуются термином «раскол». Этот глубокий раскол, проходящий через всю отечественную историю, начиная с принятия хри-

стианства, определяет главную специфику российского общественного сознания, наиболее значимую в контексте проблематики цивилизационной идентичности. Наличие подобного раскола означает, что утвердившийся в нашем обществоведении термин «цивилизационная идентичность России» пока не имеет ясного содержания.

Тема «русского раскола» – ключ к осмыслению цивилизационной идентичности России (анализ проблемы с позиций философско-правового подхода)

Чтобы сформировать общий вектор цивилизационной идентичности России, надо преодолеть раскол в общественном сознании россиян, причем преодолеть его в том моменте, в котором пульсирует нерв социально-экономической и политико-правовой жизни страны, а именно – в вопросе о *справедливости общественного устройства*. Здесь недостаточно признать, что «российское общество объединяет единый культурный (цивилизационный) код, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации и в котором заключены такие основополагающие общечеловеческие принципы, как уважение самобытных традиций народов, населяющих Российскую Федерацию, и интегрирование их лучших достижений в единую российскую культуру»[1]. Необходимо определить основания российской цивилизационной идентичности, выражающие единство в подходах к решению ключевых социально-экономических и политико-правовых проблем общественной жизни на началах справедливости, и наметить пути преодоления раскола именно в этих вопросах.

Только на такой основе можно будет, на наш взгляд, сформировать консолидирующую общегражданскую идентичность, мобилизовать духовный ресурс нации и справиться с тем состоянием фрустрации, в котором широкие слои общества пребывают после краха социализма и шоковых реформ 90-х гг. прошлого века. Уже три десятилетия подряд социологические и социально-психологические исследования массового сознания россиян фиксируют отсутствие духовного потенциала для формирования позитивного образа коллективного будущего. Такое положение дел вполне закономерно для страны, дважды в течение одного века оказавшейся в ситуации, о которой можно сказать словами шекспировского героя: «Распалась связь времен…». В начале XX в. Россия, вставшая на путь активного встраивания в мировую капиталистическую систему, ускоренного развития частнособственнических отношений и модернизации политико-правовой системы по западному образцу, резко свернула с этого проторенного другими госу-

---

[1] Пункт 11.1 Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (Указ Президента Российской Федерации от 6 декабря 2018 г. № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru).

дарствами пути и начала строить принципиально новое социалистическое общество, основанное на отказе от частной собственности. А к концу века столь же резко и неожиданно порвала с социализмом, объявив его неудачным историческим экспериментом, и решила любой ценой вернуться к «России, которую мы потеряли». Однако цена, которую большинство граждан, а также само государство как субъект международных отношений и актор глобальной экономики заплатили за эти метания, оказалась гораздо больше, чем многие ожидали.

Нынешний разрыв с Западом вновь поставил Россию в ситуацию трудного выбора между двумя путями возврата в прошлое, про которые можно сказать – «оба хуже». Во всяком случае, из наиболее реальных векторов возможного развития событий на ближайшую перспективу выделяются возврат к «новому социализму» путем национализации ранее приватизированных объектов социалистической собственности или очередная волна приватизации, ориентированная на новый передел собственности и возобновление линии на номенклатурный госкапитализм.

Что касается возврата к какому-то обновленному социализму, то следует согласиться с теми, кто считает, что социалистический эксперимент Россия отработала полностью. Задача заключается в том, чтобы сделать выводы из этого опыта, ответив на вопрос: стал ли социализм трагической ошибкой России? Если считать социализм ошибкой, то надо признать, что русский народ потерпел в XX в. «...историческое поражение, и духовное, и материальное. Десятилетиями мы платили за национальную катастрофу 1917 года, теперь платим за выход из нее – и тоже катастрофический» [Солженицын, А. И., 1998, с. 105]. Иная точка зрения на социалистическое прошлое России представлена в работах В. С. Нерсесянца, по мнению которого социалистический период в развитии России (при всей ничем не оправданной бесчеловечности тоталитарного режима) не был ошибкой Истории. Более того, российский социализм – «это самое существенное во всей истории России. Тот звездный случай, когда национальная история напрямую делает дело всемирной истории» [Нерсесянц, В. С., 2001, с. 44].

Если же социализм – это не случайный эксцесс российской истории, то ошибкой надо считать попытку возврата постсоциалистического общества к капитализму. Такая ошибка, совершенная в конце прошлого века, – это цена, которую наше общество заплатило за то, что десятилетиями мирилось с тоталитарным идеологическим диктатом, подавлявшим его интеллектуальный потенциал и разрушавшим его способность к социальному творчеству. Можно, конечно, попытаться проверить, готово ли нынешнее российское общество платить такую цену и дальше. Однако следует иметь в виду, что «продолжающийся покой в стране, если он есть, – это отнюдь не согласие большинства общества с происходящим», а лишь способ «самосохранения и выживания масс в трудных условиях, спасительный опыт выдержки: масса действует только наверняка, воздерживаясь от риска до тех пор, пока не убедится, что пора действовать» [Нерсесянц, В. С., 2001, с. 57]. Выдержит ли наша страна новый раскол на красных и белых – это вопрос, скорее, риторический.

Предупреждая об опасностях такого раскола, В. С. Нерсесянц предложил концепцию постсоциалистического общественного строя – цивилиз-

ма, представляющего собой диалектический синтез капитализма как общества, основанного на проникновении частной собственности во все сферы человеческой жизни, и социализма как общества, отрицающего частную собственность. При этом он трактовал социализм как результат подготовленного диалектикой мирового исторического развития и самобытной историей России форсированного (а потому насильственного и кровавого) осуществления великой идеи уничтожения частной собственности, истоки которой уходят в глубину веков. Эта идея просматривается в древних мифах о Золотом веке человечества, она приобретает более реальные черты в описаниях Плутархом деяний спартанского царя Ликурга, затем получает популяризацию в платоновском проекте идеального государства и теоретическое развитие в западноевропейских социальных утопиях XVI–XIX вв., в идеологии христианского социализма, в коммунистическом идеологическом проекте и т. д. В XX веке идея уничтожения частной собственности получила широкомасштабную экспериментальную апробацию в мировой практике реального социализма, наглядно продемонстрировавшей плюсы и минусы соответствующей формы общественного устройства. В работах В. С. Нерсесянца эта идея получает философско-правовое осмысление и обоснование в рамках разработанной им концепции цивилизма как нового общественного строя, основанного на индивидуальной (но не частной) собственности на средства производства.

Содержание и правовой смысл концепции цивилизма, а также ее значение для формирования цивилизационной идентичности России мы рассмотрим далее. Но прежде необходимо попытаться хотя бы в самых общих чертах понять, почему идея уничтожения частной собственности была на государственном уровне реализована именно в России и какие глубинные противоречия исторического развития страны породили в начале XX в. мощный всплеск социальной энергии, вынесшей эту идею на поверхность общественно-политической жизни.

Анализ этих проблем требует взглянуть на историю России, отбросив популярные стереотипы советского догматического марксизма и постсоветского либерального фундаментализма. При этом главной путеводной нитью такого анализа должна стать *тема русского раскола*, без осмысления причин и последствий которого невозможно понять ни главные социально-экономические и политико-правовые проблемы современной России, ни правовой смысл концепции цивилизма, предлагающей способ решения этих проблем.

Среди научных подходов, на которые можно при этом опираться, особый интерес с методологической точки зрения представляет циклическая теория социокультурной динамики России, разработанная известным отечественным культурологом А. С. Ахиезером. Ключевым познавательным инструментом этой теории является *понятие раскола, напрямую связанное с проблемой модернизации страны*. Эта теория наиболее полно изложена в двухтомном труде ученого «Россия: критика исторического опыта» (Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997–1998), где под критикой исторического опыта понимается осознание активной частью общества ограниченности сложившейся культуры (т. е. ценностей, норм, институтов, по-

веденческих моделей и т. д.), а также готовность и способность общества к изменениям в ответ на вызовы времени.

Раскол как устойчивое явление социальной жизни, препятствующее нормальному правовому развитию, возникает тогда, когда конфликт между двумя ведущими социальными субкультурами приобретает непримиримый характер и в таком своем качестве постоянно возобновляется. В данном случае речь идет о субкультурах, одна из которых ориентирована на модернизацию, требующую развития права как формы свободы индивида, а другая склонна придерживаться уходящих в архаику общинно-коллективистских традиций. Важно отметить, что конфликт социальных интересов подобного рода является объективной закономерностью исторического развития любого общества. Он становится расколом лишь там, где отсутствуют социальные механизмы медиации, способные превращать позитивные новшества в комфортные не только для активных социальных групп, но и для широких масс населения. В России, по мнению А. С. Ахиезера, в силу ряда объективных причин подобные механизмы медиации не сложились, в результате чего историческое развитие страны приобрело инверсионный (циклично-маятниковый) характер: продвижение вперед осуществляется по формуле «реформы-контрреформы», что сопряжено с чрезмерными затратами общественной энергии.

Присущий проведенному А. С. Ахиезером исследованию акцент на объективных факторах социокультурной динамики России предопределил недооценку роли субъективной составляющей исторического процесса. Это наглядно проявилось в анализе автором так называемых либеральных реформ постсоветского периода, рассмотренных без учета тех причин, которые одни эксперты связывают с ошибками реформаторов, другие характеризуют как преступления, а третьи оценивают как ошибки, которые хуже, чем преступления. Подводя итоги своего анализа и констатируя, что население страны оказалось «неподготовлено к переходу к полномасштабному рынку, развитой экономике, принципиально иной системе власти и управления» [Ахиезер, А. С., Ильин, В. В., 2000, с. 237], А. С. Ахиезер остановился лишь на вопросе «Что делать?», проигнорировав другой любимый русский вопрос «Кто виноват?», а также его современное продолжение – вопрос «Что делать с теми, кто виноват?», уже зазвучавший в общественно-политическом дискурсе. Такой подход недооценивает значение для общества «работы над ошибками». Между тем важно понять, почему реформы пошли в русле усиления раскола и подавления тех очагов диалога и механизмов медиации, которые в начале 90-х гг. прошлого века начали зарождаться в обществе. А для этого необходимо дополнить анализ объективных закономерностей осмыслением ошибок, совершенных вполне конкретными людьми, которые взяли на себя историческую ответственность за судьбы страны на крутых поворотах ее истории и не справились с нею.

Именно с этих позиций подошел в свое время к теме русского раскола, образовавшегося по итогам церковной реформы середины XVII в., В. О. Ключевский. Важно прежде всего отметить, что выдающийся русский историк связывал тему раскола также с потребностью страны в модернизации, которая остро ощущалась после Смутного времени. И если государству, пи-

сал он, для этого понадобился мастер-немец, то церковь почувствовала нужду в киевских академиках и ученых греках, которые помогли бы Москве «…стать источником света… для всего православного мира, основать высшее духовное училище и завести греческую типографию» [Ключевский, О. В., 2019, с. 704]. Однако эти просветительские намерения осуществлялись государством и церковью самыми варварскими, неправовыми способами, опирающимися на избыточное применение насилия. Ответом на жестокость властного произвола стало исключительно мощное по своему духовному накалу сопротивление со стороны народных масс. Причем это противостояние уже тогда приобрело цивилизационный (антизападный) характер. «Ох, бедная Русь! – восклицал в одном из своих сочинении главный выразитель идеологии раскола протопоп Аввакум. – Что это тебе захотелось латинских обычаев и немецких поступков?» (цит. по: [Щапов, А. П., web]). Как подчеркивает В. О. Ключевский, в этом глубинном и очень тяжелом по своим последствиям расколе «…прежде всего виноват сам Никон со всей русской иерархией. Зачем… он предпринимал такое дело, обязанный знать, что из него выйдет» [Ключевский, О. В., 2019, с.703].

Заложенная в основу церковной реформы XVII в. установка на модернизацию любой ценой по принципу «цель оправдывает средства» встретила широкий протест именно потому, что грубо затронула духовные основы ментальности русского крестьянства, чей жизненный горизонт веками ограничивался проблемой физического выживания, требовавшей консервации апробированных ранее форм духовной жизни. В этом смысле религиозный раскол, связанный с формированием отдельной ветви русской православной традиции, получившей наименование «старообрядчество», стал лишь внешним выражением более глубинного социокультурного раскола. Конечно, страна остро нуждалась в модернизации разных сфер общественной и государственной жизни путем освоения технологических и правовых достижений западной цивилизации. Однако избранная стратегия модернизации оказалась стратегией раскола, закрепившей установку России на догоняющую модернизацию без учета тех правовых предпосылок, которые на Западе дали импульс развитию модернизационных процессов.

Причем раскол не ограничился только сферой духовного благочестия: в этот же исторический период начался процесс закрепощения крестьян, разрушивший тот заложенный в основу русской цивилизации древний общественный договор, который обеспечивал социокультурное единство социума, базировавшееся на началах справедливости. Глубинный смысл такого негласного соглашения, легитимирующего систему отношений внутри любого нормально функционирующего сообщества, сформулировали еще древние греки, когда говорили «…о справедливости и праве как договоре об общественно полезном для обеспечения индивидуальной свободы и взаимной безопасности людей в общественно-политической жизни» [Нерсесянц, В. С., 2006, с. 519]. На Руси это было свободное соглашение о тяготах и выгодах совместной жизни внутри отдельных княжеств между теми, кто создавал средства жизнеобеспечения в ситуации враждебного окружения, и теми, кто защищал жизнь и свободу всех членов сообщества. По мере становления и укрепления Московского государства начался, как отмечал

Б. Н. Чичерин, закономерный процесс всеобщего закрепощения, который постепенно поставил на службу государству все слои общества. И хотя положение социальных низов по степени бесправия было несоразмерно по своей тяжести с остальными слоями общества, тем не менее под началом государства и с опорой на его властные ресурсы сложился в целом приемлемый социальный контракт между различными слоями общества по поводу распределения основных тягот и выгод. Однако Манифест Петра III о даровании вольности дворянству, который освободил дворян от обязанности служить государству (почти за сто лет до отмены крепостного права!), а затем екатерининская Жалованная грамота, добавившая к этому неограниченное право наследования земли и проживающих на ней крестьян (что некоторые авторы охарактеризуют как «первую российскую приватизацию, которая была намного циничнее приватизации 90-х годов XX века» [Митрохин, С., 2017, с. 64]), обрушили неустойчивый социальный баланс. В итоге общество окончательно раскололось на меньшинство, обладавшее неправомерными привилегиями, и практически бесправное большинство. Очевидная несправедливость такого общественного устройства стала миной замедленного действия для всего последующего развития России.

В сложившейся ситуации способом адаптации крестьянства к крайне тяжелым условиям существования стала крестьянская община как особая форма коллективной жизни, наиболее адекватная задачам выживания в нелегких природных условиях, крайне отягченных крепостничеством. Показательно, что Б. Н. Чичерин, глубоко изучавший этот вопрос, прямо связывает большую роль общины в жизни русского крестьянства именно с крепостным правом. Отмечая, что истоки данного социального института восходят к первобытно-общинному строю и что сельское общинное владение «…составляло первоначальную форму поземельной собственности во всем человечестве», он подчеркивал, что на Руси в XV в. «мы находим поземельную общину уже совершенно разложившеюся» [Чичерин, Б. Н., web]. Однако после закабаления крестьян начавшийся было процесс естественного разложения общины был остановлен: земля, к которой прикреплялись крестьянские общины, стала средством нести наложенное на них тягло.

Если для властей община являлась удобной формой собирания налогов, то для крестьян она оказалась способом выживания во многом благодаря «практической реализации принципа справедливости, выраженного в идее равенства» [Пыжиков, А. В., 2023, с. 99], который отсутствовал во внешней по отношению к общине системе общественных отношений. Этот принцип реализовался на практике в круговой поруке, в общинном землепользовании с его уравнительными переделами земли и чересполосицей, в разнообразных формах социальной и экономической взаимопомощи, в выстраивании правовых обычаев и всей этики внутриобщинной жизни на трудовых началах и т. д. Тем самым русская крестьянская община выковала не только особую *трудовую этику*, которой соответствовал «взгляд на труд как на единственный справедливый источник собственности» [Пыжиков, А. В., 2023, с. 357], но и собственную *этику коллективного спасения*, ориентированную на выживание всех, а не только наиболее приспособленных в русле древнего, глубоко архаичного принципа самосохранения со-

общества, согласно которому спасение каждого зависит от спасения всех. Можно, по-видимому, сказать, что соединение именно этих двух разных по своей сути этических систем сформировало специфику общинно-коллективистской ментальности русского крестьянства.

Особенно острой потребность в общинно-коллективистском устройстве жизни была у той части народной массы, само наименование которой – «раскольники» – несло на себе отпечаток главной трагедии страны, во многом предопределившей ее историческую судьбу. Подвергаясь жесткой дискриминации, а зачастую и прямым гонениям, раскольники вынуждены были выработать максимально эффективные в этих условиях формы самоорганизации внутри своего сообщества, гарантирующие выживание всех его членов. Поэтому именно раскольническая староверческая община стала тем социально-правовым институтом, в котором получили свое наиболее полное выражение коллективистские представления русского крестьянства о правде и справедливости как основе совместной жизнедеятельности. И когда государство, которое несколько веков использовало общинную форму крестьянской жизни в фискальных целях, решилось ликвидировать общину, ставшую тормозом капиталистической модернизации экономики, выяснилось, что этот социальный институт уходит в такие глубины жизненного мира и ментальности значительной части русского народа, что попытка искоренить его стала одним из значимых факторов, подорвавших царскую Россию изнутри.

Изучая тему церковного раскола в аспекте его социально-экономических причин и последствий, современный историк А. В. Пыжиков показал особо тесную связь общинной формы жизнеустройства со староверием, уделив специальное внимание отношению староверов к проблеме частной собственности, в котором наиболее ярко проявилась позиция крестьянской общины в целом, отрицавшей справедливость присвоения того, что не создано трудом человека, а дано Богом всему народу, живущему на этой земле [Пыжиков, А. В., 2023, с. 357]. По понятным причинам подобная позиция в наибольшей степени утвердилась именно в староверческих общинах: «Общинно-коллективистские (а не частнособственнические) отношения стали той основой, на которой строилась вся жизнь раскола» [Пыжиков, А. В., 2023, с. 515]. Без опоры на глубинные структуры сознания широких народных масс, считает автор, небольшая группа большевиков не смогла бы овладеть властью в такой огромной стране и провести в ней кардинальные социалистические преобразования.

Предложенная большевиками идея уничтожения частной собственности нашла отклик в крестьянской массе и среди вышедших из нее рабочих, поскольку хорошо вписывалась в русскую ментальность с ее представлениями о трудовом характере собственности и этикой коллективного спасения, которая в сфере экономики проявлялась в приверженности принципам общинного землевладения и семейной собственности двора как хозяйствующего субъекта [Шанин, Т., 2005, с. 338–340]. Благодаря опоре на традиционалистскую общинно-коллективистскую идеологию советская власть, перед которой старая российская проблема модернизации встала с новой силой, смогла провести ускоренную коллективизацию сельского хо-

зяйства и индустриализацию промышленности. И именно благодаря этой идеологии власть смогла удержаться, несмотря на эксцессы принудительной коллективизации, произвол раскулачивания и даже новое закабаление крестьян (колхозники получили паспорта лишь в 1974 г.). Однако при всех достигнутых за советский период прорывных успехах в науке и технологиях, во многом обусловленных внедрением всеобщей грамотности, сильной государственной поддержкой науки, созданием эффективной системы социальных лифтов, опорой на трудовую этику и т. д., СССР не смог «вытянуть» модернизацию на уровень, который позволял бы конкурировать с Западом: для этого требовалась значительно бóльшая мера свободы людей в экономической, общественной и государственной жизни, чем могла позволить социалистическая идеология.

Правовой вектор постсоциалистического развития России на базе синтеза индивидуальной и коллективистской моделей собственности

В конце 80-х гг. прошлого века партийное руководство СССР решилось на очередную в истории страны попытку модернизационных реформ, на этот раз – в русле построения социализма «с человеческим лицом». Решение было принято под давлением целого ряда факторов, важнейшим из которых по-прежнему оставалась необходимость преодоления технологического отставания от Запада, что требовало высвобождения творческой активности граждан, а также включения страны в систему международной кооперации в сфере науки и технологий. Однако так называемая «перестройка» социализма, начатая с «расширения гласности и плюрализма мнений», быстро переросла в стихийные процессы, направленные на кардинальный слом основ социально-экономической и политико-правовой жизни под лозунгом движения к «праву, демократии и свободному рынку». Эти процессы развивались столь стремительно, что ни общество в целом, ни его интеллектуальная элита не сумели противопоставить серьезные аргументы тем политическим силам, которые объявили социализм трагической, нелепой ошибкой российской истории и заявили о необходимости как можно быстрее исправить эту ошибку путем проведения ускоренной широкомасштабной приватизации общенародной собственности.

С этой целью первоначально была предложена модель приватизации на основе именных приватизационных чеков. Эта модель, закрепленная законодательством РСФСР от 1991 г., вскоре была Указом Президента Российской Федерации заменена введением обезличенных ваучеров, которые в итоге разными путями оказались в руках узкой группы лиц. Дальнейший процесс передела собственности приобрел откровенно номенклатурно-криминальный и обвальный по своим темпам характер. Апогеем этого процесса стали залоговые аукционы, по итогам которых в собственность нескольких коммерческих банков практически даром перешли высокодоходные стратегически значимые для государства активы. В результате общество вновь раскололось на меньшинство бенефициаров приватизации и подавляющее большинство, оказавшееся в проигрыше. Откровенно неправовой по своей сути процесс приватизации общенародной собственности

нанес существенный удар не только по этике коллективного спасения, но и по тесно связанной с ней в сознании россиян трудовой этике.

Правовой анализ российской приватизации до сих пор осуществляется преимущественно с позиций действовавшего на тот момент законодательства[2]. За рамками такого анализа остается более фундаментальный философско-правовой вопрос о соответствии подобного способа преобразования общенародной собственности принципу формального равенства как сущностному принципу права. Нарушение в ходе приватизации этого основополагающего правового принципа [Лапаева, В. В., 2014] и уже вполне очевидные негативные последствия неправового реформирования отношений собственности (нарастание антагонизма между собственниками и несобственниками, нелегитимность крупной собственности, сложившейся по итогам приватизации, и т. д.) актуализируют предложенную В. С. Нерсесянцем концепцию *цивилизма* как нового общественного строя, который мог бы сформироваться в результате справедливого подхода к изменению системы собственности. С точки зрения данной концепции применение принципа формального равенства требует проведения не приватизации, которая в любом ее варианте предполагает передачу собственности в частные руки лишь некоторых, а десоциализации общенародного достояния, при которой каждый гражданин получает равную с другими долю доходов от введения бывшей социалистической собственности в рыночный оборот. Важно отметить, что по своей юридической конструкции цивилитарная (гражданская) собственность – это общая долевая собственность всех гражданин страны, которая носит персонально определенный неотчуждаемый характер, она «…не может быть изъята из общей гражданской собственности и не может быть предметом какой-либо сделки» [Нерсесянц, В. С., 2001, с. 23].

Таким образом, в концепции цивилизма великая раннехристианская идея уничтожения частной собственности, которая, как писал В. С. Нерсесянц, будет жива до тех пор, пока приносящая доход собственность имеется лишь у части общества, получает возможность реализации через диалектический синтез частной и общественной собственности, итогом которого является формирование *индивидуальной собственности каждого гражданина страны.* Популярные в последние годы представления о том, что постиндустриальное общество уже не носит капиталистический характер, поскольку в современной экономике знания частная собственность не является основой и движущим фактором экономического развития, подвергнуты достаточно убедительной научной критике [Пикетти, Т., 2015]. Поэтому идея уничтожения частной собственности не утратила своей актуальности. И уж тем более не подрывает значимость этой идеи так называемая концепция стейкхолдеров, развиваемая апологетами инклюзивного капитализма (т. е. капитализма как бы «для всех») [Schwab, K., Vanham, P., 2021]. Принципиально важным моментом концепции цивилизма, в котором получает свое выражение ее идейная новизна, обладающая мощным

---

[2] Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годов (экспертно-аналитическое мероприятие) / рук. раб. группы С. В. Степашин. М. : Олита, 2004. 185 с.

идеологическим потенциалом, является диалектическое соединение на базе правового подхода трех основополагающих идей Великой французской революции – свободы, равенства и братства. Концепция цивилизма вводит в правовые рамки идею *братства*, правовой характер которой (в отличие от двух других составляющих идейной триады либерализма) остается, как минимум, недостаточно проясненным. В этом своем моменте данная концепция *соединяет на основе правового принципа формального равенства западную идею справедливости как равенства в свободе и заложенную в основы российской ментальности общинно-коллективистскую идею справедливости как выражения братского единства*. Ведь в рамках цивилитарной модели собственности все граждане России с момента рождения предстают как члены единого братского сообщества, являющиеся правомерными наследниками общенародной собственности, созданной трудом нескольких поколений советских людей, и тех природных богатств, которые достались нашей стране в ходе ее трудной многовековой истории.

С точки зрения правового подхода представляется важным, что релевантная такой форме братско-коллективистского самосознания система отношений, выстроенных на базе представлений о трудовой природе собственности, соответствует правовому принципу формального равенства. Этого как раз нельзя сказать о современном финансовом капитализме, который позволяет финансовым структурам, доминирующим в экономике, «приватизировать прибыль, национализировать убытки, социализировать риски», создавая таким образом правонарушающие привилегии для капитала «в ущерб труду и государству» [Кондратьев, В. Б., 2021, с. 176]. Следует отметить и тот факт, что цивилитарная собственность как общая равнодолевая собственность всех граждан повторяет в своей основе модель семейной собственности русского крестьянского двора, согласно которой субъектом права собственности являлся не домохозяин лично, а все члены семьи, права которых сводились «к участию в пользованию семейным достоянием» [Шанин, Т., 2005, с. 340]. Попытки властей в рамках столыпинской реформы перевести семейную собственность в правовой режим частной собственности не смогли преодолеть сопротивления со стороны крестьянского правосознания. И даже большевики после ряда неудачных экспериментов закрепили в Земельном кодексе РСФСР 1924 г. «…основные принципы крестьянского обычного права в том виде, в каком они существовали в период с 1861 по 1905 годы» [Шанин, Т., 2005, с. 345–346].

Несмотря на то что концепция цивилизма в своей идейной основе соответствует традиционному для русской ментальности взгляду на собственность, она не только не была востребована ни одной политической силой в начальный период постсоциалистических преобразований, но и не получила сколько-нибудь заметного отклика научного сообщества. Однако в последнее время эта концепция начинает привлекать некоторое общественное внимание, что отчасти обусловлено осознанием неочевидности самой возможности возврата постсоциалистической России на капиталистический путь развития. Определенную роль играет здесь и все более широкое распространение в мире идеи безусловного (или, как вариант, гарантированного, универсального, т. е. уже не безусловного) базового дохода, под

которым понимается стабильный денежный доход, получаемый человеком независимо от его трудового вклада, социального статуса, возраста и т. д. Такой доход, по замыслу его наиболее активных пропагандистов, призван избавить каждого человека от унижающей его достоинство бедности и сохранить стабильность социальной системы в условиях нарастающих процессов автоматизации и роботизации экономики, которые неизбежно приведут к потере работы значительной частью населения. В широкий диапазон дискуссий по этой проблематике, участники которой придерживаются самых разных идеологий (от экономического неолиберализма до коммунизма), некоторые авторы включают и идею цивилизма, трактуя ее как специфически российскую версию безусловного базового дохода. Подобная трактовка представляется неверной, поскольку она игнорирует принципиальную разницу между государственной благотворительностью как помощью слабым со стороны сильных (чем по сути является базовый доход, размер и порядок выплаты которого неизбежно будут зависеть от доброй воли преуспевающей части общества) и прирожденным, неотчуждаемым правом каждого гражданина на равную с другими долю в общенародном достоянии, что, как и всякое право, возвышает личность и укрепляет ее достоинство. Очевидно, что эти две модели социально-экономической политики качественно различны прежде всего по своей правовой сути и гуманистической направленности [Лапаева, В. В., 2021].

Заложенный в концепцию цивилизма гуманистический потенциал обусловлен тем, что вводит в правовую сферу принципа формального равенства идею братства, которую правовая мысль нередко относит к области морально-религиозного или политического сознания. Такая юридизация данной идеи применительно к самой «болевой точке» общественного сознания россиян – к вопросу о собственности на средства производства – направлена на преодоление внутреннего противоречия между традиционалистским общинно-коллективистским духом русского правосознания и задачами активного включения России в модернизационные процессы. В сфере экономического и технологического развития реализация концепции цивилизма приведет к формированию некапиталистического рынка[3] и заложит идейные предпосылки для противодействия тем процессам крайне опасной технологической дегуманизации, которые порождены индивидуалистической интенцией капиталистического общества. А в правовой сфере наделение каждого гражданина не просто абстрактной правоспособностью «иметь (или не иметь) собственность на средства производства, а *уже приобретенным, наличным и неотчуждаемым субъективным правом на реальную собственность*» [Нерсесянц, В. С., 2001, с. 30] обеспечит расширение меры свободы граждан от экономической нужды и жизненной неопределенности, не унижая при этом достоинство человека и не ставя его в

[3] В этом контексте важно отметить, что, как верно замечено, «многострадальный наш народ идею рынка принял (хотя заметно от нее пострадал), но в большинстве своем на дух не принимает самого духа капитализма. Не принимает на уровне менталитета и культуры, если хотите – элементарного “чувства несправедливости”» [Толстых, В. И., 2015, с. 203].

зависимость от усмотрения тех, кто преуспел в жизненной конкуренции. Подобное привнесение в сферу отношений собственности нового гуманистического смысла дало бы, на наш взгляд, важный импульс для столь необходимой сейчас творческой активности индивидов, в том числе и в области научно-технологической модернизации, сглаживая при этом дегуманизирующее воздействие технологического прогресса на человеческую жизнь.

Обсуждение и заключение

В ближайшие десятилетия разным цивилизациям, судя по всему, предстоит продемонстрировать свои конкурентные преимущества в борьбе за «место под солнцем» в меняющейся системе глобальных отношений. Это ставит Россию перед необходимостью максимально использовать свой цивилизационный потенциал, связанный с возможностью синтеза духовных начал Запада и Востока и построения на этой основе модели будущего, способной соединить гарантии прав человека с идущей из раннего христианства идеей ответственности каждого не только за себя, но и других» [Межуев, В. М., 2008, с. 96–97]. Возврат на новом витке социальной эволюции человечества к архаической по своим истокам этике коллективного спасения, когда-то позволившей нашему биологическому виду выжить, – это необходимость сохранения биосоциального единства человеческого рода как условия его выживания. Именно в этот момент исторический опыт выживания широких народных масс России может оказаться востребованным.

Способна ли Россия после разочарования в социализме и нескольких десятилетий деморализации общественного сознания россиян в период постсоциалистических преобразований предложить модель будущего, основанную на синтезе коллективизма и индивидуализма, – это вопрос, на который еще предстоит ответить. В любом случае задача российской философии права заключается сейчас в том, чтобы помочь общественному сознанию выйти из состояния фрустрации и предложить ему обнадеживающие и вдохновляющие перспективы развития. Концепция цивилизма В. С. Нерсесянца – один из возможных ответов отечественной философии права на этот важнейший общественный запрос глобального уровня.

Список источников

Ахиезер А. С., Ильин В. В. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000. 300 с. ISBN: 5-211-04238-7.

Бойков В. Ф. Судьба и грехи России (Философско-историческая публицистика Г. П. Федотова) // Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. М. : ДАРЪ, 2005. С. 3–38. ISBN: 5-87316-002-3.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Полное издание в одном томе. М. : Альфа Книга, 2019. 1197 с. ISBN: 978-5-9922-0421-6.

Кондратьев В. Б. Перспективы финансового капитализма // Перспективы. 2021. № 2–3. С. 160–177. DOI: 10.32726/2411-3417-2021-2-3-160-177.

Лапаева В. В. Идея безусловного базового дохода и концепция цивилизма: различия в философско-правовых основаниях // Государство и право. 2021. № 6. С. 99–113. DOI: 10.31857/S102694520015042-7.

Лапаева В. В. Приватизация социалистической собственности: конституционно-правовой и философско-правовой анализ // Вопросы права и политики. 2014. № 2. С. 140–152. DOI: 10.7256/2305-9699.2014.2.10985.

Межуев Б. В. Есть ли у России свой «цивилизационный код», и в чем он может заключаться? // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 35–43. DOI: 10.31857/S004287440000221-8.

Межуев В. М. Россия в поисках своей цивилизационной идентичности // Россия на пути консолидации : сб. ст. / отв. ред. А. А. Гусейнов, А. В. Смирнов, Б. О. Николаичев. СПб. : Нестор-История, 2015. С. 61–75. ISBN: 978-5-4469-0727-4.

Межуев В. М. Россия и Европа: возможен ли диалог? // Личность. Культура. Общество. 2008. Вып. 1 : Философия в мире и мир философии (к 80-летию Института философии РАН). С. 90–110.

Митрохин С. Модернизация и архаика. М. : Центр «Столица», 2017. 160 с. ISBN: 978-5-906936-48-6.

Нерсесянц В. С. Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М. : Норма, 2001. 59 с. ISBN: 978-5-00156-158-3.

Нерсесянц В. С. Философия права : учебник для вузов. М. : Норма, 2006. 834 с. ISBN: 5-86225-452-8.

Нестик Т. А. Образ будущего, социальный оптимизм и долгосрочная ориентация россиян: социально-психологический анализ // Социодиггер. 2021. Т. 2, вып. 9 (14). С. 6–48.

Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М. : Ad Marginem, 2015. 517 с. ISBN: 978-5-91163-252-4.

Пыжиков А. В. Грани русского раскола. Тайная роль старообрядчества. От 17 века до 17 года. М. : Концептуал, 2023. 527 с. ISBN: 978-5-906867-12-4.

Солженицын А. И. Россия в обвале. М. : Русский путь, 1998. 204 с. ISBN: 5-85887-030-7.

Толстых В. И. Прошлое. Ценности и проблемы // Россия на пути консолидации : сб. ст. / отв. ред. А. А. Гусейнов, А. В. Смирнов, Б. О. Николаичев. СПб. : Нестор-История, 2015. С. 181–204. ISBN: 978-5-4469-0727-4.

Турен А. Два лица идентичности // Социология власти. 2007. № 2. С. 151–168.

Федотова В. Г. Хорошее общество. М. : Прогресс-Традиция, 2005. 544 с. ISBN: 5-89826-247-4.

Чичерин Б. Н. Собственность и государство. URL: http://www.fil.wikireading.ru/hp6rVGGEfo (Глава VI. Поземельная собственность) (дата обращения: 23.07.24).

Шанин Т. Русское крестьянское право и наследование имущества // Отечественные записки. 2005. № 3. С. 337–347.

Щапов А. П. Русскиі расколъ старообрядства, рассматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII. URL: sergeyhry.narod.ru/txt/shapov_a_p/shapov_tI_12.htm (Раздел 1) (дата обращения: 17.10.2024).

Schwab K., Vanham P. Stakeholder capitalism. A global economy that works for progress, people and planet. John Wiley & Sons, 2021. 304 p. ISBN: 1119756146.

References

Akhiezer, A. S., Ilyin, V. V., 2000. *Rossiyskaya tsivilizatsiya: soderzhanie, granitsy, vozmozhnosti* = [Russian civilization: content, boundaries, possibilities]. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 300 p. (In Russ.) ISBN: 5-211-04238-7.

Boykov, V. F., 2005. [The fate and sins of Russia (Philosophical and historical journalism by G. P. Fedotov)]. In: G. P. Fedotov. *Sud'ba i grekhi Rossii. Izbrannye stat'i po filosofii russkoj istorii i kul'tury* = [The fate and sins of Russia. Selected articles on the philosophy of Russian history and culture]. Moscow: DAR. Pp. 3–38 (In Russ.) ISBN: 5-87316-002-3.

Chicherin, B. N. *Sobstvennost' i gosudarstvo* = [Property and the state]. URL: http://www.fil.wikireading.ru/hp6rVGGEfo (Chapter VI. Land ownership) (Accessed: 23.07.24). (In Russ.)

Fedotova, V. G., 2005. *Khoroshee obshchestvo* = [Good society]. Moscow: Progress-Traditsiya. 544 p. (In Russ.) ISBN: 5-89826-247-4.

Klyuchevsky, V. O., 2019. *Kurs russkoj istorii. Polnoe izdanie v odnom tome* = [Course of Russian history. Complete edition in one volume]. Moscow: Al'pha Kniga. 1197 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-9922-0421-6.

Kondratiev, V. B., 2021. [Prospects for financial capitalism]. *Perspektivy* = [Perspectives], 2–3, pp. 160–177. (In Russ.) DOI: 10.32726/2411-3417-2021-2-3-160-177.

Lapaeva, V. V., 2014. [Privatization of socialist property: constitutional-legal and philosophical-legal analysis]. *Voprosy prava i politiki* = [Questions of Law and Politics], 2, pp. 140–152. (In Russ.) DOI: 10.7256/2305-9699.2014.2.10985.

Lapaeva, V. V., 2021. The idea of an unconditional basic income and the concept of civilism: differences in philosophical and legal grounds. *State*

and Law, 6, pp. 99–113. (In Russ.) DOI: 10.31857/S102694520015042-7.

Mezhuev, B. V., 2018. Does Russia have its own "civilization code", and what can it be? *Questions of philosophy*, 7, pp. 35–43. (In Russ.) DOI: 10.31857/S004287440000221-8.

Mezhuev, V. M., 2008. [Russia and Europe: is dialogue possible?]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. Vyp. 1: Filosofiya v mire i mir filosofii (k 80-letiyu Instituta filosofii RAN)* = [Personality. Culture. Society. Issue 1: Philosophy in the world and the world of philosophy (to the 80th anniversary of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences)]. Pp. 90–110. (In Russ.)

Mezhuev, V. M., 2015. [Russia in search of its civilizational identity]. In: Khuseynov, A. A., Smirnov, A. V., Nikolaichev, B. O., eds. *Rossiya na puti konsolidacii* = [Russia on the path of consolidation]. Collection of articles. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. Pp. 61–75. (In Russ.) ISBN: 978-5-4469-0727-4.

Mitrokhin, S., 2017. *Modernizatsiya i arkhaika* = [Modernization and archaism]. Moscow: Center "Stolitsa". 160 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-906936-48-6.

Nersesyants, V. S., 2001. *Natsional'naya ideya Rossii vo vsemirno-istoricheskom progresse ravenstva, svobody i spravedlivosti. Manifest o tsivilizme* = [The national idea of Russia in the world-historical progress of equality, freedom and justice. Manifesto on Civilism]. Moscow: Norma. 59 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-00156-158-3.

Nersesyants, V. S., 2006. *Filosofiya prava* = [Philosophy of law]. Textbook for universities. Moscow: Norma. 834 p. (In Russ.) ISBN: 5-86225-452-8.

Nestik, T. A., 2021. [Image of the future, social optimism and long-term orientation of Russians: socio-psychological analysis]. *Sotsiodigger* = [Sociodigger], 2(9), pp. 6–48. (In Russ.)

Piketty, T., 2015. *Kapital v XXI veke* = [Capital in the 21st century]. Moscow: Ad Marginem. 592 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-91163-252-4.

Pyzhikov, A. V., 2023. *Grani russkogo raskola. Tajnaya rol' staroobryadchestva. Ot 17 veka do 17 goda* = [Facets of the Russian schism. The secret role of the Old Believers. From the 17th century to the 17th year]. Moscow: Kontseptual. 527 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-906867-12-4.

Schwab, K., Vanham, P., 2021. *Stakeholder capitalism. A global economy that works for progress, people and planet*. John Wiley & Sons. 304 p. ISBN: 1119756146.

Shanin, T., 2005. [Russian peasant law and inheritance of property]. *Otechestvennye zapiski* = [Domestic Notes], 3, pp. 337–347 (In Russ.)

Shchapov, A. P., web. *Russkij raskol staroobryadstva, rassmatrivaemyj v svyazi s vnutrennim sostoyaniem russkoj tserkvi i grazhdanstvennosti v XVII veke i v pervoj polovine XVIII* = [Russian schism of the Old Believers,

considered in connection with the internal state of the Russian church and civil society in the 17th century and in the first half of the 18th]. URL: sergeyhry.narod.ru/txt/shapov_a_p/shapov_tI_12.htm (Section 1) (Accessed: 17.10.2024).

Solzhenitsyn, A. I., 1998. *Rossiya v obvale* = [Russia is in collapse]. Moscow: Russkij put'. 204 p. (In Russ.) ISBN: 5-85887-030-7.

Tolstykh, V. I., 2015. [Past. Values and problems]. In: A. A. Guseynov, A. V. Smirnov, B. O. Nikolaichev, eds. *Rossiya na puti konsolidatsii* = [Russia on the path of consolidation]. Collection of articles. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. Pp. 181–204. (In Russ.) ISBN: 978-5-4469-0727-4.

Touraine, A., 2007. [Two faces of identity]. *Sociologiya vlasti* = [Sociology of Power], 2, pp. 151–168 (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Лапаева Валентина Викторовна, доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН) (Российская Федерация, 119019, Москва, ул. Знаменка, д. 10), заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Valentina V. Lapaeva, Dr. Sci. (Law), Chief Researcher of the Philosophy of Law, History and Theory of State and Law Department, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (10 Znamenka St., Moscow, 119069, Russian Federation), Honored Scientist of the Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 09.09.2024; одобрена после рецензирования 19.09.2024; принята к публикации 08.10.2024.
The article was submitted 09.09.2024; approved after reviewing 19.09.2024; accepted for publication 08.10.2024.

Научная статья
УДК 342.5
DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.30-42

Нюрнберг в Токио: судебные процессы над японскими военными преступниками

Николай Александрович Петухов[1],
Екатерина Владимировна Рябцева[2]

[1, 2] Российский государственный университет правосудия, Москва, Российская Федерация
[1] nikolajpetuhow@yandex.ru, [2] rev020680@mail.ru

Аннотация
Введение. Статья посвящена 75-летию Токийского судебного процесса над японскими военными преступниками. Цель работы – анализ исторических событий, предшествующих проведению Токийского трибунала.
Результаты исследования. Показана ключевая роль СССР в капитуляции Японии. Приведены доказательства злодейского обращения японцев с военнопленными и с мирным населением на оккупированных территориях. Исследованы особенности проведения Токийского судебного процесса и подробно описан вынесенный обвинительный приговор в отношении 25 военных преступников.
Обсуждение и заключение. Даны оценки деятельности Токийского трибунала, который вместе с Нюрнбергским процессом положил начало утверждению норм и принципов современного международного права, касающихся наказаний за военные преступления, преступления против мира и человечности, а также заложил основу последующей борьбы за признание бактериологического оружия вне закона.

Ключевые слова: Токийский международный трибунал, советско-японские отношения, японские военные преступники, капитуляция, обвинительный приговор

Для цитирования: Петухов Н. А., Рябцева Е. В. Нюрнберг в Токио: судебные процессы над японскими военными преступниками // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 4. С. 30–42. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.30-42.

© Петухов Н. А., Рябцева Е. В., 2024

Original article

Nuremberg in Tokyo: Trials of Japanese War Criminals

Nikolay A. Petukhov[1], Ekaterina V. Ryabtseva[2]

[1, 2] Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
[1] nikolajpetuhow@yandex.ru, [2] rev020680@mail.ru

Abstract
Introduction. The article is dedicated to the 75th anniversary of the Tokyo trial of Japanese war criminals. The purpose of work is analysis of historical events preceding the Tokyo tribunal is carried out.
Results. The key roles of the USSR in the surrender of Japan is shown. The evidence of the villainous treatment of prisoners of war and civilians in the occupied territories by the Japanese is presented. The features of the Tokyo trial are investigated and the conviction of 25 war criminals is described in detail.
Discussion and Conclusion. The importance of the Tokyo Tribunal is shown, which, together with the Nuremberg trials, laid the foundation for the approval of the norms and principles of modern international law concerning punishments for war crimes, crimes against peace and humanity, and also laid the foundation for the subsequent struggle for the outlawing of bacteriological weapons.

Keywords: International Military Tribunal, Soviet-Japanese relations, Japanese war criminals, surrender, indict

For citation: Petukhov, N. A., Ryabtseva, E. V., 2024. Nuremberg in Tokyo: trials of Japanese war criminals. *Pravosudie/Justice*, 6(4), pp. 30–42. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.30-42.

С 3 мая по 12 ноября 1946 г. в Токио проходил военный международный трибунал для Дальнего Востока. Его также именовали Токийским международным трибуналом или Токийским трибуналом. Это был второй судебный процесс над главными военными преступниками, виновными в развязывании Второй мировой войны. Первый международный суд над немецкими военными преступниками, который назывался также судом народов, проходил в Нюрнберге (Германия) с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г.

Нюрнбергский процесс фактически создал исторический прецедент, в соответствии с которым руководители государства, развязавшего агрессивную войну, приведшую к миллионным жертвам, уничтожению народов, объявленных «неполноценными», были осуждены и понесли заслуженное наказание.

О Нюрнбергском процессе много написано в нашей исторической военной и научной литературе (см., например: [Савенков, А. Н., 2021, с. 14–19]).

По нашему мнению, гораздо меньше жителям нашей страны известно о Токийском процессе над японскими военными преступниками. Видимо, еще меньше гражданам России известно о судебном процессе над японскими военными преступниками, состоявшемся с 25 по 30 декабря 1949 г. в

Хабаровске. Японские милитаристы, мечтавшие ценой захвата чужих территорий, гибели и порабощения других народов установить с партнерами по оси (Германией и Италией) мировое господство и считавшие себя носителями высших духовных ценностей, предстали перед судом народов [Гречко, А. А., и др., ред., 1980, с. 35–46].

Решение о суде над японскими военными преступниками было сформулировано в Потсдамской декларации о безоговорочной капитуляции Японии от 26 июля 1945 г., подписанной главами правительств Соединенных Штатов, Соединенного Королевства Великобритании и Китая[1].

Руководство Японии отвергло предложение о капитуляции. Учитывая это обстоятельство, союзники обратились к советскому правительству с предложением включиться в войну против японской агрессии. Советское правительство приняло предложение союзников и в августе 1945 г. присоединилось к заявлению союзных держав, заявив, что с 9 августа Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией.

Правительство СССР руководствовалось верностью своему союзническому долгу, данному слову на Ялтинской конференции в феврале 1945 г. об объявлении войны Японии после победы над фашистской Германией, стремлением ускорить наступление всеобщего мира, освобождение народов, порабощенных Японией. Оно также учитывало, что Япония открыто помогала гитлеровской Германии в ее войне против СССР и угрожала безопасности его границ на Дальнем Востоке [Гречко, А. А., и др., ред., 1979, с. 134; Типпельскирх, К., 1998, с. 278].

Пункт 10 Потсдамской декларации гласил: «Мы не стремимся к тому, чтобы японцы были порабощены как раса или уничтожены как нация, но все военные преступники, включая тех, которые совершили зверства над нашими пленными, должны понести суровое наказание…».

Государства, подписавшие Потсдамскую декларацию и присоединившиеся к ней, рассматривали справедливое наказание японских военных преступников как важное условие прочного мира, демократизации государства и политического строя Японии. Они заявляли: «На вечные времена должны быть устранены власть и влияние тех, кто обманывал японский народ и вовлек его на путь завоевания мирового господства, ибо мы считаем, что мир, безопасность и справедливость невозможны, пока не будет изгнан из мира безответственный милитаризм» [Гречко, А. А., и др., ред., 1980, с. 86–94].

Таким образом, Потсдамской декларацией была заложена основа создания международного военного трибунала для Дальнего Востока.

Первоначально Япония капитуляцию не приняла, и только после атомной бомбардировки Соединенными Штатами японских городов Хиросимы (6 августа 1945 г.) и Нагасаки (9 августа 1945 г.) и разгрома советскими войсками и капитуляции Квантунской армии Японии в Китае 14 августа

---

[1] Потсдамская декларация – заявление глав правительств США, Великобритании и Китая относительно Японии (опубликована в Потсдаме, 26 июля 1945 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными державами. Вып. XI. М. : Госполитиздат, 1955. С. 104–106.

1945 г. Япония заявила о капитуляции и дала обязательство, что «японское правительство и его преемники будут честно выполнять условия Потсдамской декларации» [Гречко, А. А., и др., ред., 1980, с. 125].

15 августа император Японии Хирохито издал эдикт о прекращении военных действий и безоговорочной капитуляции Японии. 2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури» в Токийском заливе правительство Японии подписало акт о безоговорочной капитуляции. От США акт подписал главнокомандующий американскими войсками на Дальнем Востоке генерал Дуглас Макартур, на которого как Главнокомандующего союзными войсками в соответствии с решениями Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Великобритании от 16–26 августа 1945 г. было возложено проведение всех мероприятий, необходимых для реализации условий капитуляции, оккупации, контроля над Японией и касающихся наказания японских военных преступников [Чудодеев, Ю. В., 2015].

19 января 1946 г. Дуглас Макартур как Главнокомандующий войсками союзных Держав в силу данных ему 26 декабря 1945 г. Московской конференцией полномочий издал приказ об организации Международного военного трибунала для Дальнего Востока для справедливого и быстрого суда и наказания главных военных преступников на Дальнем Востоке и утвердил его Устав. В статье 5 Устава определено: «Трибунал имеет право судить и наказывать военных преступников на Дальнем Востоке, которые обвиняются либо персонально, либо как члены организаций в преступлениях против мира (планирование, подготовка, развязывание или ведение войны…), против законов и обычаев войны, против человечности (убийство, истребление, ссылка, а также другие бесчеловечные акты, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны или преследования по политическим или расовым мотивам…)»[2]

Устав Токийского трибунала вобрал в себя важнейшие положения Устава Нюрнбергского трибунала, в том числе определение военным преступлениям. Вместе с тем Устав Токийского трибунала не предусматривал равноправного участия стран в организации и проведении процесса. В Нюрнберге члены трибунала выбирали председательствующего по взаимному соглашению, главные обвинители распределяли обязанности по поддержанию обвинения также по договоренности, процесс велся на четырех языках (по количеству стран, участвующих в суде). В Токио все обстояло иначе.

Поскольку Устав разрабатывался американскими юристами в соответствии с англосаксонской процедурой, вопросы в ходе судебного рассмотрения дела решались так, будто дело рассматривалось в американском или английском суде. Широкие полномочия были предоставлены Главнокомандующему Д. Макартуру: он назначал председателя, главного обвинителя, членов трибунала из представителей государств, подписавших акт о капи-

[2] Устав международного военного трибунала для Дальнего Востока (Токийского трибунала) // И. Ю. Белый. Международное преследование за военные преступления : моногр. М. : Юркнига, 2004. С. 158–165.

туляции Японии, а также от Индии и Филиппин. Он обладал правом смягчить или как-то изменить приговор, но не увеличивать меру наказания. Официальными языками процесса были только английский и японский языки. Американцы на Токийском процессе занимали ключевые позиции, поскольку считали, что приоритет в разгроме Японии принадлежит им.

В состав трибунала вошли представители 11 стран: СССР, США, Великобритании, Китая, Франции, Австралии, Канады, Новой Зеландии, Голландии, Индии и Филиппин. Процесс возглавлял австралийский судья Уильям Уэбб, главным обвинителем был назначен американский прокурор Джозеф Киннан. Представителем СССР на этом процессе был член Военной коллегии Верховного Суда СССР генерал-майор юстиции И. М. Зарянов.

Каждая страна – участница Трибунала выделила юристов в качестве дополнительных обвинителей. От СССР обвинение представляли член-корреспондент Академии наук СССР С. А. Галунский (в ходе процесса его заменил прокурор г. Москвы А. Н. Васильев), государственные советники юстиции Л. Н. Смирнов и А. Н. Васильев [Гречко, А. А., и др., ред., 1980, с. 7].

Защищали подсудимых 79 японских и 25 американских адвокатов, знающих англосаксонскую судебную процедуру. Каждый обвиняемый имел трех-четырех защитников.

Перед судом предстали 28 человек, разрабатывавших и проводивших в 1928–1945 гг. политику агрессии. Большинство из них были профессиональными военными, тесно связанными с придворными кругами и занимавшими разные руководящие посты. Среди них бывшие премьер-министры: Х. Тодзио, К. Хирота, К. Хирандма, К. Койсо; министры иностранных дел Е. Мацуока, С. Того, М. Сигэмицу; послы – Х. Осима, Т. Сиратори. Военные руководители – бывшие военные и морские министры, начальники генерального штаба, командующие армиями и группами армий, всего 13 человек, и другие лица. Они обвинялись в организации и осуществлении заговора против мира и человечности, а также в совершении тягчайших военных преступлений. Им было предъявлено обвинение в заговоре совместно с Германией и Италией с целью обеспечить господство агрессивных стран над остальным миром и эксплуатацию его этими странами. Обвиняемые, используя все средства, развязывали и вели агрессивные войны, как говорилось в обвинительном акте, «против Соединенных Штатов Америки, Китайской Республики, Британского содружества наций и Северной Ирландии, Союза Советских Социалистических Республик, Австралии, Канады, Французской Республики, Королевства Нидерландов, Новой Зеландии, Индии, Филиппин и других миролюбивых народов с нарушением международного права, договоров, обязательств и заверений... с нарушением законов и обычаев войны».

Заключив военно-политический союз с фашистскими странами – Германией и Италией о разделе всего мира между этими державами, Япония вынашивала планы захвата территорий СССР – Сибири и Приморья, Восточной и Юго-Восточной Азии, стран Тихоокеанского бассейна и создания «великой восточной сферы сопроцветания» под руководством японской нации, включая собственно Японию, Маньчжурию, Китай, Филиппины, Австралию, Новую Зеландию, Индокитай, Голландскую Восточную Индию,

Алеутские острова, Таиланд, Малайзию, Бирму, Новую Гвинею и другие страны Азиатского континента, а также восточную часть Советского Союза до озера Байкал [Савенков, А. Н., 2021, с. 403–404].

Особое место в военных планах Японии занимала агрессия против Советского Союза с целью захвата его территории. 5 июля 1941 г. военный министр Торзио утвердил план войны против СССР. Предусматривалось внезапным налетом военно-воздушных сил Японии уничтожить советские авиационные базы на Дальнем Востоке, захватить военно-морскую базу во Владивостоке, а затем овладеть Хабаровским и другими районами Дальнего Востока. В это же время планировалось захватить Северный Сахалин и Камчатку.

Однако признаки затяжной войны СССР с Германией и обострение противоречий с США привели Японию к решению о нападении сначала на владения США и Великобритании в Тихом океане в районах Гавайских, Филиппинских островов, Сингапура и на Голландскую Индию, с нанесением первоначально внезапного удара по главной базе Тихоокеанского флота США Перл-Харбору.

В ночь с 18 на 19 сентября 1931 г. Япония вторжением в Маньчжурию развернула агрессию в Китае. Захватив Маньчжурию и спровоцировав 7 июля 1937 г. вооруженный конфликт у моста Лугоуцяо близ Пекина, Япония начала «большую» войну против Китая. В итоге военных действий в 1937–1945 гг. японской армией были оккупированы огромные территории Китая, захвачены крупнейшие политические, административные и промышленные центры – Пекин, Нанкин, Шанхай и другие. В ее руках оказались 90% всех железных дорог Китая, значительные национальные богатства и экономические ресурсы страны, что в немалой степени способствовало поддержанию военного потенциала Японии, усилению боевой мощи ее армии и флота [Гречко, А. А., и др., ред., 1979, с. 233–234; Чудодеев, Ю. В., 2015, с. 760].

В то же время в обстановке секретности Япония готовилась к нападению на военно-морскую базу США Перл-Харбор. Утром 7 декабря 1941 г. японская авиация нанесла сокрушительный удар по военным кораблям и самолетам США на военной базе Перл-Харбор на Гавайских островах, в результате которого погибло свыше двух с половиной тысяч военнослужащих, около тысячи пропали без вести, 1300 были ранены, уничтожено 19 военных кораблей и 150 самолетов из 202, находившихся на земле.

Внезапный удар по Перл-Харбору ослабил Тихоокеанский флот США и позволил Японии захватить господство на море и в воздухе и обеспечил возможность для широкого стратегического наступления в Юго-Восточной Азии и западном районе Тихого океана. В течение пяти-шести месяцев Япония захватила огромные территории с населением более 150 млн человек: Бирму, Филиппины, Голландскую Индию, Соломоновы острова и многие другие. США и Англия потеряли важные стратегические пункты: Сингапур, Гонконг, Рангун, Манулу [Тюшкевич, С. А., и др., ред., 1982, с. 234; Типпельскирх, К., 1998, с. 211–219].

В связи с нападением Японии на Китай советское правительство приняло меры к укреплению обороноспособности дальневосточных рубежей

страны и оказывало определенную помощь Китаю в укреплении вооруженных сил путем направления военных советников и специалистов, поставки вооружения, артиллерийских орудий и самолетов различных марок. В августе 1937 г. между СССР и Китаем был заключен Договор о ненападении, который гарантировал необходимую помощь Китаю в условиях отказа западных стран поддерживать Китай в какой-либо форме [Чудодеев, Ю. В., 2015].

Будучи недовольно политикой СССР, руководство Японии пошло на резкое обострение советско-японских отношений, что проявилось в событиях на озере Хасан (1938) и на реке Халхин-Гол (1939).

Развернувшиеся военные действия недалеко от озера Хасан закончились быстрой победой советских войск.

Более масштабные военные действия японская Квантунская армия организовала в районе Халхин-Гола в мае – сентябре 1939 г. Конфликт в этом районе перерос в локальную войну, которую формально вели Маньчжурия и Монгольская Народная Республика, но фактически – СССР и Япония. В результате четырехмесячное противоборство в августе 1939 г. закончилось поражением Квантунской армии, что сыграло свою роль в последующем. В апреле 1941 г. был подписан Пакт о нейтралитете между СССР и Японией, что было выгодно обеим странам: СССР в связи с агрессивными действиями Германии, а Японии – в связи с подготовкой к войне с США и Великобританией [Чудодеев, Ю. В., 2015, с. 763–764].

Развязав военные действия на Дальнем Востоке против Китая, США и Великобритании, японское правительство, подписавшее Пакт Бриана – Келлога от 27 августа 1928 г., осуждавший решение международных конфликтов «прибегая к войне», тем самым обусловило признание своих действий в 1937–1945 гг. преступлениями против мира. Именно такое обвинение и было выдвинуто на Токийском процессе[3].

На Токийском процессе установлено, что «огромные по масштабу и единые по методам совершения военные преступления продолжались целых восемь лет (1937–1945) и охватывали в момент кульминации японских военных успехов одну четверть земного шара» [Смирнов, Л. Н., Зайцев, Е. Б., 1978, с. 540]. На процессе выявились свидетельства массовых убийств не только солдат противника, включая военнопленных, но и беззащитных женщин, детей, стариков, которых убивали как ненужных «людей второго сорта». Свидетельством о геноциде китайского народа являются установленные факты «нанкинской резни», когда после овладения столицей Китайской Республики в декабре 1937 г. солдаты и офицеры японской армии за несколько дней в Нанкине (для развлечения) убили около 300 тыс. мирных жителей этого города, сотнями заживо закапывали в землю, расчленяли и сжигали на кострах.

Жертвами Манильской резни стали до 100 тыс. человек. Массовое уничтожение жителей захваченных территорий носило систематический

---

[3] Пакт Бриана – Келлога от 27 августа 1928 г. // Антология мировой политической мысли : в 5 т. Т. 5 : Политические документы / ред.-науч. совет: Г. Ю. Семигин и др. М. : Мысль, 1997. С. 275–277.

характер. В нарушение положений Женевской конвенции 1929 г. о гуманном обращении с военнопленными японцы массово убивали и военнопленных.

18 декабря 1937 г. японцы при захвате Нанкина за час расстреляли и уничтожили в реке Янцзы свыше 57 тыс. солдат и офицеров китайской армии. После захвата полуострова Батаан на Филипинах более 70 тыс. местных и американских военнопленных гнали по щебенке под палящими лучами солнца в концентрационный лагерь, расположенный на расстоянии 100 км. Тысячи пленных погибли в дороге от перегрева, болезней, истощения, обезвоживания, ран и беспричинных казней [Кошкин, А., web].

То, что произошло в Нанкине и Маниле, повторялось и в других городах даже тогда, когда Советский Союз уже объявил войну Японии и оставались считаные дни до ее капитуляции. Справедливо отмечается: «Это была японская система войны».

Бывший премьер и подсудимый Хиранума заявлял, что действия Японии будут понятны китайцам: «Что же касается тех, кто не пожелает понять, то у нас нет другого выхода, как только уничтожить их». По данным Японии, уже к июню 1941 г. было убито более двух миллионов китайцев, раненые и захваченные в плен составляли около четырех миллионов человек, не считая мирных жителей, которые были убиты и изувечены в ходе войны [Смирнов, Л. Н., Зайцев, Е. Б., 1978, с. 535–540, 470, 473–474].

Сотни страниц приговора и два тома приложений к нему посвящены описанию только конкретных фактов злодеяний, учиненных японскими милитаристскими войсками в ходе Второй мировой войны, в течение всего периода Тихоокеанской войны. Пытки военнопленных и гражданских интернированных лиц производились почти во всех регионах, где располагались японские войска, как на оккупированных территориях, так и в самой Японии. «К таким пыткам относились пытки водой, прижигание тела, пытки электричеством, растягивание коленных суставов, подвешивание, принуждение стоять на коленях на острых предметах и порка» [Смирнов, Л. Н., Зайцев, Е. Б., 1978, с. 460–464]. В результате такого обращения 27% всех британских и американских пленных погибли в лагерях. Многие тысячи других остались навсегда инвалидами.

Доказательствами злодейского обращения японцев с военнопленными (материалы обследования лагерей военнопленных и интернированных лиц, освобожденных союзными войсками) стали также показания и допрошенных в трибунале почти 700 очевидцев, прошедших через этот ад и оставшихся в живых.

В нарушение Лондонского протокола 1936 г., подписанного Японией, предписавшего правила ведения войны на море и спасение экипажей и пассажиров торпедированных кораблей, японцы нападали в открытом море даже на невооруженные корабли и совершали массовые убийства как военнослужащих, так и гражданских лиц с потопленных кораблей, ведя таким образом бесчеловечную войну.

Приказ японской императорской ставки от марта 1943 г. требовал от командиров подводных лодок: «Не ограничивайтесь потоплением кораблей и грузов, необходимо одновременно с этим уничтожать команды кораблей

врага». Нередко это касалось и советских военных судов [Смирнов, Л. Н., Зайцев, Е. Б., 1978, с. 475–477, 486].

Предметом тщательного исследования Трибуналом были факты уничтожения пленных летчиков союзных держав. Согласно предписаниям военного министерства захваченные в плен летчики карались смертной казнью за нападение не только на гражданские, но и на военные объекты как в самой Японии, так и на оккупированных ею территориях.

В большинстве случаев летчиков казнили без всякого суда и следствия, лишь по распоряжению офицеров, во власти которых они оказывались. Так, на ряде островов (Новая Британия, Борнео и др.) в общей сложности были казнены 56 летчиков союзных держав, в Сингапуре – 26 летчиков, в самой Японии в июне – августе 1945 г. было казнено 112 летчиков, 99 из которых – без суда.

В описательной части приговора военные преступления против пленных летчиков нашли надлежащее отражение, однако Трибунал не вменил их в вину индивидуально подсудимым. Это явилось следствием того, что большинство судей представляли в Токио страны англосаксонского блока, и они имели в виду, что в Тихоокеанской войне и американская авиация допускала ряд грубых нарушений законов и обычаев ведения воздушной войны, в первую очередь – атомную бомбардировку Хиросимы и Нагасаки в канун капитуляции Японии. Поэтому, формулируя индивидуальную вину в этом подсудимых (бывшего премьер-министра Тодзио и его соучастников: Хата и Итагаки), большинство судей предпочли отмолчаться [Смирнов, Л. Н., Зайцев, Е. Б., 1978, с. 501–505].

В книге американского историка и публициста Дэвида Бергмани, посвященной исследованию деятельности императора Японии Хирохито и его ближайшего окружения, написанной с учетом материалов Токийского процесса над японскими военными преступниками, материалов разведывательных и дипломатических служб США, Англии, Австралии, а также секретных документов японских ведомств военного времени, дневников и записей видных японских военных и государственных деятелей и других материалов, отмечено, что Хирохито несет полную ответственность за преступления японской военщины. Именно он «не только дал санкцию на японское нападение на западные страны в 1941 г., но и вдохновлял подготовку этого нападения в течение длительного времени… Он был не марионеткой в руках японских генералов, а энергичным и умным лидером одаренного и энергичного народа» [Бергмани, Д., 1982, с. 21–22].

И после окончания войны американские власти не сказали правду о японском императоре, он так и не был признан виновным в подготовке той катастрофы, которая постигла Японию. Командующий американскими войсками Макартур скрыл многие документы, обличавшие императора, поскольку считал сохранение его статуса важнейшим условием перестройки Японии в будущем, а к суду как виновники развязывания войны были привлечены Тодзио и другие военные и политические деятели [Бергмани, Д., 1982, с. 21–22]. В судебном заседании на вопрос, признают ли подсудимые себя виновными, все они ответили отрицательно. Обвинение предъявило доказательства виновности подсудимых, в числе которых были устные и

письменные показания свидетелей и подсудимых, документальные и вещественные улики. В ходе процесса было проведено 818 открытых заседаний и 131 заседание в судебной комнате. Трибунал принял 4356 письменных доказательств и свыше тысячи свидетельских показаний о преступлениях, совершенных военными и политическими лидерами Японии, из которых более 400 были заслушаны непосредственно Трибуналом.

После тщательного рассмотрения и изучения доказательств суд пришел к выводу о невозможности изложить всю массу представленных устных и документальных доказательств в приговоре. Большинство судей сочли необходимым сосредоточить все материалы о зверствах, установленных Трибуналом, в двухтомном дополнении к приговору.

Вина подсудимых была настолько очевидна и тяжела, что все попытки оправдать их были безуспешны.

Продолжавшийся свыше двух лет Международный военный трибунал закончился 22 ноября 1948 г. вынесением приговора по делу в отношении 25 военных преступников, в отношении 3 человек судебное следствие было прекращено: И. Мацуока – министр иностранных дел и О. Нагано – морской министр умерли до вынесения приговора, С. Окава – идеолог японского фашизма – признан невменяемым. К смертной казни через повешение были приговорены 7 человек: К. Доихару, С. Итагаки, Х. Кимуру, И. Мацун, Х. Тодзио, А. Муто (все генералы), бывшие премьер-министры К. Хирота и Х. Тодзио. 16 подсудимых были приговорены к пожизненному заключению: С. Того – к 20 годам, М. Сигэмицу – к 7 годам лишения свободы. Ни один из подсудимых не был оправдан. Приговор в отношении всех приговоренных к смертной казни был приведен в исполнение в ночь с 22 на 23 декабря 1948 г. во дворе тюрьмы Сугамо в Токио [Бергмани, Д., 1982, с. 415–426; Смирнов, Л. Н., Зайцев, Е. Б., 1978, с. 450–543; Катасонова, Е., web; Савенков, А. Н., 2021, с. 397–407].

Остальные подсудимые Токийского процесса, которые не были казнены и не умерли, в 1955 г. были помилованы и освобождены. Двое из них вернулись к политической деятельности и даже занимали высокие посты в японском правительстве: Мамору Сигумицу стал министром иностранных дел и первым представителем Японии в ООН; приговоренный к пожизненному заключению Окинори Кая в 1963 г. был министром юстиции [Сидорчик, А., 2018].

Токийский процесс был главным, но не единственным. Многих сдавшихся в плен (в основном генералов и офицеров) союзники судили сами в Иокогаме, Сингапуре, Маниле и ряде других городов стран Азии, пострадавших от японской агрессии. За зверства, жестокое обращение с военнопленными и другие преступления было приговорено к смертной казни 937 человек, к пожизненному заключению – 358, к другим мерам наказания – более 3 тыс. человек. В результате проведенного в СССР 29 и 30 декабря 1949 г. *Хабаровского процесса* к различным срокам тюремного заключения были приговорены 12 военнослужащих японских вооруженных сил, обвиняемых в подготовке бактериологической войны, в том числе командующий Квантунской армией Отодзо Ямаде. После окончания войны в Советском Союзе были осуждены 4573 военных преступника из числа

военнопленных, в том числе 55 генералов. 971 японский военнопленный был передан правительству Китайской Народной Республики, на территории которой были совершены преступления. Всего союзниками были проведены процессы над 5600 японскими военнопленными, обвиняемыми в совершении тяжких преступлений [Савенков, А. Н., 2021, с. 414].

Токийский трибунал вместе с Нюрнбергским процессом положили начало утверждению норм и принципов современного международного права, касающихся наказаний за военные преступления, преступления против мира и человечности. Уставы этих трибуналов предусмотрели индивидуальную ответственность за названные преступления. Решениями трибуналов тягчайшим преступлением была признана агрессивная война, заложена основа последующей борьбы с бактериологическим оружием как незаконным.

Список источников

Бергмани Д. Заговор императора Японии // История второй мировой войны 1939–1945 гг. : реферативсб. Вып. II. М. : ИНИОН АН СССР, 1982. С. 21–38.

Звягинцев А. Г. Уроки Токийского международного военного трибунала. URL: https://document.wikireading.ru/hqn1CB4V2g (дата обращения: 15.07.2024 г.).

История второй мировой войны, 1939–1945 гг. : в 12 т. Т. 10 / гл. ред. комис. А. А. Гречко и др. М. : Воениздат, 1979. 530 с.

История второй мировой войны, 1939–1945 гг. : в 12 т. Т. 11 / гл. ред. комис. А. А. Гречко и др. М. : Воениздат, 1980. 415 с.

История второй мировой войны, 1939–1945 гг. : в 12 т. Т. 12 / редкол. С. А. Тюшкевич и др. М. : Воениздат, 1982. 495 с.

Катасонова Е. Токийский Нюрнберг // Министерство обороны Российской Федерации : [сайт]. URL: https://mil.ru/winner_may/history (дата обращения: 18.05.2024).

Кошкин А. Суд над японскими убийцами и истязателями 3 мая 1946 г. URL: https://nstarikov.ru/ (дата обращения: 15.06.2024).

Савенков А. Н. Нюрнберг: приговор во имя мира : моногр. М. : Проспект, 2021. 760 с. ISBN: 978-5-392-36499-2.

Сидорчик А. Мир против японских генералов. История Токийского процесса // Аргументы и факты. 2018. 12 нояб.

Смирнов Л. Н., Зайцев Е. Б. Суд в Токио. М. : Воениздат, 1978. 575 с.

Типпельскирх К. История Второй мировой войны : в 2 т. Т. 2 : 1943–1945. М. : АСТ ; СПб. : Полигон, 1999. 796 с. ISBN: 5-89173-022-7.

Чудодеев Ю. В. СССР и Китай накануне и в годы Второй мировой войны // Сборник по итогам научной конференции «Восток и Вторая мировая война: 70 лет Великой победы». М. : РАН, 2015. С. 750–772.

References

Bergmani, D., 1982. [The Conspiracy of the Emperor of Japan]. *Istoriya vtoroj mirovoj vojny 1939–1945 gg.* = [History of the Second World War 1939–1945]. Abstract collection. Issue II. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Pp. 21–38. (In Russ.)

Chudodeev, Yu. V., 2015. [USSR and China on the eve and during the Second World War]. *Sbornik po itogam nauchnoj konferentsii "Vostok i Vtoraya mirovaya vojna: 70 let Velikoj pobedy"* = [Collection based on the results of the scientific conference "The East and the Second World War: 70 Years of the Great Victory"]. Moscow: Russian Academy of Sciences. Pp. 750–772. (In Russ.)

Grechko, A. A., et al., eds., 1979. *Istoriya vtoroj mirovoj vojny, 1939–1945 gg.* = [History of the Second World War, 1939–1945]. In 12 vols. Vol. 10. Moscow: Voenizdat. 530 p. (In Russ.)

Grechko, A. A., et al., eds., 1980. *Istoriya vtoroj mirovoj vojny, 1939–1945 gg.* = [History of the Second World War, 1939–1945]. In 12 vols. Vol. 11. Moscow: Voenizdat. 415 p. (In Russ.)

Katasonova, E. [Tokyo Nuremberg]. *Ministerstvo oborony Rossijskoj Federatsii* = [Ministry of Defense of the Russian Federation] [website]. URL: https://mil.ru/winner_may/history (Accessed: 18.05.2024). (In Russ.)

Koshkin, A. *Sud nad yaponskimi ubijtsami i istyazatelyami 3 maya 1946 g.* = [Trial of Japanese murderers and torturers, May 3, 1946]. URL: https://nstarikov.ru/ (Accessed: 15.06.2024). (In Russ.)

Savenkov, A. N., 2021. *Nyurnberg: prigovor vo imya mira* = [Nuremberg verdict for peace]. Monograph. Moscow: Prospekt. 760 p. ISBN: 978-5-392-36499-2. (In Russ.)

Sidorchik, A., 2018. [The world against Japanese generals. History of the Tokyo Trial]. *Argumenty i fakty* = [Arguments and Facts]. 12 Nov. (In Russ.)

Smirnov, L. N., Zaitsev, E. B., 1978. *Sud v Tokio* = [The Court in Tokyo]. Moscow: Voenizdat. 575 p. (In Russ.)

Tippelskirch, K., 1999. *Istoriya Vtoroj mirovoj vojny* = [History of the Second World War]. Vol. 2: 1943–1945. Moscow: AST; St. Petersburg: Poligon. 796 p. (In Russ.)

Tyushkevich, S. A., et al., eds., 1982. *Istoriya vtoroj mirovoj vojny, 1939–1945 gg.* = [History of the Second World War, 1939–1945]. In 12 vols. Vol. 12. Moscow: Voenizdat. 495 p. (In Russ.)

Zvyagintsev, A. G., web. *Uroki Tokijskogo mezhdunarodnogo voennogo tribunala* = [Lessons of the Tokyo International Military Tribunal]. URL: https://document.wikireading.ru/hqn1CB4V2g (Accessed: 15.07.2024г.). (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Петухов Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69), заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации в отставке, заслуженный юрист Российской Федерации.
Nikolay A. Petukhov, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Theory of Law, State and Judicial Authority Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation), Deputy Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation, Retired, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Рябцева Екатерина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).
Ekaterina V. Ryabtseva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Theory of Law, State and Judicial Authority Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
The authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 03.09.2024; одобрена после рецензирования 16.09.2024; принята к публикации 08.10.2024.
The article was submitted 03.09.2024; approved after reviewing 16.09.2024; accepted for publication 08.10.2024.

Научная статья
УДК 340.1
DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.43-60

Категории «понятие права» и «идея права» в немецком неокантианстве

Марина Анатольевна Белова

Российский государственный университет правосудия, Москва, Российская Федерация
kkp@rsuj.ru

Аннотация
Введение. В 60-е годы XIX в. в Германии зародилось философское течение, развивавшее учение И. Канта в духе последовательного проведения в жизнь основных принципов его трансцендентально-критической методологии. В исследовании уделено внимание двум сформировавшимся школам неокантианства: марбургской и баденской. Рассматривается проблема развития категорий «понятие права» и «идея права» в трудах последователей кантовской философии права.
Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу составили научные труды представителей марбургской и баденской школ неокантианства, а также зарубежных ученых, исследовавших особенности философских течений неокантианства. Исследование базируется на использовании общефилософского диалектико-материалистического метода познания. В настоящей статье используются общенаучные методы (исторический, логический), частнонаучные методы (историко-правовой, метод сравнительного исследования).
Результаты исследования. Рассмотрено различие между «понятием» и «идеей» в философской системе И. Канта. Исследованы причины отказа Канта от «идеи права». Выявлены специфические черты и особенности развития категорий «понятие права» и «идея права» в учениях, разрабатываемых представителями марбургской и баденской школ неокантианства.
Обсуждение и заключение. По результатам исследования сделан вывод о том, что представители баденской школы неокантианства стремились подчеркнуть значимость трансцендентального поворота в философии для определения той культурной реальности, которой является право. Для юго-западного неокантианства центральным становится понятие ценности. В марбургском неокантианстве учение И. Канта было подвергнуто корректировке и предпринята самостоятельная разработка системы «критического реализма». В отличие от баденской школы, понятие ценности не играло существенной роли, значительное влияние приобрело понятие идеи. Р. Штаммлер определял идею права как «путеводную звезду» права. Г. Радбрух подчеркивал роль идеи права как существенной составляющей для теоретико-правового понятия права. А. Кауфман ограничил «идею права» только практическим поиском справедливости права, разорвав связь между теорией права и правовой этикой, установленной Г. Радбрухом через понятие «идея права».

© Белова М. А., 2024

Ключевые слова: идея права, понятие права, ценность, трансцендентальная философия, марбургское неокантианство, баденская школа неокантианства

Для цитирования: Белова М. А. Категории «понятие права» и «идея права» в немецком неокантианстве // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 4. С. 43–60. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.43-60.

Original article

Categories "Concept of Law" and "Idea of Law" in German Neo-Kantianism

Marina A. Belova

Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
kkp@rsuj.ru

Abstract
Introduction. In the 60s of the 19th century, a philosophical movement arose in Germany, developing the teachings of I. Kant in the spirit of consistently implementing the basic principles of his transcendental-critical methodology. The study pays attention to two established schools of neo-kantianism: the Marburg school and the Baden school. The problem of the development of the categories "concept of law" and "idea of law" in the works of followers of Kantian philosophy of law is considered.
Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis was formed by the scientific works of representatives of the Marburg and the Baden schools of neo-kantianism, as well as foreign scientists who studied the features of the philosophical currents of neo-kantianism. The research is based on the use of the general philosophical dialectical-materialistic method of cognition. This article uses general scientific methods (historical, logical), specific scientific methods (historical and legal, comparative research method).
Results. The difference between "concept" and "idea" in the philosophical system of I. Kant is considered. The reasons for Kant's rejection of the "idea of law" are explored. Specific features and peculiarities of the development of the categories "concept of law" and "idea of law" in the teachings developed by representatives of the Marburg and Baden schools of neo-kantianism have been identified.
Discussion and Conclusion. Based on the results of the study, it was concluded that representatives of the Baden school of neo-kantianism seek to emphasize the significance of the transcendental turn in philosophy for determining the cultural reality that is law. For southwestern neo-kantianism, the concept of value becomes central. In the Marburg school of neo-kantianism, Kant's teaching was corrected and the independent development of a system of "critical realism" was undertaken. Unlike the Baden school, the concept of value did not play a significant role; the concept of ideas acquired significant influence. R. Stammler defines the idea of law as the "guiding star" of law. G. Radbruch emphasized the role of the idea of law as an essential component for the theoretical-legal concept of law. And A. Kaufman limited the "idea of law" only to the practical search for the justice of law, breaking the connection between the theory of law and legal ethics established by G. Radbruch through the concept of "idea of law".

Keywords: idea of law, concept of law, value, transcendental philosophy, the Marburg school of neo-kantianism, the Baden school of neo-kantianism

For citation: Belova, M. A., 2024. Categories “concept of law” and “idea of law” in German neo-kantianism. *Pravosudie/Justice*, 6(4), pp. 43–60. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.43-60.

Введение

Иммануил Кант считается одним из самых значимых философов в европейской истории, с одной стороны, в связи с его критической теорией познания, а с другой стороны, потому, что он поместил преобладающую до тех пор философию морали или философскую этику на совершенно новое основание.

К. Блезер, профессор практической философии и этики Кельнского университета, опубликовавшая к 300-летнему юбилею великого философа книгу «Иммануил Кант. 100 страниц», отмечает, что вопросы, с помощью которых Кант обобщает все «интересы разума» и, следовательно, философии, до сих пор не дают многим покоя: «Что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться? Что такое человек?» [Blöser, C., 2024, s. 1]. Это вопросы, которые касаются непосредственно нас, людей, когда мы задумываемся о своем месте в мире. С одной стороны, они кажутся простыми. С другой – они настолько общие и всеобъемлющие, что едва ли кто-то имеет представление о том, как вообще следовало бы начать рассуждать о них.

Смыслы, над которыми Кант размышлял на протяжении всей своей жизни, распространяются от основ естествознания до политических идеалов, таких как вечный мир. О. Эберл и П. Низен в своих комментариях к публикации «О вечном мире» заявляют: «Сегодня едва ли какой-либо юрист, философ или политолог формулирует свою позицию по вопросам войны и мира, по распространению демократического правления, по глобальным институтам, по вопросам мира и защиты прав человека или по вопросам космополитизма, не соотнося их со взглядами Канта» [Eberl, O., Niesen, P., 2011, s. 97].

Труды Канта явно демонстрируют, что философия не является специальной наукой, у нее нет определенного предмета, но она может сделать своим предметом любой предмет.

В 60-е годы XIX в. в Германии зародилось философское течение, развивавшее учение Канта в духе последовательного проведения в жизнь основных принципов его трансцендентально-критической методологии. Мы уделим внимание двум сформировавшимся школам неокантианства: марбургской (Г. Коген, П. Наторп, Э. Кассирер, Р. Штаммлер и др.) и баденской (юго-западной, фрайбургской, гейдельбергской) (В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Э. Ласк, Б. Баух и др.). Цель исследования заключается в анализе развития категорий «понятие права» и «идея права» в трудах последователей кантовской философии права с учетом специфических черт и особенностей каждой школы.

Теоретические основы. Методы

Теоретическую основу составили научные труды представителей марбургской школы неокантианства: Г. Когена, Э. Кассирера, Р. Штаммлера, ба-

денской школы: В. Виндельбанда, Г. Риккерта, Б. Бауха и др., а также зарубежных ученых, исследовавших особенности философских течений неокантианства.

Методологическую основу работы составляют общефилософский диалектико-материалистический метод познания, общенаучные методы, такие как исторический, логический (в рамках которого были использованы такие приемы, как анализ, синтез, дедукция, индукция). Кроме того, автор обращался к частнонаучным методам: историко-правовому и методу сравнительного исследования.

Результаты исследования

Исследуя этапы развития категорий «понятие права» и «идея права» в учении И. Канта, следует отметить, что в первой части главного труда мыслителя по философии права «Метафизика нравственности» – «Метафизические начала учения о праве» – понятие «правовая идея» (Rechtsidee) или «идея права» (Idee des Rechts) не упоминается (в отличие от таких понятий, как «идея государства» (Idee des Staates) или «идея конституции» (Idee der Staatsverfassung) [Kant, I., 1797, s. 186]. Кант говорит только о «понятии права» (Rechtsbegriff), сформулировав его как «совокупность условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого с точки зрения общего закона свободы» [Kant, I., 1797, s. XXXII]. Исходя из этого, следует предположить, что при разработке своей философии права в «Метафизике нравственности» Кант явно отказался от понятия «идея права».

В разделе «Об идеях вообще», находящемся в отделе «Трансцендентальная диалектика» монографии «Критика чистого разума», Кант подчеркивает, что конституция «величайшей свободы человека согласно законам, обеспечивающим возможность сосуществования свободы каждого со свободой другого», является «необходимой идеей» (notwendige Idee) не только при разработке самой конституции, но и всех законов [Kant, I., 1781, s. 430]. Понятие «правовой идеи» в этой части также не используется. «Идея права» появляется в небольшом довольно популярном философском труде «О вечном мире» 1795 г. [Kant, I., 1795, s. 61], а также в неопубликованных «Предварительных трудах по метафизике нравственности» (Vorarbeiten zur Metaphysik der Sitten), где Кант формулирует понятие права следующим образом: «Право (формально) есть *идея*, которой в материальном мире нет соответствующего предмета» [цит. по: Pfordten, D. von der, 2004, s. 5].

Чтобы ответить на вопрос, почему Кант отказался от «идеи права», необходимо прежде всего указать на то, что различие между «понятием» и «идеей» было конститутивным для его философской системы. Понятие всегда косвенно относится к объекту восприятия, причем чистое понятие имеет свое начало только в рассудке, а эмпирическое – также в чувствах [Kant, I., 1781, s. 180]. Лишь такая композиция чистых понятий, которая превосходит возможность опыта и как безусловное делает возможной совокупность условий, есть то, что Кант называет «идеей» [Kant, I., 1781, s. 180]. Идеи, в отличие от понятий, не связаны с опытом. Поэтому для Канта они ненадежны (сомнительны) с теоретической точки зрения, так как всякое познание предметов предполагает чувственное созерцание.

Приведенное определение понятия права, сформулированное Кантом как «совокупность условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого с точки зрения общего закона свободы», содержит в себе явное указание не на «идею свободы», а именно на «общий закон свободы». Причина заключается в том, что в отличие от индивидуальной этики право обращается не к внутреннему доброму расположению чистой воли как к движущей силе действия, а только к внешним, практическим отношениям между людьми. Это предположение подкрепляется следующим непосредственно за понятием права определением «врожденного права» (angeborenen Rechts): «Свобода (независимость от чужого принудительного произвола), поскольку она может существовать вместе со всякой другой свободой по общему закону, есть это единственное, первоначальное, принадлежащее каждому человеку в силу его принадлежности к человеческому роду право» [Kant, I., 1797, s. XXXIII]. Таким образом, Кант понимает «свободу» не как ноуменальное состояние морального закона в себе, а скорее как феноменальную независимость от произвола других, что позволяет объяснить, почему в учении о праве Кант говорит именно о «понятии права», а не об «идее права» даже в упомянутом выше решающем моменте при определении морального понятия права.

Р. Драйер ставит следующий вопрос: «…разве понятие права как надэмпирической величины эмпирического или позитивного права не является для Канта чисто рациональным понятием, так что употребление термина и понятия идеи было бы оправдано и в соответствии с различием самим Кантом понятия и идеи?» [Dreier, R., 1986, s. 19]. Этот тезис поддерживает Ю. Биндер в труде «Философия права» 1925 г., отмечая, что «…идею права можно найти уже у Канта, но она называется не так, а скорее “понятием права”» [Binder, J., 1925, s. 255]. Однако, как представляется, по существу Кант имеет в виду не эмпирическое понятие права, а скорее критерий оценки права, всякого рода претензии внешнего права должны основываться на «идее единого произвола» [Pfordten, D. von der, 2004, s. 10].

Кант говорит совершенно ясно: «Все понятия права полностью интеллектуальны и касаются отношений между разумными существами как таковыми, которые следует мыслить только как отношения свободного произвола к другому без каких-либо эмпирических условий и, следовательно, можно определить, что справедливо. Таким образом, это определение не зависит от пространственно-временных условий, но должно a priori иметь свои основы в простой идее свободно действующих существ и их отношений, поскольку они во внешнем проявлении своих возможностей согласны со свободой каждого в соответствии с общими законами. Сами действия, совершающиеся по этим законам, следует рассматривать лишь как явления тех определений воли, которые a priori лежат в чистом рассудке, под который последние могут быть подведены посредством схемы суждения» [цит. по: Pfordten, D. von der, 2004, s. 10]. В другом месте он подчеркивает, что право – это «практическое рациональное понятие». Речь идет о причине, которая «обладает объективной реальностью, но не может быть представлена чувством» [цит. по: Pfordten, D. von der, 2004, s. 11].

Не может быть сомнения, и Кант ясно дает это понять в начале «Метафизических начал учения о праве», что понятие права есть «чистое» понятие (даже если оно основано на практике) [Kant, I., 1797, s. III]. Но не все чистые понятия являются идеями. Как уже отмечалось, они являются идеями только в том случае, если они состоят из чистых понятий и, будучи безусловными, допускают совокупность условий.

«Предварительные труды по метафизике нравственности» в одном аспекте принципиально отличаются от опубликованных «Метафизических начал учения о праве»: в них содержатся попытки создания категориальной таблицы права, т. е. построения понятия права как соединения из чистых рациональных понятий «Критики чистого разума». Если бы такое соединение было успешным, то понятие права действительно было бы возможно рассматривать как совокупность чистых понятий. Но, как представляется, ни одна из этих попыток не убедила Канта, поскольку он не включил ни одну из них в опубликованную версию «Метафизических начал учения о праве». Более того, в этом труде понятие права развивается как встречное понятие (Gegenbegriff) понятиям обязанности (Pflicht) или обязательства (Verpflichtung). «Право» и «обязанность» – взаимодополняющие понятия, оба «исходящие» от свободы. «Право» в субъективном смысле и «право» в объективном смысле четко не разделены. В опубликованном варианте понятия права, упомянутом выше, Кант говорит не о «безусловном, делающем возможной совокупность условий», а лишь о «воплощении условий (о самих условиях)».

Поэтому, как отмечает Д. Пфордтен, нет видимых оснований для желания исправить явное решение Канта говорить только о «понятии права», а не об «идее права». Любая попытка использовать «идею права» in abstracto, за пределами конкретных политических целей, таких как «идея государства» или «идея конституции», для теоретико-правового определения понятия права или для ответа на этическо-правовой вопрос о справедливости права, возможно, является неокантианской, но в любом случае не кантианской [Pfordten, D. von der, 2004, s. 12].

Касательно содержания категорий «понятие права» и «идея права» в учениях, развиваемых представителями марбургской и баденской школ, можно выделить несколько аспектов, важным из которых является «возвращение к Канту». По мнению Е. Кауфмана, причиной тому могли стать два фактора. Во-первых, априорный рационализм Канта, его учение о безусловном верховенстве рациональной законности, казалось, могли оказать поддержку против разрастающегося, всепоглощающего эмпиризма современной жизни, который становится все более сложным и его невозможно игнорировать, ее необузданной материальности и вытекающей из этого опасности материализма или релятивизма. Во-вторых, рациональная априорная законность мыслилась как формальная, и этот формальный рационализм приветствовался в то время именно из-за его содержательной пустоты, так как тем самым ему не нужно было мешать специальным наукам в обработке эмпирического материала и содержания. Его «чистота», освобожденная от эмпирического материала, его возведение рациональных понятий в сферу, не тронутую всяким эмпиризмом и без какой-либо понятийной или по-

стижимой взаимосвязи с ним, его растворение метафизики в методологии могли предложить эпохе эмпиризма предполагаемую философскую, «гносеологическую» основу и легитимность [Kaufmann, E., 1921, s. 5].

Поэтому там, где учение Канта не склоняется прямо к агностицизму и релятивизму, именно пафос абсолютных, чистых, рациональных формальных ценностей характеризует неокантианское движение в двух его основных разновидностях – марбургской и баденской школах. Однако «возвращение к Канту» не сводится лишь к простому возрождению его трудов. Речь идет, скорее, о системном развитии философии с помощью учения Канта.

Так, идейный вдохновитель юго-западных неокантианцев В. Виндельбанд подчеркивал, что «понять Канта – это значит выйти за его пределы», т. е. речь идет о систематическом развитии его философии [Windelband, W., 1915, s. IV]. Сходную точку зрения выражают и другие неокантианцы: Г. Коген писал о своем стремлении «с самого начала... развивать систему Канта» [Cohen, H., 1922, s. 8 ff.]; согласно Г. Риккерту, неокантианцами могут называть себя лишь те, кто внес что-то новое, т. е. те, кто, «...вернувшись к Канту, также вел научную философию вперед» [Rickert, H., 1924–1925, s. 163]; П. Наторп считал, что необходимо «...не столько жестко придерживаться того или иного утверждения Канта, сколько взяться за решение проблемы, которую он поставил, собрать все, что он и другие великие до и после него внесли в решение этой проблемы, проработать, уточнить, углубить и продолжить» [цит. по: Krijnen, C., 2020, abs. 24].

Неокантианство оказало сильное влияние на теорию и философию права, которое возникает изначально из постидеалистического кризиса смысла, на который неокантианство отреагировало обращением к Канту и его идее трансцендентальной философии, что, по мнению К. Крайнена, «дало возможность теории права обрести уверенность в ее научности» [Krijnen, C., 2020, abs. 11].

Неокантианский возврат к Канту и его сфере трансцендентального не в последнюю очередь стремится к разработке концепции нормативности в отличие от подобных натурализирующих попыток, которые обещают «более адекватное понимание мира человека» [Krijnen, C., 2020, abs. 13]. Неокантианство разделяет антипозитивистский характер этого направления с традиционным учением о естественном праве, которое опирается также на метапозитивистский стандарт позитивно признанного права. Трансцендентальная философия в целом направлена на постметафизическую концепцию смысла, а следовательно, и на постметафизическое понимание права. Поэтому можно проследить, как, например, представитель баденской школы Э. Ласк или марбургской – Э. Кассирер развивали концепцию современной философии права на фоне позитивизма и докантовской теории естественного права. Согласно Э. Кассиреру, современная теория естественного права, т. е. ее трансцендентально-философская вариация, отстаивает «старую платоновскую тезу», что существует право за пределами «пространства чистой власти и воли», право, основанное на «чистом разуме» как «исходно-устанавливающем» его основании [Cassirer, E., 1932, s. 8]. По мнению Э. Ласка, трансцендентальная философия и «метафизика естественного права» нацелены на «абсолютное значение», «абсолютный смысл

права и справедливости», но концептуализируют отношение между безусловной ценностью права и эмпирической правовой действительностью принципиально разными способами [цит. по: Krijnen, C., 2020, abs. 13].

Находясь под явным влиянием юго-западного неокантианства, Г. Радбрух в своей «Философии права» понимает право как ценностный феномен, как определяемую ценностью справедливости действительность [Radbruch, G., 1999, s. 209] и, таким образом, предлагает культурную философию права.

«Вдохновлены» неокантианством также труды Г. Кельзена о чистом учении о праве, особенно характерным для баденской школы методологическим разграничением естественно-научного и культурологического или нормативного подходов, противопоставлением должного и сущего, ценности и действительности, а также найденным в марбургском неокантианстве пониманием «чистого учения о праве» как проявления трансцендентального метода [Krijnen, C., 2020, abs. 14].

Относительно баденской школы следует отметить, насколько сильно ее представители стремились подчеркнуть значимость трансцендентального поворота в философии для определения той культурной реальности, которой является право.

В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Б. Баух, Э. Ласк, Й. Кон рассматривают учение о естественном праве как модель обоснования, которая преодолевается трансцендентальным. Однако следует отметить, что в философии ценностей Г. Риккерта праву не уделяется особого внимания, поскольку ученый делает отдельные замечания о праве, но не разрабатывает собственную философию права, которая придавала бы определенность содержанию понятия права.

В докторской диссертации Э. Ласка «Философия права» содержится подробное, ориентированное на традиции баденской школы описание формальной и материальной «критической» философии права, однако систематически он выдвигает на передний план «методологический» профиль юридической науки, «логику юридической науки» [Krijnen, C., 2020, abs. 16]. В юго-западном неокантианстве право подвергается в основном теоретико-системному воздействию, из которого вытекает его основное определение. Так, В. Виндельбанд в своем «Введении в философию» делит проблемы философии на теоретические и аксиологические таким образом, что последние касаются этических, эстетических и религиозных проблем. Кроме того, социальное определяется им в рамках «практической философии» или «этики» [Windelband, W., 1920, § 13].

Общая проблема этики, согласно В. Виндельбанду, – это проблема человека, поскольку «он действует по своей воле». Социальное здесь рассматривается как совокупность «союзов воли» через «социологию», так что, например, «экономическое сообщество» как союз воль, которым оно и является, «в последней инстанции» «укореняется» в этике [Windelband, W., 1920, s. 258, 311 ff.]. Союз воль является условием реализации культуры: его задача – создание культуры. Соответственно, В. Виндельбанд обращается к «праву» в рамках этики или практической философии, но определяет его смысл, цель или задачу как условие реализации культуры, а именно – регу-

лирование внешней свободы в соответствии с общим законом разума, точнее, порядком, определяемым государством [Windelband, W., 1920, s. 319 ff., 325 ff., 329 ff.].

Таким образом, философия права баденской школы, по существу, касается идей о смысле права, его месте в системе философии и имеющей решающее значение для этого определенности. Как пишет К. Крайнен, юго-западная школа «занимается, выражаясь словами Канта, “критическим делом”, а не разработкой доктрины права» [Krijnen, C., 2020, abs. 19].

Что касается категории «идея права», для баденской школы неокантианства центральным было не понятие идеи, а акцент был сделан на ценности. Согласно В. Виндельбанду, философия может продолжить существовать только как учение об истинных (универсальных) ценностях. «Теория ценностей» призвана стать новой фундаментальной философской наукой [Windelband, W., 2012, s. 564].

У Г. Риккерта термин «идея» хотя и возникает эпизодически, но нигде не занимает центрального, независимого от термина «ценность» положения. Для Г. Риккерта, как и для И. Канта, «целостность реальности» есть «идея». Однако если внимательно присмотреться и спросить, что означает идея как задача или цель, то под идеей по Г. Риккерту понимается нечто, чего еще нет на самом деле, но еще должно стать действительностью: «…целостность реальности есть что-то нереальное, должное стать реальностью в том смысле, что оно принадлежит как целостность тому, что действительно, т. е. образует ценность. Поэтому для Г. Риккерта “последнее”, что мы можем мыслить, – это не идея, а “действительная ценность”» [цит. по: Pfordten, D. von der, 2004, s. 15].

Таким образом, понятие ценности занимает фундаментальную позицию, но в отличие от понятия идеи оно изначально не является инструментом слияния теоретических и практических вопросов, поскольку Г. Риккерт продолжает строгий дуализм Канта между феноменальным и ноуменальным миром как противопоставление природы и культуры. При этом ценности становятся критерием различия: во всех культурных процессах воплощается признанная человеком ценность, тогда как то, что возникло и выросло само собой как природа, может рассматриваться без учета ценностей. По сравнению с кантовским фактом разума или «нравственным законом во мне» юго-западное неокантианство с этим дуализмом природы и культуры значительно расширило область, лежащую за пределами природы. Но за это пришлось заплатить цену: цену релятивизма. В то время как для Канта практический разум смог найти определенное понимание, для баденской школы, по крайней мере, политические ценности применимы только в силу признания или постулата. Закон и государство являются культурными объектами или благами именно в том смысле, что «придаваемая им ценность либо признается действительной всеми членами сообщества, либо такое признание им навязывается» [Pfordten, D., 2004, s. 16].

В труде Э. Ласка «Философия права» также центральным является понятие ценности, где философ подчеркивает двухмерность способа рассмотрения эмпирической действительности: дуализм эмпирического и философского метода. В то время как эмпирическая наука рассматривает реаль-

ность лишь с точки зрения ее фактической реальности, философия делает это с точки зрения ее абсолютной ценности. Согласно этому пониманию философия права – это рассмотрение правовых ценностей, эмпирическая наука – рассмотрение правовой реальности.

В «Философии права» Э. Ласка термин «идея» упоминается не в связи с правом как таковым, т. е. в контексте «идеи права», а только в связи со справедливостью, а значит, в сочетании «идея справедливости». В этой части своего труда Э. Ласк характеризует не связанное конкретно с автором «позитивное ценностное значение права», но отвергает любое единое (стандартное) определение справедливости: «Помимо такой тенденции рассматривать право как воплощение формализма, враждебного всякой самобытности личности и культуры, всегда сохранялось спекулятивное признание своеобразного позитивного ценностного значения права и всегда находило свое общее выражение в идее справедливости. Однако напрасно было бы пытаться дать единое определение справедливости. Поскольку этот термин просто хочет выразить абсолютность и приоритетность права как такового, в нем сосредоточены все требования, которые предъявляются к праву согласно самым различным мировоззрениям» [цит. по: Pfordten, D. von der, 2004, s. 16].

Исследуя развитие категории «идея права» в учениях представителей марбургской школы неокантианства, нужно отметить следующее. Первоначально наблюдалась попытка выйти за рамки учения Канта с целью самостоятельной разработки системы «критического идеализма» [Müller, C., 1994, s. 11]. Однако, в отличие от баденской школы, понятие ценности не играло здесь существенной роли. Напротив, значительное влияние приобрело понятие «идеи». В «Этике чистой воли» Г. Когена также упоминаются этические или моральные идеи, в одном разделе даже встречается термин «идея права» [Cohen, H., 1904, s. 600]. Но нельзя утверждать, что понятие идеи у Когена уже занимает центральное положение, сравнимое с понятием воли.

Аналогичная ситуация наблюдается и в двух ранних работах Р. Штаммлера «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории» 1896 г. и «Учение о правильном праве» 1902 г. В труде 1896 г. идеи действительно упоминаются, при этом признается также, что они оказывают влияние на формирование и оформление права согласно материалистическому пониманию истории, даже если их истоки восходят к материальным основам социальной жизни. Однако понятие идеи не получает какого-либо конкретного уточнения и не приобретает особого значения. В книге «Учение о правильном праве» 1902 г. термин «идея» определяется как «принцип, который указывает направление воле и ее реализации, хотя сам по себе в условном опыте человечества никогда не может быть реализован» [Stammler, R., 1902, s. 278]. В одном месте говорится, что понятие правильности содержания права вообще следует называть идеей [Stammler, R., 1902, s. 156]. Кроме того, отмечается, что Руссо первым отделил вопрос об основании естественного права от изучения природы человека и обратил его на идею права как ориентир задачи социальной жизни [Stammler, R., 1902, s. 97]. Наконец, в другом месте описывается собственный подход как спуск с «идеи правильного права как высочайшей верши-

ны» к конкретным вопросам правового регулирования социального бытия [Stammler, R., 1902, s. 215]. За исключением этих отдельных упоминаний, термин «идея права» в работе Р. Штаммлера не получил существенного значения.

Однако ситуация меняется в монументальном труде Р. Штаммлера «Теория юриспруденции», опубликованном в 1911 г., в котором за пятью разделами, озаглавленными как «Понятие права», «Действительность права», «Категории права», «Методология права», «Система права», следует шестой раздел «Идея права», который представляет собой кульминацию, перед которой в следующем разделе «Техника права» обсуждается реализация идеи права. В этом труде Р. Штаммлер представляет идею права как «путеводную звезду» и определяет ее следующим образом: «Мы называем идеей права для теории правоведения мысль об абсолютно действенном процедурном способе, единообразно управляющем всеми когда-либо возможными целями и средствами» [цит. по: Pfordten, D. von der, 2004, s. 20].

В отличие от понятия права идея права для Р. Штаммлера относится не к конкретной отдельной воле, а скорее к обобщению содержания воли как «частей абсолютно единого целого» [Pfordten, D. von der, 2004, s. 21]. Идея права обозначает единство, устанавливающее завершенность всех возможных представлений о праве, «именно движение к совершенному единству нашего мира мысли выводит нас за пределы понятия права к рассмотрению его идеи» [Pfordten, D. von der, 2004, s. 21]. Это определение правовой идеи аналогично кантовскому определению идеи, изложенному вначале как объединение понятий с целью целостности и безусловности.

Однако решающее различие состоит в том, что, по мнению Канта, только сочетание чистых понятий может привести к идее в техническом смысле. С другой стороны, сочетание эмпирических понятий снова привело к появлению эмпирического понятия. Когда Р. Штаммлер описывает единство всего возможного, а значит, и все эмпирические правовые идеи как идеи, он, по мнению Д. Пфордтена, превосходит кантовское определение идей; при своем понимании идеи права как совокупности других понятий Р. Штаммлер все же остается в рамках кантовского определения понятия и не переходит к гегелевскому конкретистическому пониманию идеи как единства понятия и существования [Pfordten, D. von der, 2004, s. 21].

Влияние учения Р. Штаммлера можно проследить в труде Г. Радбруха «Основы философии права» 1914 г. В разделе «Дедукция понятия права» Г. Радбрух выдвигает тезис о том, что идея права не только является, как у Р. Штаммлера, мерилом законности права, т. е. центральным элементом для вопроса о справедливости права на уровне правовой этики, но также становится существенной составляющей для теоретико-правового понятия права: «Право – это сущностное образование, служащее основанием и местом действия для правовой ценности, идеи права – всеми этими оборотами можно описать, что понятие права строго отличается от понятия правильного права и при этом может быть выведено только из него и что, как было указано ранее, вопрос о понятии, не совпадая с вопросом о цели права, все же предрешен. Поэтому для того, чтобы определить положение понятия права в сфере культуры, сначала должно быть установ-

лено место идеи права в мире ценностей...» [Radbruch, G., 1914, s. 39 ff.]. Г. Радбрух отмечает также разницу между своей точкой зрения и позицией Р. Штаммлера: «В то время как Штаммлер ориентирует идею права на понятие права, здесь, наоборот, понятие права ориентировано на идею права» [Radbruch, G., 1914, s. 39 ff.].

Тезисом о том, что понятие права должно ориентироваться на идею права, Г. Радбрух придает идее права свой собственный, дополнительный и гораздо более далеко идущий смысл, который, как считает Д. Пфордтен, также совершенно не кантианский, поскольку, как было обозначено выше, у Канта идеи формируются из чистых понятий [Pfordten, D. von der, 2004, s. 25]. Если использование Р. Штаммлером правовой идеи еще, по крайней мере частично, согласуется с Кантом, поскольку идеи понимаются как совокупность понятий и учитывается также разделение между теоретическими и этическими вопросами, то Г. Радбрух полностью отошел от Канта со своей радикальной концепцией ориентации понятия права на идею права. Как легкость, с которой Г. Радбрух воспринимает идею права, так и тот доминирующий и двойственный статус, который он ей приписывает, можно объяснить акцентом на ценности в баденской школе неокантианства. Для Г. Радбруха идея права принадлежит к миру ценностей. Однако, поскольку право можно понимать только как культурный факт, связанный с ценностями, идея права неизбежно должна использоваться также для объяснения понимания права. Это означает: теория ценностей баденского неокантианства, которая своим гипостазированием ценностей размывает ясное различие Канта между сферой эмпирико-теоретического и нормативно-практического, по меньшей мере для культурных фактов, таких как право, подготовила почву для центрального положения права у Г. Радбруха, которому оставалось просто уравнять правовые ценности и идею права, и «слияние марбургской и баденской школы неокантианства было бы полным» [Pfordten, D. von der, 2004, s. 25].

Однако, как указывает Д. Пфордтен, принятие идеи права привело к значительным напряженностям в теории Г. Радбруха, среди которых можно назвать противоречие между его учением об ориентации понятия права на идею права и тезисом методологического дуализма бытия и должного, поскольку методологический дуализм предполагает разделение теории и практики, в то время как ориентация понятия права на идею права объединяет теоретический и практический подходы к пониманию права [Pfordten, D. von der, 2004, s. 26].

В 1920-е годы Радбрух опубликовал три сочинения, в названиях которых упоминалась «идея права»: «Идея права и правовая материя. Очерк» (1923/24), «Проблематика идеи права» (1924), «Классовое право и идея права» (1929). В первом из трех указанных трудов Радбрух несколько релятивизирует объективность и предзаданность идеи права, полагая, что эта категория частично определяется правом. В остальном существенных изменений в концепции идеи права в «Основах философии права» 1914 г. не происходит.

Необходимо отметить, что в немногих новых коротких текстах, написанных после 1945 г., Радбрух явно избегал, по крайней мере терминологи-

чески, «идею права» и тезис о том, что понятие права может быть определено только со ссылкой на идею права. Теперь он говорит о соотношении права и справедливости. Так, в «Пяти минутах философии права» Радбрух пишет: «Право есть воля, стремящаяся к справедливости» [Radbruch, G., 1999, s. 209]. А в труде «Законное неправо и надзаконное право» указано: «Там, где равенство, которое является основой справедливости, было сознательно отвергнуто при установлении позитивного права, закон является не просто “неправильным правом”, а, скорее, вообще лишен какой-либо правовой природы» [Radbruch, G., 1999, s. 219].

Самый известный ученик Г. Радбруха А. Кауфман полностью не отверг формулировку и конкретизацию двух основных вопросов философии права как вопроса об идее права, однако он не продолжил развитие позиции о центральной роли идеи права, как это было в системе философии права его учителя. Прежде всего, термин «идея права» встречается в трудах А. Кауфмана спорадически. Кроме того, философ уже не принимал во внимание понятие «идея права» при ответе на теоретико-правовой вопрос о том, что такое право.

А. Кауфман ограничил «идею права» только практическим поиском справедливости права. Он разорвал связь между теорией права и правовой этикой, которую установил Г. Радбрух через понятие «идея права». И хотя в своей «Философии права» А. Кауфман формулирует вопрос о справедливости права изначально как поиск идеи права, далее сразу же следует критическое уточнение: «Что мы понимаем под идеей права, во многом неясно. Это что-то реальное или (только) идеальное? Является ли это аксиомой, гипотезой, основной нормой, регулятивным принципом или трансцендентальным условием права вообще? Мне кажется, не следует слишком высоко возносить идею права, а понимать ее как “образ” идеи человека в его тройственной форме... Первичное – это человек, вторичное – идея права» [Kaufmann, A., 1997, s. 152]. Таким образом, А. Кауфман не отказался полностью от понятия идеи права, но сместил ее в сторону ориентации на человека. В других работах А. Кауфмана идее права не уделяется сколько-нибудь существенного внимания.

Насколько можно судить, в дальнейшем из учеников А. Кауфмана никто не продолжил уделять центральное, как у Г. Радбруха, или лишь сильно ограниченное, как у А. Кауфмана, внимание идее права. Таким образом, можно констатировать, что произошло фундаментальное изменение в отношении существенного теоретического элемента идеи права: от стремительного подъема идеи права у Р. Штаммлера, Г. Радбруха, через ее простое второстепенное и крайне ограниченное использование у А. Кауфмана и до полного исчезновения у его учеников.

Можно предположить различные причины отказа А. Кауфмана от идеи права. Несмотря на то что изначально термин «идея права» не носил такого значения, с двадцатых годов, как отмечает Д. Пфордтен, он стал ассоциироваться с возрождающимся неогегельянством [Pfordten, D. von der, 2004, s. 28]. В то же время некоторые философы права, подчеркивающие мысль об «идее права», стали национал-социалистами (Р. Штаммлер, Ю. Биндер, К. Ларенц, К. А. Эмге). Таким образом, термин «идея права» был дискреди-

тирован как неогегельянский и национал-социалистический. Кроме того, понятие «идеи права» с его спекулятивно-аперсональными смысловыми элементами не обещало никакой помощи в поисках нового, наиболее устойчивого личностно-онтологического основания права и справедливости. Для создания такого основания более логичным было обратиться к естественному праву, нежели к понятию «идея права».

Обсуждение и заключение

1. Можно сделать вывод, что И. Кант отказался от «идеи права» прежде всего по причине того, что различие между «понятием» и «идеей» было конститутивным для его философской системы. Понятие всегда косвенно относится к объекту восприятия, причем чистое понятие имеет свое начало только в рассудке, а эмпирическое – также в чувствах. Лишь такая композиция чистых понятий, которая превосходит возможность опыта и как безусловное делает возможной совокупность условий, есть то, что Кант называет «идеей». Идеи, в отличие от понятий, не связаны с опытом. Поэтому для Канта они ненадежны (сомнительны) с теоретической точки зрения, так как всякое познание предметов предполагает чувственное созерцание.

Согласно И. Канту, понятие права есть чистое понятие (даже если оно основано на практике). Но не все чистые понятия являются идеями, они являются таковыми только в том случае, если они состоят из чистых понятий и, будучи безусловными, допускают совокупность условий.

2. Влияние неокантианства на теорию и философию права возникло изначально из постидеалистического кризиса смысла, на который новое философское течение отреагировало обращением к Канту и его идее трансцендентальной философии.

Относительно баденской школы следует отметить, насколько сильно ее представители стремились подчеркнуть значимость трансцендентального поворота в философии для определения той культурной реальности, которой является право.

3. Что касается категории «идея права», для баденской школы неокантианства центральным было не понятие идеи, а акцент был сделан на ценности. Согласно В. Виндельбанду, философия может продолжить существовать только как учение об истинных (универсальных) ценностях. «Теория ценностей» призвана стать новой фундаментальной философской наукой.

4. В учениях представителей марбургской школы неокантианства первоначально также наблюдается попытка выйти за рамки Канта, учение которого должно было быть подвергнуто корректировке и предпринята самостоятельная разработка системы «критического идеализма». Но в отличие от баденской школы понятие ценности не играло здесь существенной роли. Напротив, значительное влияние приобрело понятие «идеи». Однако необходимо констатировать, что произошло фундаментальное изменение в отношении существенного теоретического элемента идеи права: от стремительного подъема у Р. Штаммлера, Г. Радбруха, через ее простое второстепенное и крайне ограниченное использование у А. Кауфмана и до полного исчезновения – у его учеников.

Список источников

Binder J. Philosophie des Rechts. Berlin, 1925. 1063 S. URL: https://lawcat.berkeley.edu/record/86536.

Blöser C. Immanuel Kant. 100 Seiten. Ditzingen : Reclam, 2024. 100 S. ISBN: 978-3-15-020704-8.

Cassirer E. Vom Wesen und Werden des Naturrechts // Zeitschrift für Rechtsphilosophie in Lehre und Praxis. 1932. Nr. 6. S. 1–27.

Cohen H. Ethik des reinen Willens. Berlin : Bruno Cassirer, 1904. 662 S. URL: https://archive.org/details/ethikdesreinenw01cohegoog/page/n7/mode/2up.

Cohen H. Logik der reinen Erkenntnis. Berlin : Cassirer, 1922. 333 S. URL: https://archive.org/details/logikderreinener00cohe/page/n27/mode/2up.

Dreier R. Rechtsbegriff und Rechtsidee: Kants Rechtsbegriff und seine Bedeutung für die gegenwärtige Diskussion. Frankfurt a. M. : A. Metzner, 1986. 37 S. ISBN: 3787536051.

Eberl O., Niesen P. Immanuel Kant: Zum ewigen Frieden und Auszüge aus der Rechtslehre: Kommentar (Suhrkamp Studienbibliothek 14). Berlin : Suhrkamp, 2011. 416 S. ISBN: 978-3-518-27014-1.

Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Königsberg, 1781. 1014 S. URL: https://odysseetheater.org/ftp/bibliothek/Philosophie/Kant/Kant%20Immanuel%20-%20Kritik%20der%20reinen%20Vernunft.pdf.

Kant I. Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre. Königsberg, 1797. LII, 266 S. URL: https://books.google.ru/books?id=EBAPAAAAQAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false.

Kant I. Zum ewigen Frieden. Königsberg, 1795. 104 S. URL: https://archive.org/details/zumewigenfrieden00kant.

Kaufmann A. Rechtsphilosophie, 2. Aufl. München : C. H. Beck, 1997. 365 S. ISBN: 978-3-406-42575-2.

Kaufmann E. Kritik der neukantischen Rechtsphilosophie. Ein Beitrag über die Beziehungen zwischen Philosophie und Rechtswissenschaft. Tübingen : J. C. B. Mohr, 1921. 110 S. URL: https://archive.org/details/EKaufmannKritikRechtsphilosophieNeukantianer/page/n1/mode/2up.

Krijnen C. Neukantianismus: Rechtsphilosophie als transzendentale Kulturphilosophie // Enzyklopädie zur Rechtsphilosophie (EZR) der Internationalen Vereinigung für Rechts- und Sozialphilosophie (IVR, Deutsche Sektion) und der Deutschen Gesellschaft für Philosophie (DGP). 2020. 40 S. URL: https://enzyklopaedie-rechtsphilosophie.net/inhaltsverzeichnis/19-beitraege/123-neukantianismus.

Müller C. Die Rechtsphilosophie des Marburger Neukantianismus. Tübingen : Mohr Siebeck, 1994. 212 S. ISBN: 978-3-16-146151-4.

Pfordten D. von der. Die Rechtsidee bei Kant, Hegel, Stammler, Radbruch und Kaufmann // Value Pluralism, Tolerance and Law / ed. Shing-I-Liu. Taipei, Taiwan, 2004. 30 S.

Radbruch G. Grundzüge der Rechtsphilosophie. Leipzig : Quelle&Meyer, 1914. 215 S.

Radbruch G. Rechtsphilosophie. Studienausgabe. Heidelberg : UNI-Taschenbücher Verlag. Stanley L., Paulson L., Dreier R., 1999. 286 S. ISBN: 3825220435.

Rickert H. Alois Riehl // Logos. Bd. 13. Tübingen, 1924–1925. S. 162–185. URL: https://www.gleichsatz.de/b-u-t/begin/rickert/hr-riehl.html.

Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin : J. Guttentag, 1902. 647 S. URL: https://archive.org/details/dielehrevondemr00stamgoog/page/22/mode/2up.

Windelband W. Einleitung in die Philosophie. Tübingen : J. C. B. Mohr, 1920. 464 S. URL: https://archive.org/details/einleitungindiep00wind/page/n5/mode/2up.

Windelband W. Lehrbuch der Geschichte der Philosophie. Altenmünster : Jazzybee Verlag Jürgen Beck, 2012. 960 S. URL: https://books.google.ru/books?id=WDylwlNIRXUC&hl=ru.

Windelband W. Präludien: Aufsätze und Reden zur Philosophie und ihrer Geschichte. Bd. 2. Thübingen : Mohr, 1915. URL: https://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/windelband1915bd2.

References

Binder, J., 1925. *Philosophie des Rechts*. Berlin. 1063 S. URL: https://lawcat.berkeley.edu/record/86536.

Blöser, C., 2024. *Immanuel Kant. 100 Seiten*. Ditzingen: Reclam. 100 S. ISBN: 978-3-15-020704-8.

Cassirer, E., 1932. Vom Wesen und Werden des Naturrechts. *Zeitschrift für Rechtsphilosophie in Lehre und Praxis*, 6, ss. 1–27.

Cohen, H., 1904. *Ethik des reinen Willens*. Berlin: Bruno Cassirer. 662 S. URL: https://archive.org/details/ethikdesreinenw01cohegoog/page/n7/mode/2up.

Cohen, H., 1922. *Logik der reinen Erkenntnis*. Berlin: Cassirer. 333 S. URL: https://archive.org/details/logikderreinener00cohe/page/n27/mode/2up.

Dreier, R., 1986. *Rechtsbegriff und Rechtsidee: Kants Rechtsbegriff und seine Bedeutung für die gegenwärtige Diskussion*. Frankfurt am Main: A. Metzner. 37 S. ISBN: 3787536051.

Eberl, O., Niesen, P., 2011. *Immanuel Kant: Zum ewigen Frieden und Auszüge aus der Rechtslehre: Kommentar (Suhrkamp Studienbibliothek 14)*. Berlin: Suhrkamp. 416 S. ISBN: 978-3-518-27014-1.

Kant, I., 1781. *Kritik der reinen Vernunft*. Königsberg. 1014 S. URL: https://odysseetheater.org/ftp/bibliothek/Philosophie/Kant/Kant%20Immanuel%20-%20Kritik%20der%20reinen%20Vernunft.pdf.

Kant, I., 1795. *Zum ewigen Frieden*. Königsberg. 104 S. URL: https://archive.org/details/zumewigenfrieden00kant.

Kant, I., 1797. *Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre*. Königsberg. LII, 266 S. URL: https://books.google.ru/books?id=EBAPAAAAQAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false.

Kaufmann, A., 1997. *Rechtsphilosophie.* 2. Aufl. München: C. H. Beck. 365 S. ISBN: 978-3-406-42575-2.

Kaufmann, E., 1921. *Kritik der neukantischen Rechtsphilosophie. Ein Beitrag über die Beziehungen zwischen Philosophie und Rechtswissenschaft*. Tübingen: J. C. B. Mohr. 110 S. URL: https://archive.org/details/EKaufmannKritikRechtsphilosophieNeukantianer/page/n1/mode/2up.

Krijnen, C., 2020. Neukantianismus: Rechtsphilosophie als transzendentale Kulturphilosophie. *Enzyklopädie zur Rechtsphilosophie (EZR) der Internationalen Vereinigung für Rechts- und Sozialphilosophie (IVR, Deutsche Sektion) und der Deutschen Gesellschaft für Philosophie (DGP)*. 40 S. URL: https://enzyklopaedie-rechtsphilosophie.net/inhaltsverzeichnis/19-beitraege/123-neukantianismus.

Müller, C., 1994. *Die Rechtsphilosophie des Marburger Neukantianismus*. Tübingen: Mohr Siebeck. 212 S. ISBN: 978-3-16-146151-4.

Pfordten, D. von der, 2004. Die Rechtsidee bei Kant, Hegel, Stammler, Radbruch und Kaufmann. In: Shing-I-Liu, ed. *Value Pluralism, Tolerance and Law*. Taipei, Taiwan. 30 S.

Radbruch, G., 1914. *Grundzüge der Rechtsphilosophie*. Leipzig: Quelle&Meyer. 215 S.

Radbruch, G., 1999. *Rechtsphilosophie*. Study edition. Heidelberg: UNI-Taschenbücher Verlag. Stanley L., Paulson L., Dreier R. 286 S. ISBN: 3825220435.

Rickert, H., 1924–1925. Alois Riehl. *Logos*. Bd. 13. Tübingen. Ss. 162–185. URL: https://www.gleichsatz.de/b-u-t/begin/rickert/hr-riehl.html.

Stammler, R., 1902. *Die Lehre von dem richtigen Rechte*. Berlin: J. Guttentag. 647 S. URL: https://archive.org/details/dielehrevondemr00stamgoog/page/22/mode/2up.

Windelband, W., 1915. *Präludien: Aufsätze und Reden zur Philosophie und ihrer Geschichte*. Bd. 2. Thübingen: Mohr. URL: https://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/windelband1915bd2.

Windelband, W., 1920. *Einleitung in die Philosophie*. Tübingen: J. C. B. Mohr. 464 S.

Windelband, W., 2012. *Lehrbuch der Geschichte der Philosophie*. Altenmünster: Jazzybee Verlag Jürgen Beck. 960 S. URL: https://books.google.ru/books?id=WDylwlNIRXUC&hl=ru.

Информация об авторе / Information about the author

Белова Марина Анатольевна, кандидат юридических наук, заместитель заведующего, доцент кафедры конституционного права имени Н. В. Витрука Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, Москва, 117418, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Marina A. Belova, Cand. Sci. (Law), Depute Head, Association Professor of the Vitruk Constitutional Law Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., 117418, Moscow, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 26.08.2024; одобрена после рецензирования 26.09.2024; принята к публикации 08.10.2024.
The article was submitted 26.08.2024; approved after reviewing 26.09.2024; accepted for publication 08.10.2024.

Научная статья
УДК 340
DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.61-78

Формы государственного устройства в программных документах и правовой доктрине России начала XX века

Сергей Алексеевич Завражнов
Российский государственный университет правосудия, Москва, Российская Федерация
zavrazhnov.sergey@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0008-4170-4668

Аннотация
Введение. В настоящей работе анализируются взгляды видных кадетских деятелей относительно различных форм государственного устройства применительно к имперской политической действительности начала XX в. Основное внимание уделено сопоставлению их воззрений относительно принципа единства и неделимости Российской империи, процесса децентрализации, сущности автономии и федерации.
Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу статьи составили программные документы конституционно-демократической партии и труды отечественных дореволюционных юристов, посвященные исследованию территориального устройства имперской России. При подготовке работы использованы как общенаучные (анализ, синтез, дедукция), так и частнонаучные методы исследования (сравнительно-исторический, герменевтический, историко-системный).
Результаты исследования. Несмотря на общий идейный фундамент и единство во мнении о необходимости проведения децентрализации России путем формирования местного самоуправления и автономий, а также пагубности введения федеративного устройства, выявлены различия во взглядах кадетских идеологов относительно понятия и видов автономии, ее отличий от субъекта федерации.
Обсуждение и заключение. Кадеты полагали, что децентрализация государства, проявляющаяся в формировании системы местного самоуправления, основанной на общегосударственных законах и находящейся под надзором центральной власти, не нарушает его единства. В их понимании автономия является высшей формой самоуправления, для которой вследствие законодательной децентрализации характерно наличие местных законов. Под самим самоуправлением большинство кадетских идеологов понимали непосредственно административную децентрализацию. Кроме того, они признавали необходимость решения назревшего в начале XX в. национального вопроса путем предоставления определенному этносу культурной, но не национальной автономии.

© Завражнов С. А., 2024

Ключевые слова: формы государственного устройства, автономия, децентрализация, местное самоуправление, федерация, кадетская партия, государство, государственное единство

Для цитирования: Завражнов С. А. Формы государственного устройства в программных документах и правовой доктрине России начала XX века // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 4. С. 61–78. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.61-78.

Original article

Forms of Government in Program Documents and Legal Doctrine of Russia at the Beginning of the 20th Century

Sergey A. Zavrazhnov

Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
zavrazhnov.sergey@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0008-4170-4668

Abstract
Introduction. This paper analyzes the views of prominent Cadet figures regarding various forms of state structure in relation to the imperial political reality of the early 20th century. The main focus of the article is on comparing their views regarding the principle of unity and indivisibility of the Russian Empire, the process of decentralization, the essence of autonomy and federation.
Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis of the article is the program documents of the constitutional democratic party and the works of domestic pre-revolutionary lawyers devoted to the study of the territorial structure of imperial Russia. In preparing the work, both general scientific research methods (analysis, synthesis, deduction) and specific scientific methods (comparative-historical, hermeneutic, historical-systemic) were used.
Results. Despite the common ideological foundation and unity of opinion on the need to decentralize Russia by forming local self-government and autonomies, as well as the harmfulness of introducing a federal structure, nevertheless, a difference was revealed in the views of the Cadet ideologists regarding the concept and types of autonomy, its differences from a federal subject.
Discussion and Conclusion. The Cadets believed that decentralization of the state, manifested in the formation of a system of local self-government based on national laws and under the supervision of the central government, does not violate its unity. In their understanding, autonomy is the highest form of self-government, which, due to legislative decentralization, is characterized by the presence of local laws. By self-government itself, most Cadet ideologists understood directly administrative decentralization. In addition, they recognized the need to resolve the national question that had become urgent at the beginning of the 20th century by granting a certain ethnic group cultural, but not national, autonomy.

Keywords: forms of government, autonomy, decentralization, local government, federation, cadet party, state, state unity

For citation: Zavrazhnov, S. A., 2024. Forms of government in program documents and legal doctrine of Russia at the beginning of the 20th century. *Pravosudie/Justice*, 6(4), pp. 61–78. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.61-78.

Введение

Проблема государственного устройства России была одной из самых дискуссионных на рубеже XIX и XX вв. Революционные события той эпохи неоднократно диктовали необходимость решения «национального вопроса» путем изменения государственно-территориальной структуры империи. Между различными политическими группами шла дискуссия по вопросам федерализации, местного самоуправления и автономий. Это, например, можно наблюдать при анализе партийных программ и научных работ деятелей той эпохи. В частности, полемика по вопросу необходимого территориального устройства империи велась между сторонниками построения федеративного государства – представителями левого (социалистического) дискурса для проведения в жизнь принципа самоопределения наций и сторонниками унитарного устройства империи – представителями либерального дискурса для недопущения нарушения государственного единства [Хрипаченко, Т. И., 2012].

В настоящей статье автор особое внимание уделяет исследованию взглядов крупных представителей конституционно-демократической партии (кадетов) относительно форм государственного устройства. Несмотря на кажущуюся общность воззрений по вопросам децентрализации, местного самоуправления или автономии, отраженных в тексте программы кадетской партии, принятой на ее Учредительном съезде в Москве 12–18 октября 1905 г.[1], нельзя говорить об их однородности. Напротив, такой взгляд не отражал бы всю полноту дискуссий, которые велись между дореволюционными юристами на страницах их фундаментальных трудов.

Таким образом, основная цель настоящей работы – выявить особенности во взглядах основных кадетских мыслителей на проблему территориального переустройства России с учетом политической действительности начала XX в. Это обусловливает концентрацию внимания на периоде с начала Русской революции 1905 г. до Октябрьской революции 1917 г. Именно в указанный период интеллектуальные концепции дореволюционных правоведов, доселе существовавшие в основном на страницах научных трудов, трансформировались в программные пункты ведущих политических партий.

Теоретические основы. Методы

Теоретическую основу настоящего исследования составляют как программные документы конституционно-демократической партии, так и труды известных дореволюционных кадетских юристов Н. И. Лазаревского, Ф. Ф. Кокошкина, С. А. Котляревского, Б. Э. Нольде, Н. А. Гредескула и других, посвященные исследованию государственного устройства Российской империи начала XX в.

---

[1] Текст программы рассматривается автором в редакции, принятой по итогам 2-го делегатского съезда в Санкт-Петербурге 5–11 января 1906 г. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/33342-programma-konstitutsionno-demokraticheskoy-partii-partii-narodnoy-svobody#mode/inspect/page/1/zoom/4.

Для достижения цели исследования автором использованы общенаучные (анализ, синтез, дедукция) и частнонаучные методы исследования (сравнительно-исторический, герменевтический, историко-системный), что позволило объективно и всесторонне исследовать воззрения кадетов относительно различных форм государственного устройства имперской России.

Результаты исследования

Принцип единства и нераздельности России

На начало XX в. понятие «форма государственного устройства» дореволюционными теоретиками государственного права выработано не было [Корнев, В. Н., 2006, с. 177]. Дискуссии о необходимости использования данного термина начались лишь в 60-х гг. XX в. [Гельдибаев, М. Х., Касаткина, Н. А., 2018, с. 56]. Сами дореволюционные правоведы, в частности Б. Н. Чичерин и Н. М. Коркунов, описывали государственное устройство через использование элементов формы правления. Так, Чичерин указывал, что государственное устройство определяется строением верховной власти, которая является владычествующим элементом в государстве. Различное строение верховной власти составляет различие образов правления [Чичерин, Б. Н., 1894, с. 105]. Коркунов отождествлял понятия формы государственного устройства и формы правления, указывая на монархию или республику как на разные формы такого устройства [Коркунов, Н. М., 1909, с. 259].

Несмотря на отсутствие единообразного понимания термина государственного устройства, кадетские теоретики государственного права имели общий взгляд на необходимость территориально-государственного переустройства России с учетом принципа государственного единства. Стоит отметить, что указанный принцип, как и в целом разработки кадетской профессуры относительно форм государственного устройства, был заимствован из концепций немецких правоведов, в частности Г. Еллинека, и адаптирован под российские условия с учетом ее многонационального состава.

На практике при рассмотрении вопроса о необходимости проведения децентрализации и автономизации России кадеты исходили из обязательности соблюдения принципа единой и неразделимой России, установленного в первой статье Основных законов Российской империи 1906 г. В частности, в п. 25 Программы конституционно-демократической партии 1905 г., посвященном государственному переустройству Царства Польского, прямо указывается, что автономное устройство вводится при условии сохранения государственного единства и участии в центральном представительстве на одинаковых с прочими частями империи основаниях[2]. Этот принцип выступал критерием, устанавливающим границы проведения децентрализации таким способом, чтобы минимизировать риски нарушения единства России [Габрелян, Э. В., 2010, с. 169]. Можно отметить, что в це-

[2] URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/33342-programma-konstitutsionno-demokraticheskoy-partii-partii-narodnoy-svobody#mode/inspect/page/4/zoom/4 (дата обращения: 21.06.2024).

лом кадеты понимали такое единство в одном русле и связывали его исполнение прежде всего с распространением государственного суверенитета на всю территорию империи, т. е. с отсутствием суверенной от центра власти, а также с сохранением территориальной целостности государства и недопущением формирования сепаратистских движений. Тем самым такая целостность образовывала с абсолютизмом символическую связь, приобретя сакральный характер в монархической системе Российской империи [Wortman, R., 2013, p. 258].

Так, известный дореволюционный юрист барон Б. Э. Нольде писал: «Россия “едина и неразделима” потому, что русская государственная власть господствует на всей русской территории. Она перестала бы быть “единой и неразделимой”, если бы какая-либо часть ее отошла в обладание другой верховной власти» [Нольде, Б. Э., 1911, с. 244]. Таким образом, Нольде считал, что территориальное единство государства нарушается в двух случаях: при отчуждении территории другому государству или при образовании на территории такого государства иной власти, независимой от первоначальной. Рассматривая первый вариант такого нарушения, Нольде указывал на юридический запрет уступки государственной территории властью, за исключением той, которая не ограничена законодательством [Нольде, Б. Э., 1911, с. 246]. Речь идет, конечно, о фигуре абсолютного монарха. Для Нольде действия абсолютного монарха по отчуждению определенной территории государства являются безусловно легальными. Однако в условиях дуалистической или конституционной монархии такие действия уже не будут соответствовать принципу территориального единства, поскольку требуют санкции другого органа власти, например парламента. Следовательно, уступка территории возможна только в порядке, определенном действующим законодательством и не противоречащем ему.

Нольде отмечал, что единообразие устройства разных частей государства не гарантирует его единства. Однообразная организация территорий нивелируется их возможной чрезмерной автономностью. Настоящее единство государства зависит не от симметричности его устройства или однообразности форм осуществления этой власти, а от того, каков характер власти, признанной за его разными частями [Нольде, Б. Э., 1911, с. 256]. Тем самым правовед признавал возможность проведения децентрализации, если по ее итогам не будет образована территория, обладающая суверенитетом и не подчиняющаяся центральной власти. И наоборот: Нольде соглашался с возможностью существования автономии, основанной на общегосударственном законодательстве и входящей в систему государственной власти.

Признавал возможность существования административно-территориальных единиц, не нарушающих территориального единства государства, и известный дореволюционный конституционалист Н. И. Лазаревский. В частности, в работе «Русское государственное право» (1917) Лазаревский писал: «…понятие государственного единства есть понятие не абсолютное, но относительное, и по существу своему допускающее разнообразные степени проведения, и все те формы государственного и административного устройства, в которых видели нарушение государственного единства, в действительности представляли не нарушение этого принципа, но лишь

разную степень централизации функций власти» [Лазаревский, Н. И., 1917, с. 181].

Н. И. Лазаревский в целом критиковал понимание государственного единства как воли одного лица (монарха) или же одного учреждения. Для Лазаревского внутреннее единство государства, основанное исключительно на существовании одного центра, было невозможным, поскольку в любом государстве неизбежно существуют конфликты между разными органами власти, так или иначе нарушающие такое единство. В частности, в качестве отдельного субъекта власти Лазаревский рассматривал бюрократию, обладающую особой политической самостоятельностью и собственной волей. Лазаревский пришел к выводу, что государственное единство проявляется при внешней деятельности государства, например во взаимодействии с другими государствами. Однако оно не зависит от степени централизации власти. В частности, Лазаревский отмечал: «…мы можем наблюдать государство как единство, изучая сношения с другими лицами, но когда мы изучаем внутреннее строение государства, мы видим не единство, а множественность лиц, отношений и центров власти» [Лазаревский, Н. И., 1917, с. 182].

Другой выдающийся дореволюционный юрист, один из идеологов кадетской партии Ф. Ф. Кокошкин придерживался несколько иного взгляда относительно сущности единства государства. По его мнению, в отличие от того же Нольде, государство само ограничено правом. Оно «произрастает» из правового порядка. Свое воззрение он основывал на учении Г. Еллинека о самоограничении власти, согласно которому государство вправе как создавать субъективные права, так и налагать на себя субъективные обязанности. Однако в отличие от Еллинека, считавшего, что такие обязанности могут быть отменены государством в одностороннем порядке, Кокошкин исходил из наличия перманентного ограничения государственной власти правом. Для него суверенная власть не является неограниченной. Для правоведа ключевой признак суверенитета – верховенство власти. Существование в государстве системы самоуправления, в том числе автономий, никак не нарушает его единства, если такая автономия была установлена общегосударственными законами, а также если, помимо местного представительства, в этой автономии существует и общегосударственное представительство [Кокошкин, Ф. Ф., 1906, с. 13]. Иначе можно было бы говорить об образовании государства в государстве. Также, по мнению Кокошкина, нельзя забывать и о единстве, обеспечивающемся народной психологией. Таким скрепляющим фактором служит удовлетворение общих интересов, чтобы существование различных этносов в едином государстве было выгодным для всего населения [Кокошкин, Ф. Ф., 1906, с. 14].

Децентрализация и формы ее осуществления

Несмотря на общую основу взглядов в понимании важности сохранения государственного единства и опасности деления территории дореволюционной России на разные части, обладающие суверенной властью, среди представителей кадетской партии не было единства мнений относительно понятий самих форм децентрализации. В частности, при анализе теорети-

ческих концепций видных кадетов можно заметить неоднородность мнений насчет терминов автономии и самоуправления.

Отдельно стоит отметить, что для либеральных юристов в целом, в отличие от социалистов, рассматривающих народ как единственный источник политической воли, исследование различных форм государственного устройства проходило в парадигме, в которой, наоборот, источником такой воли является само государство [Хрипаченко, Т. И., 2012, с. 117]. При таком взгляде на форму территориального устройства государства децентрализация будет связана исключительно с перераспределением полномочий между различными государственным органами разного уровня.

Так, барон Б. Э. Нольде в известной работе «Очерки русского государственного права» (1911) рассматривал самоуправление с этатистских позиций, признавая его частью государственной системы управления. Таким образом, самоуправление имеет государственную природу и функционирует исключительно в рамках системы государственной власти. Это означает, что самоуправление является формой осуществления государственных функций субъектами, которые в той или иной мере независимы от центрального правительства, но сохраняют при этом государственную природу.

Основной вопрос состоял в пределах самоуправления, его форм. Так, Б. Э. Нольде выделял несколько видов самоуправления в зависимости от того, кому поручается осуществление его функций. В частности, он выделял самоуправление, осуществляемое наместниками из центра, являющимися уроженцами этой территории. По мнению Нольде, важным шагом в закреплении основ самоуправления является введение выборности местных органов власти. При этом могут существовать механизмы, позволяющие центральной власти сохранять определенное влияние на процесс выборов, например через утверждение избранных лиц.

Если государство дает возможность самостоятельно осуществлять выборы государственных органов определенной территории, обладающей при этом собственным правовым устройством, то такое самоуправление, по мнению Нольде, можно называть автономией [Нольде, Б. Э., 1911, с. 269]. Для ученого такая форма самоуправления является исключительной (высшей). Тем самым для Нольде автономия – наиболее развитая форма самоуправления, при которой власть осуществляют люди, выбранные по собственному праву, не дарованному центральной властью. Органы власти в таких автономиях не только выполняют некоторые законодательные функции, но и ведут внутреннюю политику самостоятельно, не нарушая при этом государственный суверенитет.

В итоге Нольде рассматривал самоуправление как продукт государственной воли, поскольку оно действует через органы власти, функционирующие в пределах полномочий, установленных центральной властью. В то время как автономия, по его мнению, представляет собой особую форму самоуправления, в которой система органов власти основана прежде всего на местном праве.

Нольде подчеркивал ключевое различие между самоуправляющейся единицей и государством. В частности, он писал следующее: «Власть самоуправления самостоятельна лишь условно, власть государства самостоя-

тельна безусловно. Условием самостоятельности самоуправления является или дарование таковой государством, или допущение ее последним: самоуправление может жить своим правом, но это право юридически существует, пока государство его не отменило <…> Как только самоуправление ни в каком порядке, ни конституционного, ни обыкновенного законодательства, ни тем более в порядке управления, не может быть лишено своей самостоятельности, обладающая такими полномочиями единица превращается в единицу государственную» [Нольде, Б. Э., 1911, с. 277].

Таким образом, для Нольде ключевым условием сохранения единства государства выступает возможность такого государства самостоятельно определять сферу полномочий органов самоуправления. Иначе такое самоуправление может трансформироваться в полноценное государство. Существование автономий является возможным, если такой статус может быть в одностороннем порядке нивелирован центральной властью, как это происходило при включении в состав России территорий Малороссии, Бессарабии или, например, Царства Польского. Во всех таких случаях Нольде указывает на сходный сценарий развития присоединенной территории: при сохранении некоторой части прежнего законодательства все большее распространение получают общеимперские законы. Постепенно происходит унификация системы управления на окраинах, делая возможным полное слияние автономной единицы с основной территорией империи. Кроме того, многие малонаселенные территории поглощались имперской администрацией без каких-либо попыток преобразовать их в автономные единицы, и территориальная автономия была скорее привилегией для тех этносов, кто успешнее лоббировал ее установление на определенной территории [Kirmse, S. B., 2022, p. 8].

Такое понимание происходящих на окраинах Российской империи процессов указывает на отношение Нольде к автономиям как к временной необходимости, которая должна постепенно исчезнуть, сменив себя на иную форму самоуправления со значительно большей зависимостью от центра.

Понятие автономии Нольде отлично от понимания такого явления иными теоретиками государственного права. В частности, Нольде трактовал автономию в широком смысле, подводя под нее выработанные немецкой правовой наукой понятия несуверенного государства (Nichtsouverdne Staaten) и государственного фрагмента (Staatsfragmente). Для Нольде введение Г. Еллинеком указанных понятий является излишним, поскольку они могут быть применимы к Германской империи, собранной из различных немецких земель, которые впоследствии утратили свой суверенитет, однако сохранили некоторые признаки государственности, но не к России [Нольде, Б. Э., 1911, с. 276]. Для него несуверенные государства, не отличающиеся от иных форм самоуправления (автономий), являются анахронизмом немецкой истории.

Не согласен был с позицией Нольде по вопросу несуверенных государств Ф. Ф. Кокошкин. Свое воззрение относительно их природы Кокошкин заимствовал из концепций Г. Еллинека и Гуго Прейса [Корнев, В. Н., 2006, с. 182]. Он указывал на необходимость разделять субъект федерации и провинциальную автономию, объясняя это тем, что, во-первых, у субъектов

федерации имеются собственные органы власти, компетенция которых устанавливается федеральным законодательством, во-вторых, органы власти субъекта федерации вправе осуществлять законодательную деятельность без участия федеральной власти [Кокошкин, Ф. Ф., 1906, с. 6].

Иное различие между субъектом федерации и автономией проводил Н. И. Лазаревский. Он отмечал, что права субъекта федерации не могут быть урезаны федеральной властью без согласия такого субъекта [Лазаревский, Н. И., 1906, с. 12].

Кокошкин в зависимости от пределов проводимой децентрализации разделял децентрализацию административную и законодательную. Под административной децентрализацией (местным самоуправлением) он понимал такое устройство, при котором определенная территория имеет местные органы власти, осуществляющие свою деятельность на основе общегосударственного законодательства. Федеральная власть, в свою очередь, осуществляет контроль за их деятельностью [Кокошкин, Ф. Ф., 1912, с. 305]. Под законодательной децентрализацией (областной автономией) понимается высшая форма децентрализации, при которой на местном уровне формируются законодательные органы для издания местных законов. При этом организация таких органов определяется местным законодательством. Такую форму децентрализации Кокошкин относил к промежуточной, стоящей между самоуправлением и несуверенным государством (субъектом федерации) [Кокошкин, Ф. Ф., 1912, с. 306].

Одним из важных вопросов, отдельно рассматриваемым Ф. Ф. Кокошкиным, является влияние автономии на решение национального вопроса. Правовед разграничивал процесс децентрализации России с территориальным обустройством государства по национальному признаку, указывая на то, что культурное самоопределение народов возможно и в централизованном государстве. При этом, как подчеркивал юрист, основная задача децентрализации сводится вовсе не к формированию национальных анклавов, а лишь к передаче части управленческих или законодательных функций на местный уровень.

Решение национального вопроса, по мнению Кокошкина, может быть сведено к трем моментам: во-первых, предоставление равноправия гражданам независимо от их национальности; во-вторых, сохранение и свободное развитие языка, литературы и культуры каждого этноса; в-третьих, предоставление равенства языков в местных государственных и общественных установлениях и в школе [Кочетков, В. В., 2017, с. 159]. То есть для Кокошкина решение национального вопроса ограничивалось исключительно гарантированием каждой народности культурного самоопределения, но не формированием национальных автономий. Деятельность же центральной власти по отношению к самоуправлению должна сводиться к надзору за законностью деятельности местных органов.

Отмечая важность децентрализации и построения автономий, Кокошкин обосновывал это обширностью российской территории и невозможностью для федеральных депутатов в полной мере представлять интересы своих многотысячных избирателей. Для исправления такой ситуации необходимо не только передать часть управленческих полномочий на места, но

и провести децентрализацию законодательства, т. е. предоставить местным властям возможность самостоятельно через законодательную деятельность регулировать местные хозяйственные вопросы. Такая мера, в свою очередь, существенно разгрузит парламент, который сможет более детально обсуждать и принимать законопроекты. Все это указывает на желательность построения в России не национальных автономий, а автономий сугубо провинциального типа, основанных прежде всего на экономических, культурных, бытовых и иных критериях.

Необходимость в децентрализации путем введения повсеместного самоуправления видел и другой кадетский деятель – Н. И. Лазаревский. По Лазаревскому, под самоуправлением понимается система местной администрации, возлагающая осуществление задач местного управления на такие государственные органы, которые ставятся в положение, независимое от центральной администрации [Лазаревский, Н. И., 1917, с. 184]. Он также отмечал, что отличия автономии от самоуправления проявляются, во-первых, в охвате большего числа сторон государственной деятельности, во-вторых, в осуществлении законодательной власти [Лазаревский, Н. И., 1906, с. 5]. Таким образом, Лазаревский соглашался с Кокошкиным относительно необходимости законодательной децентрализации как неотъемлемого признака автономии. Государство должно строго определить сферу деятельности местных законодательных органов, которые могут принимать законодательные акты, изменяющие существующие общегосударственные законы. Однако Кокошкин дополнительно указывал, что издание местных законов должно сопровождаться утверждением их центральной властью. В таком подходе Кокошкин видел баланс интересов как местных властей, так и центральной власти, который также выражался и в разнице формирования местных органов. Так, законодательные органы в автономии должны формироваться на основе прямых выборов, в то время как исполнительные – путем назначения чиновников центральной властью [Хрипаченко, Т. И., 2012, с. 129]. Также стоит отметить, что Лазаревский, в отличие от Кокошкина, признавал возможность построения автономий по национальному признаку и даже отмечал, что для России опасно не формирование национальных автономий, а, наоборот, отказ от них [Корнев, В. Н., 2006, с. 179].

Интересна позиция С. А. Корфа, являвшегося активным сторонником кадетской партии. Так, соглашаясь с децентрализацией законодательства как одним из главных критериев процесса децентрализации государственного управления, он указывал на то, что граница перехода от провинции к государствам устанавливается точным определением того момента, когда провинция начинает творить право и властвовать самостоятельно [Корф, С. А., 1917, с. 87–88]. Таким образом, наделение автономии возможностью правотворчества без каких-либо ограничений делает ее суверенным государством.

С. А. Котляревский подчеркивал, что автономия есть самоограничение власти в унитарном государстве, основанное на признании не только особых интересов данной области, но и особого права удовлетворять эти интересы при помощи местных органов [Котляревский, С. А., 1915, с. 271].

Котляревский соглашался с тем, что автономия является особой формой местного самоуправления. Однако правовед, в отличие от Кокошкина и Лазаревского, не считал децентрализацию законодательства обязательным признаком автономии, а указывал лишь на необходимость проведения административной децентрализации.

Отдельно стоит отметить, что Котляревский признавал необходимость формирования материальных и культурных условий для наделения определенной части государства статусом автономии. В качестве такой территории, соответствующей условиям для получения указанного статуса, Котляревский видел исключительно Царство Польское, поскольку в нем национальные и областные границы практически совпадают, что формирует единую политическую традицию и культуру [Котляревский, С. А., 1996, с. 115].

Таким образом, в отличие от Нольде, для которого в силу политических причин не существовало разницы между автономией и несуверенным государством, поскольку он значительно расширял понятие автономии, остальные кадетские деятели вводили определенную градацию форм децентрализации. Это выражалось, например, в признании Кокошкиным и Лазаревским введенного Еллинеком понятия несуверенного государства. Однако на практике кадетская партия, признавая необходимость формирования автономий, вынуждена была защищаться от нападок справа. Нападки эти заключались, главным образом, в упреках в том, что они якобы желали расчленить Россию путем предоставления Царству Польскому автономии. В ответ на такие обвинения известный кадет А. А. Кизеветтер в работе «Нападки на партию народной свободы и возражения на них» (1906) указывал, что предоставление автономии Польше не ослабит, а, наоборот, усилит ее связь с Россией, поскольку сама автономия означает лишь право определенной территории иметь собственное представительное учреждение, решающее местные проблемы, при условии утверждения решений местного органа императором [Кизеветтер, А. А., 1906, с. 50].

Федерализм и необходимость его построения в России

Прежде чем приступить к исследованию взглядов кадетских деятелей относительно федерализма, следует обратиться к анализу текста политической программы конституционно-демократической партии. Так, в тексте кадетской программы нет ни единого упоминания о федерации и какой-либо необходимости ее установления на территории Российской империи. Напротив, в программе по вопросу государственного устройства основное внимание уделяется самоуправлению и установлению автономного устройства в Царстве Польском и особого государственного положения Финляндии после формирования демократического представительства с конституционными правами[3].

---

[3] См. главу III Программы конституционно-демократической партии (партии народной свободы) 1905 г. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/33342-programma-konstitutsionno-demokraticheskoy-partii-partii-narodnoy-svobody#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 20.06.2024).

Такое содержание политической программы вполне объяснимо, поскольку в целом среди дореволюционных либеральных юристов было господствующим представление о вреде установления федеративного устройства. В этой связи справедливо мнение Ю. Л. Шульженко, согласно которому сторонников создания в России федерации среди дореволюционных правоведов фактически не было [Шульженко, Ю. Л., 2013, с. 22]. Во многом это объяснялось слабой научной разработанностью теории федерализма в России и восприятием концепта федерации как сугубо политической проблемы [Лебедев, А. О., 2011, с. 136].

Существовали концепции, обосновывающие хрупкость и неустойчивость федеративных отношений, рассмотрение федерации как промежуточной формы, рано или поздно эволюционирующей до унитарного устройства[4]. Такие представления были популярны и у большинства кадетских деятелей. Однако некоторые из них указывали на желательность построения федерации для удовлетворения стремлений этносов к культурному самоопределению, при этом не нарушающему единства и целостности территории государства.

В связи с этим уместным будет привести цитату С. А. Корфа: «…когда несколько народностей соединены в одно целое (напр., государство старого режима), каждое из них проявляет центробежные и сепаратистские идеалы и наклонности, но как только им обеспечивается внутренняя самостоятельность, возможность правотворчества и гарантия собственного культурного развития, так центробежные силы сменяются центростремительными и начинается процесс объединения на основе федерализма» [Корф, С. А., 1917, с. 109].

С позицией Корфа солидаризировался и профессор Н. А. Гредескул, указывая на необходимость удовлетворения запроса какого-либо этноса на самоуправление. В частности, он писал, что всякая угнетаемая национальность становится ядом, становится гниющей язвой, становится внутренней гангреной для государства [Гредескул, Н. А., 1916, с. 30]. Решение национальной проблемы Гредескул видел в децентрализации, при которой права национальностей будут уважаться и охраняться.

Схожей позиции придерживался и правовед В. М. Гессен. Он отмечал, что каждой национальности должна быть выделена сфера свободного проявления ее индивидуальности с целью всестороннего раскрытия национального «я». Это должно выразиться в предоставлении каждой национальности права на самоопределение в вопросах культуры [Гессен, В. М., 1906, с. 4].

Из приведенных позиций можно сделать вывод, что указанные деятели отмечали возникновение центробежных сил при условии отсутствия элементов самоуправления. Прежде всего речь идет о предоставлении народностям культурной автономии. Однако построение федерации на национальных началах было неприемлемым для кадетской партии в целом в силу неготовности России к федеративному переустройству. Да еще и пришлось

---

[4] См., например: [Ященко, А. С., 1912, с. 786].

отбиваться от обвинений националистов в стремлении через процесс децентрализации разрушить российскую государственность.

Такую позицию можно увидеть, в частности, в работах Ф. Ф. Кокошкина. Кокошкин на примере России отмечал причины, по которым построение федеративной республики на национальных началах является весьма затруднительным. Такими причинами выступают крайняя неравномерность численности всех национальностей, входящих в состав России, и несоразмерность занимаемых ими территорий [Кокошкин, Ф. Ф., 1917, с. 7].

Актуален и вопрос о компетенции, которой необходимо наделить субъект государства, о том, насколько широкими должны быть такие полномочия, чтобы соблюсти баланс интересов его полиэтнического состава. В связи с этим проблемным становится и вопрос об устройстве парламента федеративного государства. По мнению Кокошкина, наделение каждого субъекта федерации равными голосами при существовании в государстве титульного этноса неминуемо ведет к тупику. Неравное же распределение голосов между составными частями государства для его нормального функционирования возможно только при наличии моноэтнического общества.

Отвергал Кокошкин также концепцию построения федерации в смешанном виде, при котором часть субъектов будет построена по национальному критерию, а часть – в зависимости от экономических, местных или иных условий. Ученый справедливо замечал, что такое деление приведет к тому, что многочисленная великорусская национальность будет искусственно разделена, а иные мелкие народности, наоборот, объединятся в целые этнографические единицы [Кокошкин, Ф. Ф., 1917, с. 13]. Очевидно, что от такого федеративного устройства выиграют все народности, кроме одной – русской.

Результатом федерации национальностей, по мнению Кокошкина, будет создание конфедерации, т. е. союза суверенных протогосударств, соединенных договором. Для Кокошкина очевидно, что данный процесс приведет лишь к одному – к разрушению единства государственной власти и, соответственно, к распаду государства.

Тогда, как совершенно справедливо отмечает Т. И. Хрипаченко, понятие федерации выбивается из логической линии процесса децентрализации, поскольку для либералов в целом и для кадетов в частности федерализм есть объединение нескольких государств в единый союз [Хрипаченко, Т. И., 2012, с. 119]. Большинством дореволюционных конституционалистов федерация понималась как соединение государств, которые вследствие такого соединения становятся несуверенными, т. е. отдают центру часть своих полномочий. При этом, несмотря на согласие в необходимости выделения субъектов федерации как одной из форм государственного устройства в теории, тот же Кокошкин применительно к российской действительности не был сторонником построения таких образований на практике. Таким образом, кадеты поддерживали автономию в региональном законодательстве и культурных правах для отдельных частей империи (в первую очередь Финляндии и Польши), но не подразумевали превращения России в федерацию [Sablin, I., Semyonov, A., 2020, p. 554].

Обсуждение и заключение

Проведенное исследование позволило выявить следующие особенности взглядов конституционных демократов относительно форм государственного устройства:

1. Понимание принципа государственного единства как отсутствия субъекта, обладающего суверенной от центра (верховной) властью. Несмотря на некоторые ценностные различия, кадеты придерживались мнения о том, что децентрализация государства, выраженная в формировании системы местного самоуправления, основанной на общегосударственных законах и находящейся под надзором центральной власти, никак не нарушает государственного единства и не приведет к краху империи. Следовательно, нарушение принципа государственного единства не коррелирует с осуществлением децентрализации управления в государстве.

2. Признание автономии в качестве высшей формы самоуправления, для которой вследствие законодательной децентрализации характерно наличие местных законов. Под самоуправлением большинство кадетских идеологов понимали непосредственно административную децентрализацию, при которой на местном уровне формируются органы власти, находящиеся в подчиненном положении по отношению к центральной власти.

3. Отсутствие единства мнений по вопросу необходимости выделения несуверенных государств (субъектов федерации) в качестве одной из форм государственного устройства. Большинство из них признавали теоретическую обособленность субъекта федерации от автономии в том, что такой субъект вправе осуществлять законодательную деятельность без какого-либо участия центральной власти, например, в утверждении местных законов (Ф. Ф. Кокошкин) или в невозможности урезать права субъекта федерации без согласия самого субъекта, выраженного в принятии по данному вопросу собственного правового акта (Н. И. Лазаревский). Разность формулировок объясняется заимствованием и адаптацией под российскую действительность дореволюционными юристами по своему разумению понятия несуверенного государства, разработанного немецкими правоведами, в частности Г. Еллинеком.

4. Неприятие идеи построения в России автономий и тем более федеративного устройства на национальных началах. Несмотря на упоминания некоторыми кадетскими деятелями необходимости утверждения федеративных отношений для решения национального вопроса, речь шла исключительно о предоставлении определенному этносу культурной автономии.

5. Признание большинством идеологов вредности для России переустройства государства на федеративных началах. Популярно было мнение о хрупкости федеративного устройства, его промежуточном положении, трансформирующемся впоследствии в унитарное государство. Федерация понималась кадетами как результат объединения разных государственных частей в единое целое и выпадала из логического ряда процесса децентрализации, где речь шла о перераспределении полномочий между разными уровнями власти.

Список источников

Габрелян Э. В. Вопросы государственно-территориального устройства России в русском государственном праве 1905–1917 гг. // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 4. С. 158–171.

Гельдибаев М. Х., Касаткина Н. А. Форма государственного устройства: подходы к определению терминологии // Образование и право. 2018. № 12. С. 56–61.

Гессен В. М. Автономия, федерация и национальный вопрос. СПб. : Народ и свобода, 1906. 48 с.

Гредескул Н. А. Россия и ее народы. Пг. : Кн. маг. б. М. В. Попова, 1916. 79 с.

Кизеветтер А. А. Нападки на партию народной свободы и возражения на них. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1906. 143 с.

Кокошкин Ф. Ф. Автономия и федерация. Пг. : Партия народной свободы, 1917. 30 с.

Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. М. : Бр. Башмаковы, 1912. 306 с.

Кокошкин Ф. Ф. Областная автономия и единство России. М. : Народное Право, 1906. 15 с.

Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб. : Кн. маг. Н. К. Мартынова, 1909. 354 с.

Корнев В. Н. Учение о формах государственного устройства в юридической науке дореволюционной России // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 1. С. 176–189.

Корф С. А. Федерализм. Пг. : Тип. кн-ва «Огни», 1917. 109 с.

Котляревский С. А. Власть и право: проблема правового государства. М. : Г. А. Леман, С. И. Сахаров, 1915. 417 с.

Котляревский С. А. Национально-областной вопрос в программе конституционно-демократической партии // Российские либералы: кадеты и октябристы. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. 304 с.

Кочетков В. В. Формы государственного устройства в отечественной политико-правовой мысли второй половины XIX – начала XX века и современный российский конституционализм // Lex russica. 2017. № 2 (123). С. 155–165.

Лазаревский Н. И. Автономия. СПб. : Склад изд. при Юрид. кн. складе «Право», 1906. 32 с.

Лазаревский Н. И. Русское государственное право. Пг. : Тип. Ред. период. изд. М-ва финансов, 1917. 272 с.

Лебедев А. О. Образы федеративной России в отечественной науке конституционного права досоветского периода // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 6 (85). С. 125–141.

Нольде Б. Э. Очерки русского государственного права. СПб. : Тип. «Правда», 1911. 554 с.

Хрипаченко Т. И. Понятия федерация, децентрализация, автономия в социалистическом и либеральных дискурсах Российской империи (конец XIX – начало XX века) // Понятие о России: к исторической семантике имперского периода. Т. 2. М. : Новое литературное обозрение, 2012. С. 99–142. ISBN: 978-5-86793-938-0.

Чичерин Б. Н. Общее государственное право. М. : Типолит. Выс. утв. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1894. 481 с.

Шульженко Ю. Л. Дореволюционная отечественная наука государственного права и современность // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 3. С. 5–41.

Ященко А. С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1912. 841 с.

Kirmse S. B. Territorial organization and autonomy in Russian history // ZMO Working Paper. 2022. No. 34. P. 1–13.

Sablin I., Semyonov A. Autonomy and decentralization in the global imperial crisis: the Russian Empire and the Soviet Union in 1905–1924 // Modern Intellectual History. 2020. Vol. 17, no. 2. P. 543–560.

Wortman R. The “Integrity” (Tselost’) of the State in imperial Russian representation. Boston : Academic Studies Press, 2013. P. 233–258.

References

Chicherin, B. N., 1894. *Obshchee gosudarstvennoe pravo* = [General State Law]. Moscow: Printing House of Higher Approved Partnerships of I. N. Kushnerev and Co. 481 p. (In Russ.)

Gabrelyan, E. V., 2010. [Issues of state-territorial structure of Russia in Russian state law 1905–1917]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal* = [Leningrad Law Journal], 4, pp. 158–171. (In Russ.)

Geldibaev, M. Kh., Kasatkina, N. A., 2018. Form of government: approaches to definition of terminology. *Obrazovanie i parvo* = [Education and Law], 12, pp. 56–61. (In Russ.)

Gessen, V. M., 1906. *Avtonomiya, federatsiya i natsional’nyj vopros* = [Autonomy, federation and the national question]. St. Petersburg: Narod i svoboda. 48 p. (In Russ.)

Gredeskul, N. A., 1916. *Rossiya i ee narody* = [Russia and its nations]. Petrograd: Bookshop of M. V. Popov. 79 p. (In Russ.)

Khripachenko, T. I., 2012. [The concepts of federation, decentralization, autonomy in the socialist and liberal discourses of the Russian Empire (late 19th – early 20th century)]. *Ponyatiye o Rossii: k istoricheskoj semantike imperskogo perioda* = [The concept of Russia: towards the historical semantics of the imperial period]. Vol. 2. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. Pp. 99–142. (In Russ.) ISBN: 978-5-86793-938-0.

Kirmse, S. B., 2022. Territorial organization and autonomy in Russian history. *ZMO Working Paper*, 34. Pp. 1–13.

Kizevetter, A. A., 1906. *Napadki na partiyu narodnoj svobody i vozrazheniya na nikh* = [Attacks on the People's freedom party and responses to them]. Moscow: Publishing House of G. Lissner and D. Sovko. 143 p. (In Russ.)

Kochetkov, V. V., 2017. Forms of government in the national political and legal thought of the second half of XIX – beginning of XX century and contemporary Russian constitutionalism. *Lex Russica*, 2, pp. 155–165. (In Russ.)

Kokoshkin, F. F., 1906. *Oblastnaya avtonomiya i edinstvo Rossii* = [Regional autonomy and unity of Russia]. Moscow: Narodnoe pravo. 15 p. (In Russ.)

Kokoshkin, F. F., 1912. *Lektsii po obshchemu gosudarstvennomu pravu* = [Lectures on general state law]. Moscow: Publishing House of Bashmakovs Brothers. 306 p. (In Russ.)

Kokoshkin, F. F., 1917. *Avtonomiya i federatsiya* = [Autonomy and federation]. Petrograd: Partiya narodnoj svobody. 30 p. (In Russ.)

Korf, S. A., 1915. *Federalizm* = [Federalism]. Petrograd: Publishing House "Ogni". 109 p. (In Russ.)

Korkunov, N. M., 1909. *Lektsii po obshchey teorii prava* = [Lectures on general theory of law]. St. Petersburg: Publishing House of N. K. Martynov. 354 p. (In Russ.)

Kornev, V. N., 2006. [The doctrine of forms of state structure in the legal science of pre-revolutionary Russia]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal* = [Leningrad Law Journal], 1, pp. 176–189. (In Russ.)

Kotlyarevsky, S. A., 1915. *Vlast' i pravo: problema pravovogo gosudarstva* = [Authority and law: the problem of the rule of law]. Moscow: Publishing House of G. A. Leman, S. I. Sakharov. 417 p. (In Russ.)

Kotlyarevsky, S. A., 1996. *Natsional'no-oblastnoj vopros v programme konstitutsionno-demokraticheskoj partii* = [The national-regional question in the program of the Constitutional democratic party]. Moscow: Rossijskaya Politicheskaya Entsyklopediya (ROSSPEN). 304 p. (In Russ.)

Lazarevsky, N. I., 1906. *Avtonomiya* = [Autonomy]. St. Petersburg: Warehouse of the publication at the Legal Book Warehouse "Pravo". 32 p. (In Russ.)

Lazarevsky, N. I., 1917. *Russkoe gosudarstvennoe pravo* = [Russian State Law]. Petrograd: Publishing House of the Editorial Board of Periodicals of the Ministry of Finance. 272 p. (In Russ.)

Lebedev, A. O., 2011. [Images of Federal Russia in Domestic Constitutional Law Science of the Pre-Soviet Period]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* = [Comparative Constitutional Review], 6 (85), pp. 125–141 (In Russ.)

Nolde, B. E., 1911. *Ocherki russkogo gosudarstvennogo prava* = [Essays on Russian state law]. St. Petersburg: Publishing House “Pravda”. 554 p. (In Russ.)

Sablin, I., Semyonov, A., 2020. Autonomy and decentralization in the global imperial crisis: the Russian Empire and the Soviet Union in 1905–1924. *Modern Intellectual History*, 17 (2), pp. 543–560.

Shulzhenko, Yu. L., 2013. [Pre-revolutionary domestic science of state law and modern times]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoj akademii nauk* = [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 3, pp. 5–41. (In Russ.)

Wortman, R., 2013. *The “Integrity” (Tselost’) of the State in Imperial Russian representation*. Boston: Academic Studies Press. Pp. 233–258

Yaschenko, A. S., 1912. *Teoriya federalizma. Opyt sinteticheskoj teorii prava i gosudarstva* = [Theory of federalism. The experience of the synthetic theory of law and the state]. Yuriev: Printing House of K. Mattisen. 841 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Завражнов Сергей Алексеевич, аспирант кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Sergey A. Zavrazhnov, Postgraduate Student of the Theory of Law, State and Judicial Power Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 08.08.2024; одобрена после рецензирования 02.09.2024; принята к публикации 06.09.2024.
The article was submitted 08.08.2024; approved after reviewing 02.09.2024; accepted for publication 06.09.2024.

Научная статья
УДК 347.625
DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.79-93

Распоряжение имуществом, нажитым супругами в период брака, по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь

Мария Павловна Короткевич

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь
mpkorotkevich@yandex.by

Аннотация
Введение. Семейное законодательство Российской Федерации и Республики Беларусь закрепляет равенство прав супругов в семейных отношениях. В статье рассмотрен порядок реализации одним из супругов правомочия распоряжения имуществом, нажитым супругами в период брака, с учетом норм гражданского, семейного законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь.
Методы. Методологической базой исследования послужили философская методология (диалектический метод познания), общенаучная методология (моделирование, логический анализ) и частная методология (сравнительно-правовой метод, метод интерпретации (толкования права).
Результаты исследования. Проведен анализ правовых возможностей при реализации одним из супругов (бывшим супругом) правомочия по распоряжению имуществом, нажитым супругами в период брака, предоставляемых супругам (бывшим супругам) нормами ст. 35 Семейного кодекса Российской Федерации, ст. 23 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, ст. 253 Гражданского кодекса Российской Федерации и ст. 256 Гражданского кодекса Республики Беларусь.
Обсуждение и заключение. В результате проведенного исследования предлагается изменить нормы семейного законодательства Республики Беларусь в части уточнения порядка распоряжения имуществом, нажитым в период брака, которое должно осуществляться по взаимному согласию супругов, а также закрепить требования о необходимости получения согласия супруга (бывшего супруга) при распоряжении вторым супругом (бывшим супругом) недвижимым и некоторым иным имуществом, нажитым супругами в период брака.
Подход, при котором из сферы регулирования семейного законодательства Российской Федерации исключаются отношения общей совместной собственности бывших супругов, требует дополнительного уточнения в гражданском и

© Короткевич М. П., 2024

семейном законодательстве. Порядок реализации правомочия распоряжения имуществом, нажитым супругами в период брака, предлагается определять единообразно независимо от семейного положения участников, учитывая характер взаимоотношения участников.
При рассмотрении в судебном порядке спора о разделе имущества, нажитого супругами в период брака, необходимо закрепить правило учета имущества (или его стоимости), которое один из супругов (бывший супруг) израсходовал по своему усмотрению вопреки воле второго не в интересах семьи, либо скрыл имущество, либо произвел отчуждение совместно нажитого имущества.
Семейное законодательство Российской Федерации и Республики Беларусь следует дополнить нормой, закрепляющей сохранение режима совместной собственности супругов на имущество, нажитое супругами в период брака, в случае расторжения брака до раздела общего имущества в порядке, установленном семейным законодательством.

Ключевые слова: супруги, бывшие супруги, имущество, нажитое супругами в период брака, распоряжение, сделка, согласие супруга

Для цитирования: Короткевич М. П. Распоряжение имуществом, нажитым супругами в период брака, по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 4. С. 79–93. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.79-93.

Original article

Disposal of Property Acquired by Spouses During Marriage, According to the Legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus

Maria P. Korotkevich

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus
mpkorotkevich@yandex.by

Abstract
Introduction. The family legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus establishes the equality of rights of spouses in family relationships. The article examines the procedure for one of the spouses to exercise the right to dispose of property acquired by the spouses during marriage, taking into account norms of civil and family legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus.
Methods. The methodological basis of the study was philosophical methodology (dialectical method of cognition), general scientific methodology (modeling, logical analysis) and private methodology (comparative legal method, method of interpretation of law).
Results. An analysis of the legal possibilities is carried out when one of the spouses (former spouses) exercises the authority to dispose of property acquired by the spouses during the marriage, granted to the spouses (former spouses) by the provisions of Art. 35 of the Family Code of the Russian Federation, Art. 23 of the Code of the Republic of Belarus on Marriage and Family, and Art. 253 of the Civil Code of the Russian Federation and Art. 256 of the Civil Code of the Republic of Belarus.
Discussion and Conclusion. It is proposed to change the norms of family legislation of the Republic of Belarus and the Russian Federation, clarifying the procedure for

disposing of property acquired during marriage by one of the spouses or a former spouse.

Keywords: spouses, former spouses, property acquired by spouses during marriage, disposal, transaction, consent of the spouse

For citation: Korotkevich, M. P., 2024. Disposal of property acquired by spouses during marriage, according to the legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus. *Pravosudie/Justice*, 6(4), pp. 79–93. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.79-93.

Введение

Проблемы правового регулирования супружеской собственности не теряют своей актуальности. Значение семьи для общества и государства, лично-доверительный характер отношений между супругами предопределяют особое внимание законодателя к регулированию отношений, возникающих между ними, в том числе и при распоряжении общим имуществом супругов. Регулирование отношений супругов по владению, пользованию и распоряжению имуществом, нажитым в период брака, находится в тесном взаимодействии гражданского и семейного законодательства, что также предопределяет актуальность выбранной темы исследования.

Согласно положениям *п. ж. 1 ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации*[1] в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся «защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях».

Исходя из положений *ст. 32 Конституции Республики Беларусь*[2] «брак как союз женщины и мужчины, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства», «женщина и мужчина по достижении брачного возраста имеют право на добровольной основе вступить в брак и создать семью. Супруги имеют равные права в браке и семье». Таким образом, в Республике Беларусь уже конституционной нормой закреплены равные права супругов в браке.

В соответствии со *ст. 12 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье*[3] (далее – КоБС) брак – это добровольный союз женщины и мужчины, который заключается на условиях, предусмотренных КоБС, направлен на создание семьи и порождает для сторон взаимные права и обязанности.

Имущественная основа семьи, созданной супругами при заключении брака, базируется на общности имущества, нажитого супругами в период брака. Основу этой общности как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь составляет совместная собственность супругов (*ч. 1 ст. 23*

---

1 Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

2 ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

3 ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс].

КоБС, п. 1 ст. 34 Семейного кодекса Российской Федерации[4] (далее – СК РФ). В процессе функционирования семьи как основной ячейки общества имущество может поступать в общую совместную собственность супругов, в частности, при заключении супругами различных гражданско-правовых сделок, направленных на приобретение имущества в собственность.

В настоящем исследовании проведем анализ положений гражданского и семейного законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь, определяющих порядок распоряжения имуществом, нажитым супругами в период брака, при отсутствии брачного договора.

Теоретические основы. Методы

Проблемы правового регулирования имущественных отношений супругов занимают важное место в доктрине семейного права. Объектом настоящего исследования выступают имущественные отношения, возникающие в процессе реализации права одним из супругов (бывшим супругом) на распоряжение имуществом, нажитым супругами в период брака, в том числе как участником совместной собственности. Теоретическую основу настоящего исследования составили труды белорусских и российских исследователей по заявленной теме, а также сходным правовым вопросам.

Методологической базой исследования послужили философская методология (диалектический метод познания), общенаучная методология (моделирование, логический анализ) и частная методология (сравнительно-правовой метод, метод интерпретации или толкования права).

Результаты исследования

Как отмечается в доктрине семейного права, *особенностью семейных правоотношений, в том числе и супружеских, следует признать их лично-доверительный характер*. Взаимоотношения членов семьи базируются на взаимных чувствах любви, уважения, доверия, ответственности друг за друга. Лично-доверительный характер отношений, возникающих между супругами, супругами-родителями, предопределяет и специфику их правового регулирования. Так, все вопросы брачных и семейных отношений супруги решают совместно, по обоюдному согласию (ч. 1 ст. 20-1 КоБС); по взаимному согласию обоими родителями решаются все вопросы о формах и методах воспитания детей, получении ими образования, отношении к религии, организации свободного времени и иные вопросы воспитания детей (ч. 2 ст. 75 КоБС) [Годунов, В. Н., и др., 2024, с. 26].

В СК РФ равенство прав супругов в семье закреплено в качестве основного принципа семейного права (п. 3 ст. 1).

Относительно объекта настоящего исследования в КоБС закреплено следующее правило: «Супруги имеют равные права владения, пользования и распоряжения этим имуществом, если иное не предусмотрено брачным договором» (ч. 1 ст. 23). Формулировка «имеют равные права» может означать, что и одно и второе из указанных лиц вправе в любое время совершить любые действия по распоряжению имуществом. Однако, с дру-

[4] Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

гой стороны, «равные права» предполагают и право на распоряжение: если один распоряжается, то у второго также есть право на распоряжение, а следовательно, требуется его согласие. Так, в частности, трактовалась аналогичная норма ст. 21 Кодекса о браке и семье БССР в Инструкции Министерства юстиции Республики Беларусь от 28 апреля 1995 г. № 3-н «О порядке совершения нотариальных действий, связанных с общей совместной собственностью граждан» [Короткевич, М. П., 2012b, с. 265]. Как отмечается в литературе, решение вопросов жизни семьи одним из супругов без учета мнения другого супруга либо вопреки его воле «…противоречит сути семейных отношений» [Рагойша, П. В., 2024, с. 22].

Полагаем, исходя из содержания ст. 20-1 КоБС, формулировка, содержащаяся в п. 1 ст. 35 СК РФ: «Владение, пользование и распоряжение общим имуществом супругов осуществляются по обоюдному согласию супругов», в наибольшей степени отражает реальный порядок распоряжения имуществом супругами. КоБС не содержит иных, кроме приведенной выше нормы ч. 1 ст. 23, специальных правил порядка распоряжения супругами имуществом, нажитым в период брака. Однако лично-доверительный характер взаимоотношений между супругами свидетельствует о целесообразности такого специального регулирования. И СК РФ такое регулирование закрепляет.

Обратим внимание на то, что ограничения по распоряжению имуществом, предусмотренные в ст. 35 СК РФ, касаются не только имущества, находящегося в общей совместной собственности супругов, но также и любого иного имущества, нажитого супругами в период брака. Поддерживаем ранее высказанную позицию о соотношении понятий «общее имущество супругов» и «имущество, находящееся в совместной собственности супругов» [Короткевич, М. П., 2012a]. К *общему имуществу* супругов следует относить и имущество, которое может принадлежать супругам на праве собственности (совместно нажитое имущество), и имущество (в частности, права требования), которое не принадлежит супругам на праве собственности, но которое стало принадлежать одному из супругов в период брака и должно учитываться при разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов.

СК РФ в отличие от КоБС закрепляет *презумпцию согласия второго супруга* при совершении любых сделок одним из супругов по распоряжению общим имуществом супругов (ч. 1 п. 2 ст. 35 СК РФ). Из этого правила есть исключения. Сделка, совершенная одним из супругов по распоряжению общим имуществом супругов, может быть признана судом недействительной по мотивам отсутствия согласия другого супруга только по его требованию и только в случаях, если доказано, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать о несогласии другого супруга на совершение данной сделки (ч. 2 п. 2 ст. 35 СК РФ).

В пункте 3 ст. 35 СК РФ устанавливается дополнительное требование, соблюдение которого необходимо для совершения сделок с определенным имуществом супругов, в частности имуществом, права на которое подлежат государственной регистрации, также для сделок, для которых законом установлена обязательная нотариальная форма, и сделок, подлежащих обя-

зательной государственной регистрации. Для совершения таких сделок *необходимо получить нотариально удостоверенное согласие другого супруга.* После дополнений, внесенных Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 310-ФЗ в ч. 2 п. 3 ст. 35 СК РФ, признание недействительными сделок, требующих нотариально заверенного согласия другого супруга, поставлено в зависимость от знания контрагента об отрицательном отношении второго супруга к сделке [Нестерова, Т. И., 2023, с. 111].

С учетом указанного приведенные нормы ст. 35 СК РФ направлены на обеспечение баланса интересов супруга, волеизъявление которого имеет место при совершении отдельных действий в отношении общего имущества, его супруга (супруги) и иных лиц, вступающих с супругами в гражданские правоотношения. При этом положения ч. 1 п. 2 ст. 35 СК РФ критикуются в российской научной литературе: предлагается уточнение сути и порядка действия презумпции согласия, не освобождающей супруга, совершающего сделку, получать согласие на ее совершение у второго супруга [Добровинский, А. А., 2020, с. 14].

Полагаем, что правило о презумпции согласия второго супруга при совершении сделки по распоряжению общим имуществом супругов, а также ряд важных исключений из этих этого правила, предусмотренных СК РФ, свидетельствуют о направленности на обеспечение семейной общности, семьи, в которой все решается сообща. Если действительность всех сделок, которые совершают супруги в период ведения общего хозяйства, связывать с обязательностью получения письменного согласия второго супруга, то деятельность семьи как основной ячейки общества в значительной степени будет затруднена. Ведь каждый поход в магазин за продуктами при расчетах наличными денежными средствами следует рассматривать как сделку по распоряжению имуществом, находящимся в совместной собственности супругов (по законодательству и Российской Федерации, и Республики Беларусь).

Однако, как уже было отмечено выше, для супругов, состоящих в браке, презюмируется лично-доверительный характер отношений между ними. Между бывшими супругами доверительность в отношениях, как правило, утрачивается, но сохраняется личный характер [Годунов, В. Н., и др., 2024, с. 26]. Поэтому вызывает озабоченность сложившаяся в Российской Федерации правоприменительная практика, заключающаяся в *распространении на имущество бывших супругов, оставшееся после расторжения брака в режиме общей совместной собственности, действия гражданского, а не семейного законодательства* [Хабриева, Т. Я., Ковлер, А. И., Курбанов, Р. А., 2023]. В частности, как отмечено в литературе, «отношения между бывшими супругами по поводу совместной собственности регулируются ст. 253 ГК РФ» [Расторгуева, А. А., 2019]. Однако ГК РФ не устанавливает каких-либо ограничений для распоряжения одним из бывших супругов общим имуществом. При этом нормы ст. 253 ГК РФ регулируют вопросы распоряжения только имуществом, находящимся в совместной собственности, не касаются иного общего имущества супругов, так как не содержат аналогичных требований, предусмотренных в п. 3 ст. 35 СК РФ.

Сложно согласиться, что при лично-доверительном характере отношений между супругами законодатель связывает супругов необходимостью

получения нотариально удостоверенного согласия для совершения ряда сделок (п. 3 ст. 35 СК РФ), а в случае утраты доверительности в отношениях – нет (ст. 253 ГК РФ). При этом при наличии у бывших супругов общих несовершеннолетних детей в случае распоряжения одним из бывших супругов общим имуществом могут затрагиваться и законные интересы несовершеннолетних детей, в интересах которых в случае раздела имущества их родителями – участниками совместной собственности может быть увеличена доля того из родителей, с которым эти дети проживают (п. 2 ст. 39 СК РФ). Например, суд может учесть статус и физическое состояние ребенка (ребенок-инвалид), нуждающегося в постоянном уходе со стороны матери [Ульянова, М. В., 2023, с. 66] (ч. 1 ст. 24 КоБС). Безусловно, такая ситуация следует из того, что суды применяют в этом случае нормы ГК РФ, которые не содержат специальных требований, устанавливающих обязательность получения согласия участников совместной собственности при совершении сделок по распоряжению имуществом.

Кроме того, по нашему мнению, сложно согласиться с исключением бывших супругов из числа субъектов семейных правоотношений и сферы регулирования их отношений семейным законодательством. Доктрина семейного права Республики Беларусь традиционно выделяет такие виды семейных правоотношений, как супружеские, к которым относят правоотношения между супругами и бывшими супругами [Пенкрат, В. И., 2022, с. 62; Годунов, В. Н., и др., 2024, с. 60]. Поддерживается данный подход и российскими авторами [Мотовиловкер, Е. Я., 2020]. Кроме того, у бывшего супруга может возникнуть право на получение содержания от второго бывшего супруга при наличии обстоятельств, предусмотренных КоБС (ст. 30), СК РФ (ст. 90).

Также следует обратить внимание на то, что срок исковой давности для требований о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, брак которых расторгнут, установлен именно в КоБС (ст. 24), а не ГК Республики Беларусь. Содержится норма о сроке исковой давности по сходным требованиям и в СК РФ (п. 7 ст. 38).

Только в КоБС (ст. 24) закреплены специальные правила о допустимости отступления от признания долей равными при разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, при том что ГК Республики Беларусь содержит только общие нормы (ст. 257).

Можно привести и примеры из опубликованной судебной практики, когда в решениях судов требование об отступлении от равенства долей в общей собственности супругов, заявленное бывшим супругом, рассматривается судами с учетом положений именно ч. 1 ст. 24 КоБС[5].

Таким образом, общая совместная собственность супругов выступает видом совместной собственности согласно ГК Республики Беларусь, при этом расторжение брака между супругами не определено ни в гражданском, ни в семейном законодательстве как основание для изменения вида совместной собственности в связи с изменением семейного положения участников.

---

[5] Решение суда Ленинского района города Бреста от 29 сентября 2023 г. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь».

Российскими авторами приводится пример, когда бывшая супруга, не получив письменного согласия у бывшего супруга, продает квартиру (как отмечено выше, такое согласие в соответствии с ГК РФ и не требуется). При этом бывшая супруга обязана передать половину полученных от продажи средств бывшему супругу, так как осуществлено распоряжение (отчуждение) общего имущества [Расторгуева, А. А., 2019].

Обратим внимание: Законом Республики Беларусь от 13 ноября 2023 г. «Об изменении кодексов» п. 4 ст. 259 ГК Республики Беларусь дополняется частью второй следующего содержания: «Режим общей совместной собственности на имущество, указанное в пункте 1 настоящей статьи, сохраняется и в случае расторжения брака до раздела общего имущества в порядке, установленном законодательством о браке и семье» (данные дополнения вступают в силу с 19.11.2024). *Полагаем, аналогичную норму следовало бы включить и в КоБС и СК РФ.*

Как отмечалось выше, КоБС не содержит специальных норм, устанавливающих особенности распоряжения каким-либо общим имуществом супругов одним из супругов.

При этом согласно ГК Республики Беларусь для распоряжения недвижимым имуществом необходимо письменное согласие всех участников совместной собственности (п. 2 ст. 256). В то же время норма п. 2 ст. 256 ГК Республики Беларусь (как и КоБС) не закрепляет требования о необходимости получения письменного согласия второго супруга при распоряжении одним из супругов иным имуществом, нажитым супругами в период брака (кроме недвижимого).

Согласно п. 3 ст. 256 ГК Республики Беларусь «каждый из участников совместной собственности вправе совершать сделки по распоряжению общим имуществом, если иное не вытекает из соглашения всех участников. Совершенная одним из участников совместной собственности сделка, связанная с распоряжением общим имуществом, может быть признана недействительной по требованию остальных участников по мотивам отсутствия у участника, совершившего сделку, необходимых полномочий только в случае, если доказано, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать об этом (статья 175)». Согласно п. 4 ст. 256 ГК Республики Беларусь данные правила применяются, если для отдельных видов совместной собственности законодательством не установлено иное. КоБС прямо не закрепляет иных требований. С учетом указанного *в Республике Беларусь сложилась нотариальная практика, согласно которой для распоряжения недвижимым имуществом необходимо письменное согласие всех участников совместной собственности супругов независимо от того, состоят ли они в браке или нет.* Так, п. 19 Инструкции о порядке совершения нотариальных действий, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 23 октября 2006 г. № 63[6], содержит следующую формулировку: «Нотариус удостоверяет договоры об отчуждении и о залоге имущества, находящегося в совместной собственности супругов, с учетом требований, установленных статьей 256 Гражданского кодекса Республики Беларусь».

---

[6] ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс].

Следует обратить внимание на то, что договоры об отчуждении и о залоге имущества, находящегося в совместной собственности супругов, – это лишь частный случай распоряжения имуществом, находящимся в общей совместной собственности супругов. В доктрине гражданского права *правомочие распоряжения относят к важнейшему правомочию собственника,* осуществление которого может повлечь прекращение права собственности (договор купли-продажи), изменение правоотношения (сдача имущества в аренду). Распоряжением выступает и потребление собственником или уничтожение [Каравай, А. В., и др., 2008, с. 648–649]. Поэтому в соответствии с п. 2 ст. 256 ГК Республики Беларусь (в отличие от п. 3 ст. 35 СК РФ, в котором речь идет только о сделках по распоряжению имуществом, и ст. 253 ГК РФ, в которой такое требование вообще не установлено) согласие второго супруга (бывшего супруга) требуется при любом распоряжении недвижимым имуществом, нажитым супругами в период брака. Так, *к распоряжению можно отнести случаи, когда в процессе реорганизации унитарного предприятия в хозяйственное общество, в качестве вклада в уставный фонд которого внесено недвижимое имущество, находящееся в совместной собственности супругов, право собственности на это имущество переходит к этому хозяйственному обществу.*

Например, в качестве вклада в уставный фонд унитарного предприятия (за которым имущество было закреплено на праве хозяйственного ведения) супругом (учредителем) было внесено имущество, являющееся общей совместной собственностью супругов (гаражи) (о том, было ли получено согласие супруги на такое распоряжение общим имуществом, в решении не указано). В последующем в процессе реорганизации унитарного предприятия в общество с ограниченной ответственностью (за которым имущество закрепляется на праве собственности, а учредители приобретают обязательственные права) на основании передаточного акта и решения собственника имущества унитарного предприятия (супруга истицы) об утверждении передаточного акта (без получения согласия истицы) была произведена государственная регистрация перехода права собственности в отношении объектов недвижимого имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов.

Суд отказал в установлении факта ничтожности сделки, оформленной передаточным актом и решением собственника имущества унитарного предприятия об утверждении данного акта по передаче права собственности на недвижимое имущество – гаражи при осуществлении реорганизации унитарного предприятия в форме преобразования[7]*. Указанный пример из судебной практики констатирует важность выбора супругами (бывшими супругами) способа защиты своего нарушенного права при таком распоряжении общим имуществом вторым супругом, которое влечет прекращение права собственности на это имущество.*

При этом на практике могут возникать сложности при использовании общего недвижимого имущества супругов в хозяйственной деятельности

[7] Решение экономического суда города Минска от 25 июля 2023 г. (дело № 155ЭИП232148). Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь».

унитарного предприятия (например, при заключении договора аренды общего имущества)[8].

Учитывая, что для передачи в хозяйственное ведение недвижимого имущества, как показывает судебная практика, требуется согласие супруги[9], при оформлении такого согласия в нотариальном порядке возможные последствия реорганизации такого юридического лица могли бы быть разъяснены супруге при удостоверении такого согласия, в частности, нотариусом.

Полагаем, детальный анализ приведенных положений СК РФ, ГК РФ, КоБС, ГК Республики Беларусь позволяет констатировать, что нормы отраслевых кодифицированных актов государств, регулирующие семейные отношения, целесообразно уточнить. В обоснование данной позиции можно также привести нормы гражданских кодексов наших государств – п. 4 ст. 253 ГК РФ и п. 4 ст. 256 ГК Республики Беларусь, которые закрепляют, что положения указанных статей кодифицированных актов применяются, если нет специального регулирования для отдельных видов совместной собственности. *По нашему мнению, специальное регулирование должно осуществляться на уровне семейного законодательства и четко определять права участников совместной собственности супругов, в том числе и участников, брак которых расторгнут.*

Таким образом, законодательство и Российской Федерации, и Республики Беларусь закрепляет, а правоприменительная практика подтверждает подход, при котором право одного из супругов распоряжаться имуществом, нажитым супругами в период брака, путем совершения *сделок при определенных обстоятельствах* должно осуществляться только при наличии письменного (в России – нотариально удостоверенного) согласия второго супруга. Несоблюдение данного требования законодательства влечет недействительность таких сделок. Кроме того, может быть признана недействительной сделка, совершенная при обстоятельствах, указанных в п. 3 ст. 256 ГК Республики Беларусь, супругами или бывшими супругами, при обстоятельствах, указанных в п. 3 ст. 35 СК РФ, – супругами и в п. 3 ст. 253 ГК РФ – бывшими супругами. Таким образом законодатель обеспечивает баланс интересов участников совместной собственности супругов, добросовестных приобретателей имущества, стабильность гражданско-правовых сделок. Однако игнорирование одним из супругов воли второго супруга при распоряжении имуществом, нажитым супругами в период брака, *может повлечь и иные неблагоприятные последствия для первого.* Приведем следующие сходные положения в постановлениях высших судебных инстанций Российской Федерации и Республики Беларусь.

Так, согласно *п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодатель-*

---

[8] Постановление апелляционной инстанции экономического суда Минской области от 14 ноября 2017 г. (дело № 141-12/2017/446А). Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь».

[9] Определение судебной коллегии по гражданским делам Могилевского областного суда от 24 мая 2021 г. (дело № 2-2993/2020/А). Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь».

ства при рассмотрении дел о расторжении брака»[10], учитывая, «что в соответствии с п. 1 ст. 35 СК РФ владение, пользование и распоряжение общим имуществом супругов должно осуществляться по их обоюдному согласию, в случае когда при рассмотрении требования о разделе совместной собственности супругов будет установлено, что один из них произвел отчуждение общего имущества или израсходовал его по своему усмотрению вопреки воле другого супруга и не в интересах семьи, либо скрыл имущество, то при разделе учитывается это имущество или его стоимость».

Согласно *п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22 декабря 2022 г. № 7 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака»*[11] если «судом будет установлено, что один из супругов произвел отчуждение совместно нажитого имущества или израсходовал его по своему усмотрению вопреки воле другого супруга и не в интересах семьи либо скрыл имущество, то это имущество или его стоимость необходимо учитывать при разделе». При этом обязанность представления доказательств расходования одним из супругов имущества в период брака вопреки интересам семьи лежит на стороне, заявившей об этом факте (ч. 1 ст. 179 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь) (п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22 декабря 2022 г. № 7 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака»).

В указанных актах закреплена возможность защиты права супругов относительно случаев распоряжения имуществом супругов, нажитым в период брака, без учета воли другого супруга. Однако высшая судебная инстанция ни Российской Федерации, ни Республики Беларусь прямо не указывает, что данное правило распространяется и на *бывших супругов*. Полагаем, формулировка п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «при рассмотрении требования о разделе совместной собственности супругов» позволяет применить данное правило и в отношении бывших супругов. Однако из формулировки п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22 декабря 2022 г. № 7 такой вывод сделать сложно.

Важно, что указанный вариант действий доступен супругу, чью волю не учел его супруг, независимо от того, подпадает ли спорная ситуация под критерии, предусмотренные ст. 35 СК РФ, ст. 253 ГК РФ, ст. 256 ГК Республики Беларусь, но только в том случае, если второй супруг ставит вопрос о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью, в судебном порядке. Вариант же оспаривания или установления факта ничтожности сделки (ст. 169 и п. 2 ст. 256 ГК Республики Беларусь) не обязывает супруга (бывшего супруга) ставить вопрос о разделе имущества.

В судебной практике Республики Беларусь можно встретить примеры, когда истец, вопреки воле которого было реализовано движимое имущество другим супругом (автомобиль), выбирает первый из возможных вариантов действий и в суд обращается с требованием о взыскании денежной

---

[10] Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

[11] ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс].

компенсации стоимости доли совместно нажитого имущества, а не с требованием о признании сделки недействительной по п. 3 ст. 256 ГК Республики Беларусь и применении последствий ее недействительности, для удовлетворения которого требуется доказать факты согласно норме п. 3 ст. 256 ГК Республики Беларусь. Сложность защиты права при обращении с требованием о взыскании денежной компенсации стоимости доли совместно нажитого имущества для супруга заключается в необходимости доказывания расходования ответчиком имущества вопреки интересам семьи[12].

Обсуждение и заключение

КоБС закрепляет порядок решения вопросов жизни семьи – по взаимному согласию, однако в отношении порядка распоряжения имуществом, нажитым в период брака, фиксирует только равенство прав супругов. Полагаем, данное правило следует дополнить указанием на то, что распоряжение имуществом, нажитым в период брака, супругами должно осуществляться по их взаимному согласию (как и владение и пользование, что также следует уточнить).

Исходя из положений ГК Республики Беларусь в Республике Беларусь письменное согласие и супруга, и бывшего супруга должно быть получено в случае распоряжения одним из супругов (бывших супругов) только недвижимым имуществом, находящимся в общей совместной собственности супругов. Однако семейное законодательство Республики Беларусь не содержит требований о необходимости получения письменного согласия второго супруга при распоряжении одним из супругов недвижимым или иным имуществом, нажитым супругами в период брака. *Полагаем, указанный подход нуждается в корректировке путем дополнения КоБС нормами, закрепляющими требования о необходимости получения согласия супруга (бывшего супруга) при распоряжении вторым супругом (бывшим супругом) недвижимым имуществом, а возможно, и некоторым иным имуществом, нажитым им в период брака.*

СК РФ закрепляет ряд требований, соблюдение которых ограничивает правомочие распоряжения имуществом, нажитым супругами в период брака, одним из супругов. Однако сложно согласиться с подходом (в законодательстве и практике Российской Федерации), при котором один из супругов для распоряжения имуществом, нажитым супругами в период брака, обязан получить нотариально удостоверенное согласие второго супруга для совершения ряда сделок (п. 3 ст. 35 СК РФ), а в случае расторжения брака, а значит, и утраты доверительности в их отношениях – нет (ст. 253 ГК РФ). *Полагаем, режим совместной собственности супругов должен быть стабильным, несмотря на изменение семейного положения участников совместной собственности. Указанный подход нуждается в корректировке: необходимости получения согласия и бывшего супруга при распоряжении вторым бывшим супругом имуществом, нажитым им в период*

---

[12] Решение суда Пинского района и города Пинска от 24 марта 2023 г. (дело № 18ГИП221250). Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь».

брака, в том числе в целях защиты законных интересов общих несовершеннолетних детей бывших супругов.

В зависимости от обстоятельств, при которых второй супруг распорядился имуществом, нажитым супругами в период брака, второму супругу предоставляется вариативность выбора действий защиты нарушенного права по законодательству и Российской Федерации, и Республики Беларусь. *Однако в законодательстве (и Российской Федерации, и Республики Беларусь) следовало бы прямо закрепить правило возможности учета судом имущества (или его стоимости), которое один из супругов (бывших супругов) израсходовал по своему усмотрению вопреки воле второго не в интересах семьи, либо скрыл имущество, либо произвел отчуждение совместно нажитого имущества, при рассмотрении спора о разделе имущества, нажитого супругами в период брака, по требованию бывшего супруга.*

Также считаем, что СК РФ и КоБС следует дополнить *нормой, закрепляющей сохранение режима совместной собственности на имущество, нажитое супругами в период брака, в случае расторжения брака до раздела общего имущества в порядке, установленном семейным законодательством.*

Список источников

Годунов В. Н. и др. Семейное право : учеб. пособие / под ред. В. Н. Годунова, М. П. Короткевич. Минск : Изд. центр БГУ, 2024. 392 с. ISBN: 978-985-553-784-8.

Добровинский А. А. Проблемы толкования пункта 2 статьи 35 Семейного кодекса РФ в российской правовой науке и судебной практике // Lex russica. 2020. Т. 73, № 3. С. 9–19. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.160.3.009-019.

Каравай А. В. и др. Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1 / под ред. В. Ф. Чигира. Минск : Амалфея, 2008. 864 с. ISBN: 978-985-441-680-9.

Короткевич М. П. К вопросу о соотношении понятий «общее имущество супругов» и «имущество, находящееся в совместной собственности супругов» // Право.by. 2012a. № 4. С. 69–73.

Короткевич М. П. Порядок распоряжения имуществом, находящимся в общей совместной собственности супругов // Научные труды Академии управления при Президенте Республики Беларусь. Вып. 14. Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2012b. С. 262–269.

Мотовиловкер Е. Я. Проблема определения права общей собственности бывших супругов (анализ ст. 38 СК РФ) // Социально-юридическая тетрадь. 2020. № 10. С. 110–123.

Нестерова Т. И. Об обеспечении баланса интересов супругов и добросовестных приобретателей супружеского имущества // Хозяйство и право. 2023. № 6. С. 97–112. DOI: 10.18572/0134-2398-2023-6-97-112.

Пенкрат В. И. Семейное право : учебник. Минск : Акад. МВД, 2022. 310 с. ISBN: 978-985-576-352-0.

Рагойша П. В. Постатейный комментарий к Кодексу Республики Беларусь о браке и семье. Раздел II. Брак [по состоянию на 01.05.2010] [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь» / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2024.

Расторгуева А. А. Раздел имущества между супругами и наследниками: правовые аспекты. М. : Редакция «Российской газеты», 2019. 144 с. (Библиотечка «Российской газеты»; 2019, вып. № 4).

Ульянова М. В. Принцип равенства прав супругов и основания для отступления при разделе имущества супругов // Правосудие/Justice. 2023. № 4. С. 59–75. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.59-75.

Хабриева Т. Я., Ковлер А. И., Курбанов Р. А. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации : моногр. / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : Норма : Инфра-М, 2023. 384 с. ISBN: 978-5-00156-322-8.

References

Dobrovinsky, A. A., 2020. Problems of interpretation of Paragraph 2 of Article 35 of the Family Code of the Russian Federation in Russian legal science and jurisprudence. *Lex Russica*, 73(3), pp. 9–19. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2020.160.3.009-019.

Godunov, V. N., et al., 2024. *Semejnoe pravo* = [Family law]. Textbook. Ed. V. N. Godunov, M. P. Korotkevich. Minsk: Publishing Center of Belarus State University. 392 p. (In Russ.) ISBN: 978-985-553-784-8.

Karavay, A. V., et al., 2008. *Grazhdanskoe pravo* = [Civil law]. In 3 vols. Vol. 1. Textbook. Ed. V. F. Chigir. Minsk: Amalfeya. 864 p. (In Russ.) ISBN: 978-985-441-680-9.

Khabrieva, T. Ya., Kovler, A. I., Kurbanov, R. A., 2023. *Doctrinal foundations of the jurisprudence of the Supreme Court of the Russian Federation.* Monograph. Ed. T. Ya. Khabrieva. Moscow: Norma; Infra-M. 384 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-00156-322-8.

Korotkevich, M. P., 2012a. [On the issue of the relationship between the concepts of “common property of spouses” and “property jointly owned by spouses”]. *Pravo.by* = [Pravo.by], 4, pp. 69–73. (In Russ.)

Korotkevich, M. P., 2012b. [The procedure for disposing of property owned jointly by spouses]. *Nauchnye trudy Akademii upravleniya pri Prezidente Respubliki Belarus’* = [Scientific works of the Academy of Management under the President of the Republic of Belarus]. Issue 14. Minsk: Academy of Management under the President of the Republic of Belarus. Pp. 262–269. (In Russ.)

Motovilovker, E. Ya., 2020. The problem of determining the common property rights of former spouses (analysis of Article 38 from the Family Code of Russia). *Social’no-yuridicheskaya tetrad’* = [Social and Legal Notebook], 10, pp. 110–123. (In Russ.)

Nesterova, T. I., 2023. On ensuring the balance of interests of spouses and good faith acquirers of spousal property. *Hozyajstvo i pravo* = [Economy and Law], 6, pp. 97–112. (In Russ.) DOI: 10.18572/0134-2398-2023-6-97-112.

Penkrat, V. I., 2022. *Semejnoe pravo* = [Family law]. Textbook. Minsk: Academy of the Ministry of Internal Affairs. 310 p. (In Russ.) ISBN: 978-985-576-352-0.

Ragoisha, P. V., 2024. *Postatejnyj kommentarij k Kodeksu Respubliki Belarus' o brake i sem'e. Razdel II. Brak [po sostoyaniyu na 01.05.2010]* = [Commentary on the Code of the Republic of Belarus on marriage and family. Section II. Marriage [as of 05.01.2010]. "ConsultantPlus. Belarus". YurSpektr LLC. Minsk. (In Russ.)

Rastorgueva, A. A., 2019. *Razdel imushchestva mezhdu suprugami i naslednikami: pravovye aspekty* = [Division of property between spouses and heirs: legal aspects]. Moscow: Editorial office of "Rossiyskaya Gazeta". Issue 4. 144 p. (In Russ.)

Ulyanova, M. V., 2023. [The principle of equality of rights of spouses and grounds for derogation when dividing property of spouses]. *Pravosudie/Justice*, 4, pp. 59–75. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.59-75.

Информация об авторе / Information about the author

Короткевич Мария Павловна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Белорусского государственного университета (Республика Беларусь, г. Минск, пр-т Независимости, д. 4).

Maria P. Korotkevich, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Civil Law Department, Faculty of Law, Belarusian State University (4 Nezavisimosti Ave., Minsk, 220030, Republic of Belarus).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 20.05.2024; одобрена после рецензирования 11.06.2024; принята к публикации 08.10.2024.
The article was submitted 20.05.2024; approved after reviewing 11.06.2024; accepted for publication 08.10.2024.

Научная статья
УДК 347.12
DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.94-107

Объекты гражданских прав: проблема технологической нейтральности законодателя

Владимир Анатольевич Болдырев[1],
Сергей Николаевич Шишкин[2]

[1, 2] Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия, Санкт-Петербург, Российская Федерация
[1] vabold@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1454-6886
[2] sergey.n.shishkin@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-5347-5267

Аннотация
Введение. Острота проблемы технологической нейтральности законодательства обусловлена трудностями прогнозирования негативных последствий использования технологий на этапе освоения и сложностью осуществления социального контроля на этапе их широкого распространения, необходимостью создания таких правовых режимов, при которых объекты гражданских прав – товары, работы и услуги – будут конкурентоспособными.
Теоретические основы. Методы. Проанализированы научные работы об обеспечении технологической нейтральности в функционировании информационных систем при использовании радиочастотного спектра, оказании аудиовизуальных услуг. Наблюдение за состоянием правоприменительных актов позволило констатировать редкое использование категории юрисдикционными органами. Методы формальной логики, догматический и сравнительный методы, моделирование позволили сделать выводы относительно перспектив использования концепта.
Результаты исследования. Нормативное правовое и нормативное техническое регулирование – важнейшие инструменты, позволяющие стимулировать использование современных технологий. Введение в процедурный закон, регулирующий государственную регистрацию недвижимости, правил об электронной цифровой подписи, а в процессуальные законы – норм об использовании видео-конференц-связи и электронных сервисов для подачи документов стимулировало применение соответствующих технологий не только органами публичной власти, но и гражданами. Устанавливая требования к объектам гражданских прав, которые находятся в обороте, в том числе к сфере контрактной системы, призванной удовлетворять нужды публично-правовых образований, государство стремится обеспечить приемлемый уровень технологической нейтральности решений.
Обсуждение и заключение. Содержание многих современных правовых норм и институтов свидетельствует, что законодателю следует систематически отходить от идеи технологической нейтральности для защиты интересов граждан. Свидетельством тому являются нормы о возмещении вреда, причиненного источниками повышенной опасности, о страховании гражданской ответствен-

© Болдырев В. А., Шишкин С. Н., 2024

ности владельцев транспортных средств, а также институт патентного права. Технологическая нейтральность – категория, использование которой в нормативных правовых и технического характера актах широкого значения нельзя приветствовать, и одновременно это концепт, использование которого в период разработки технических норм обоснованно.

Ключевые слова: гражданское право, инновации, техническое регулирование, информационные технологии, электронная цифровая подпись, сертификация, источник повышенной опасности, контрактная система, промышленная собственность, интеллектуальная собственность

Для цитирования: Болдырев В. А., Шишкин С. Н. Объекты гражданских прав: проблема технологической нейтральности законодателя // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 4. С. 94–107. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.94-107.

Original article

Objects of Civil Rights: the Problem of Technological Neutrality of the Legislator

Vladimir A. Boldyrev[1], Sergey N. Shishkin[2]

[1, 2]North-Western Branch, Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russian Federation

[1] vabold@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1454-6886

[2] sergey.n.shishkin@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-5347-5267

Abstract

Introduction. The severity of the problem of technological neutrality of legislation is due to the difficulties of predicting the negative consequences of the use of technologies at the stage of development and the complexity of implementing social control at the stage of their widespread dissemination, the need to create such legal regimes under which the objects of civil rights – goods, works and services – will be competitive.

Theoretical Basis. Methods. Scientific works on ensuring technological neutrality in the functioning of information systems, when using the radio frequency spectrum, and the provision of audiovisual services are analyzed. Monitoring the state of law enforcement acts allowed us to note the rare use of the category by jurisdictional authorities. Methods of formal logic, dogmatic and comparative methods, modeling – made it possible to draw conclusions regarding the prospects for using the concept.

Results. Regulatory legal and regulatory technical regulation are the most important tools to stimulate the use of modern technologies. The introduction of rules on electronic digital signatures into the procedural law regulating the state registration of real estate, and into the procedural laws – rules on the use of video conferencing and electronic services for filing documents – stimulated the use of relevant technologies not only by public authorities, but also by citizens. By establishing requirements for objects of civil rights that are in circulation, including the sphere of the contract system designed to meet the needs of public legal entities, the state strives to ensure an acceptable level of technological neutrality of solutions.

Discussion and Conclusion. The content of many modern legal norms and institutions indicates that the legislator should systematically move away from the idea of tech-

nological neutrality in order to protect the interests of citizens. Evidence of this is the rules on compensation for damage caused by sources of increased danger, insurance of civil liability of vehicle owners, and the institution of patent law. Technological neutrality is a category, the use of which in regulatory legal and technical acts of broad significance cannot be welcomed, and at the same time it is a concept, the use of which during the development of technical standards is justified.

Keywords: civil law, innovation, technical regulation, information technology, electronic digital signature, certification, source of increased danger, contract system, industrial property, intellectual property

For citation: Boldyrev, V. A., Shishkin, S. N., 2024. Objects of civil rights: the problem of technological neutrality of the legislator. *Pravosudie/Justice*, 6(4), pp. 94–107. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.94-107.

Введение

Вопрос о технологической нейтральности законодательства в эпоху информатизации и цифровизации стоит особенно остро. Трудности прогнозирования негативных последствий использования новых технологий в процессе их освоения и сложности осуществления социального контроля на этапе широкого распространения приводят к тому, что зачастую осознавать суть обозначившейся проблемы и бороться с ней приходится одновременно. Научный прогресс приносил и приносит человечеству не только пользу, но и множество проблем. Сама борьба с негативными последствиями научного прогресса нередко становится новой проблемой.

Ученые и практики социально-гуманитарного профиля, а также специалисты в области технических и естественно-научных дисциплин имеют существенно различающиеся методологические подходы к решению стоящих перед ними задач. Вопрос о едином понимании используемой терминологии оказывается особенно болезненным для первых, а значит, и для правоведов как представителей социальных наук. Полемика, ставшая следствием отсутствия договоренности о значениях используемых терминов, не является редкостью в кругу ученых, занимающихся проблематикой нормативного правового и технического регулирования.

Граница между областями правового и технического регулирования очень тонка и не всегда понимается однозначно российскими судами. О технологической нейтральности законодателя в научных публикациях говорят, как правило, опуская то обстоятельство, что происходит обсуждение не столько норм правовых, сколько технических. Как видится, такому положению дел во многом способствовал состоявшийся переход технического регулирования на самый высокий государственный – законодательный – уровень, а в ряде случаев и на межгосударственный – уровень международных договоров.

Рассуждая о цифровых экспериментах законодателя, Л. В. Санникова сообщает: «Ошибка российского законодателя – излишняя приверженность принципу технологической нейтральности законодательства» [Санникова, Л. В., 2019, с. 87]. Автор подчеркивает при этом, что «многие отрасли законодательства появились именно благодаря новым технологиям, например транспортное законодательство» [Санникова, Л. В., 2019, с. 87].

Добавим: многие социальные науки и учебные курсы являются следствием развития технологий. Наука информационного права могла появиться только на основе развивающихся представлений об информации и ее обработке, а значит, на основе достижений естественных и технических наук. Пытаясь разгадать, что такое информация, находясь в состоянии поиска, общество научилось генерировать правовые нормы, регулирующие отношения между лицами, ею обладающими. Так и проблему технологической нейтральности нормотворческой деятельности в разных сферах оказалось возможно обсуждать в отсутствие договоренностей о точном значении соответствующей категории.

Результаты исследования

Применительно к ***функционированию информационных систем*** существует позиция, предложенная коллективом исследователей, согласно которой принцип технологической нейтральности необходимо сформулировать на законодательном уровне [Жарова, А. К., и др., 2012, с. 31]. Не оспаривая принципиальную возможность такого определения для конкретной области человеческих знаний или хозяйственной сферы, зададимся вопросом об эффективности такого решения. Границы явления, которые должны быть отражены в определении, можно понять, исходя из видения авторами сделанного предложения тех задач, которые связаны с реализацией принципа, а ими являются: 1) недопущение ограничения конкуренции по признакам происхождения, способа разработки и модели лицензирования; 2) защита интеллектуальной собственности заказчиков и поставщиков аппаратно-программных решений; 3) содействие в установлении отраслевых, национальных и международных стандартов в области информационных технологий; 4) содействие открытости и готовности информационных систем к взаимодействию [Жарова, А. К., и др., 2012, с. 26].

Очевидно, что столь широкий спектр разнонаправленных задач делает легальную дефиницию крайне затруднительной.

Уже сегодня один из закрепленных принципов регулирования информационной среды – это недопустимость установления нормативными правовыми актами каких-либо преимуществ применения одних информационных технологий перед другими, если только обязательность применения определенных информационных технологий для создания и эксплуатации государственных информационных систем не установлена федеральными законами[1]. Российский законодатель в данном случае не оперирует термином «технологическая нейтральность», но существующей формулировки вполне достаточно, поскольку создание особой терминосистемы должно иметь практическую цель.

Некоторые авторы предлагают разделять технологическую и сетевую нейтральность, указывая, что первая является интегральным критерием качества телекоммуникационного законодательства и практики его при-

[1] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (п. 8 ст. 3) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

менения, а вторая индексирует величину и качественные параметры потребительского удовлетворения в результате оказания телематических услуг по доступу к сети «Интернет» [Даниленков, А., 2016, с. 66]. Возможно, описание некоторых проблем, относящихся к области передачи информации на дистанцию, имеет смысл в специальных терминах. Другое дело – нужна ли эта терминология в нормативных актах? Как видится, далеко не всегда: выделение технологической и сетевой нейтральности в позитивном праве не имеет смысла даже для конкретной области регулирования, однако это не препятствует использованию соответствующих концептов при обсуждении имеющихся проблем.

Смежная область, в которой публикации и исходящие от официальных органов документы показывают технологическую нейтральность, – это ***использование радиочастотного спектра***. Как отмечают Ю. А. Домбровский и В. А. Левчик, за рубежом технологическая нейтральность использования радиочастотного спектра означает для оператора возможность в пределах выделенной полосы радиочастот выбрать радиотехнологию или сменить ее на новую без специального разрешения национального регулятора [Домбровский, Ю. А., Левчик, В. А., 2012, с. 66]. В данном случае принцип технологической нейтральности понимается специфическим образом: от регулирования частотного диапазона никто не отказывается, свобода предоставляется лишь технологиям, действующим внутри разрешенных частот.

В различных сферах общественной и экономической жизни к рассматриваемому явлению относятся по-разному. Как отмечает О. В. Бирюкова, изучающая проблематику международно-правового регулирования отношений, связанных с ***оказанием аудиовизуальных услуг***, понимание технологической нейтральности зависит от контекста: в каждом конкретном случае приходится определять, идет ли речь о руководящем принципе, обязательном правиле или одном из вариантов оценки ситуации [Бирюкова, О. В., 2023, с. 112].

Технологическая нейтральность упоминается в отдельных российских официальных актах. Так, одним из принципов климатической политики, называемых в п. 22 Климатической доктрины Российской Федерации[2], является технологическая нейтральность государственных мер в области климата. Лицензионный договор, заключаемый в рамках эксперимента по предоставлению права использования программ для электронных вычислительных машин, алгоритмов, баз данных и документации к ним на условиях открытой лицензии[3], должен соответствовать критерию технологической нейтральности.

---

[2] Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2023 г. № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 44. Ст. 7865.

[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 10 октября 2022 г. № 1804 «О проведении эксперимента по предоставлению права использования программ для электронных вычислительных машин, алгоритмов, баз данных и документации к ним, в том числе исключительное право на которые принадле-

Гиганты рынка информационных технологий – производители микропроцессоров и собранных на их основе компьютеров, разработчики операционных систем, использование которых предопределяет выбор других программных продуктов, электронные торговые площадки – устанавливают правила игры в данной сфере в большей мере, нежели многие государства. Бюджеты соответствующих компаний оказываются сравнимыми с бюджетами небольших и средних государств [Хусаинов, Б. Д., 2013, с. 15].

Не только масштабы производства, организуемого многими современными компаниями, но и размеры торговых сетей, а также уровень охвата населения услугами различных агрегаторов информации делают разговоры о технологической нейтральности напоминающими обсуждение романтических произведений. Начать такое обсуждение иногда может и «созревший» монополист, стремящийся укрепить свое положение на рынке и видящий в нормировании дискриминацию, а в мерах, направленных на защиту потребителей, – наступление на свободу предпринимательства. Технологическая нейтральность может быть идеей, объединяющей ученых, инженеров и программистов разных стран, а может быть и просто красивым лозунгом, скрывающим свершившийся, но чаще – готовящийся передел рынка.

Нормативное правовое и нормативное техническое регулирование – важнейшие инструменты, позволяющие государству стимулировать использование современных технологий. Введение в процедурный закон, регулирующий государственную регистрацию недвижимости, правил об электронной цифровой подписи, а в процессуальные законы – норм об использовании видео-конференц-связи и электронных сервисов для подачи документов стимулировало применение соответствующих информационных технологий не только органами публичной власти, но и гражданами.

Концептуально определяя необходимость введения новых правовых или технических норм, государство сталкивается с проблемой согласования юридически желаемого и технологически достижимого. Опыт специалистов в области социальных наук приходится объединять с опытом технических специалистов в надежде на получение оптимального «нормативного продукта». Конечно, нельзя отрицать и важность сознательного поведения участников соответствующих отношений за рамками установленных норм, а значит, большое значение саморегулирования в данной сфере [Шахназаров, Б. А., 2021, с. 129].

Прямо связан с проблемой технологической нейтральности вопрос о системе технического регулирования в России. Сертификация как форма подтверждения соответствия объектов требованиям технических регламентов, документам по стандартизации или условиям договоров[4] самой

жит Российской Федерации, на условиях открытой лицензии и созданию условий для использования открытого программного обеспечения» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 42. Ст. 7183.

[4] Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» (ст. 2) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 52 (ч. 1). Ст. 5140.

своей сутью опровергает идею о нейтральности технического регулирования. Возможность устанавливать требования, которым должны соответствовать имущество, работы или услуги – объекты гражданских прав, названные в ст. 128 ГК РФ, делает нелогичными рассуждения о технологической нейтральности как обязательном условии или как о необходимом свойстве норм. Устанавливая требования к объектам гражданских прав, которые находятся в обороте, нормотворец должен стремиться обеспечить приемлемый уровень технологической нейтральности решений.

Существование процесса стандартизации, использование в российском законодательстве таких категорий, как «региональный стандарт», «стандарт иностранного государства», позволяет констатировать: стремление упорядочить промышленное производство, обезопасив граждан и общество от действия вредных и опасных факторов, неизбежно порождает ограничения используемых технологий.

О какой бы сфере мы ни говорили – о собственно создании (промышленном производстве) или обороте объектов гражданских прав, проблема технологической нейтральности может получать собственное (ad hoc) смысловое наполнение в ходе общественного или профессионального обсуждения.

Мы предположили, что вопрос о технологической нейтральности тех или иных объектов гражданских прав должен иметь прямое отношение к области защиты конкуренции, и воспользовались поисковой системой Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации (ФАС России) «База решений и правовых актов»[5] для подтверждения или опровержения выдвинутой гипотезы. Ни одного правоприменительного документа ФАС России, содержащего слова «технологическая нейтральность», поисковая система не обнаружила.

Поиск слова «нейтральность» (не в составе словосочетания) дал результат в виде единственного решения антимонопольного органа, направленного на защиту интересов участников контрактной системы в связи с установлением необоснованных требований к закупаемому на электронном аукционе лекарственному препарату[6]. В решении антимонопольного органа мы нашли отсылку к норме п. 1 ч. 1 ст. 33 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»[7], в которой установлено, что описание объекта закупки должно содержать его функциональные, технические и качественные характеристики, эксплуатационные характеристики. Значит, проблема технологической нейтральности оказалась затронута обсуждаемым решением, но без использования соответствующей категории. В описание объекта закупки не должны включаться требования или указания в отношении товарных знаков, знаков об-

---

5 URL: https://br.fas.gov.ru/ (дата обращения: 14.03.2024).

6 Решение Комиссии Управления Федеральной антимонопольной службы по Новосибирской области по контролю в сфере закупок от 23 марта 2016 г. №08-01-66. URL: https://br.fas.gov.ru/to/novosibirskoe-ufas-rossii/08-01-66-e27b35b1-70c9-4d92-9490-31da5eb58c1c/ (дата обращения: 14.03.2024).

7 Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 14. Ст. 1652.

служивания, фирменных наименований, патентов, полезных моделей, промышленных образцов, наименование страны происхождения товара, требования к товарам, информации, работам, услугам при условии, что такие требования или указания влекут за собой ограничение количества участников закупки. Однако на сегодняшний день допускается использование в описании объекта закупки указания на товарный знак, если имеется сопровождение такого указания словами «или эквивалент»[8]. Иными словами, законодателю понятно, что указание товара с конкретным производителем или точными параметрами может оказаться более прозрачным маркером объекта гражданских прав, стимулирующим к участию потенциальных участников закупок. Действительно, нейтральность и абстрактность формулировок могут препятствовать пониманию информации человеком, поскольку наше мышление отличается от компьютерного анализа данных.

«Многие споры в современном обществе, где технологии быстро меняются и господствует неопределенность, все труднее разрешить и урегулировать из-за жесткости и формальности традиционных договоров», – справедливо отмечает Е. Е. Романова [Романова, Е. Е., 2023, с. 185–186]. Похожая ситуация наблюдается в любых областях, где выработка консенсуса сопряжена с необходимостью изучения подлинных интересов и выражаемого мнения большого количества участников общественных отношений. Можно ли картину изменений законодательства, относящегося к одной из областей гражданского оборота (к контрактной системе), описать, ссылаясь на то, что строгость требований о технологической нейтральности объектов в гражданском обороте становится ниже? Наверное, такая характеристика будет доступна, легка для понимания человека, но она же будет и существенным упрощением ситуации. Правильнее сказать, что разработчики законодательства о госзакупках понимали изначально, а с течением времени пришло полное осознание того, что речь о технологической нейтральности в законе вестись не должна, ибо эта формулировка стала бы воплощением идеалистических установок в позитивном праве, которые способны привести к кризису правоприменения.

Обсуждение и заключение

Ни производство, ни оборот объектов гражданских прав не могут зиждиться на идее полной технологической нейтральности. Содержание многих норм современного гражданского законодательства и практика их применения являются хорошим доказательством того, что «технологическая предвзятость» вполне допустима. Нередко готовность общества и государства поддерживать гуманистические идеи вступает в конфликт с существующим уровнем технологической нейтральности. Свидетельством тому является история деликтных и страховых обязательств в России, а также содержание действующих норм права интеллектуальной собственности.

---

[8] Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 154-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 18. Ст. 3231.

Юридическое учение об источнике повышенной опасности стало следствием развития в Европе XIX в. железнодорожного транспорта: «Железные дороги – самые первые по времени возникновения источники повышенной опасности» [Шлеинов, А. А., 2017]. В ГК РСФСР 1922 г.[9] содержалась норма об обязанности возместить вред, причиненный таким источником, при этом норма носила универсальный характер. По мере того как степень распространенности тех или иных видов источников повышенной опасности меняется, меняется и содержание позитивного права. В дополнение к установлению строгой ответственности владельца источника повышенной опасности российским законодателем спустя восемь десятилетий приняты нормы, предусматривающие обязанность страховать ответственность за причинение вреда[10]. Влияние технического прогресса на позитивное право определяется не столько моментом первого появления новшества, сколько его распространением, доступностью для населения.

Тезис о необходимости соблюдения законодателем принципа технологической нейтральности может быть поставлен под сомнение ввиду того, что сами технологии отнюдь не нейтральны к человеку. Весьма категоричен в этом вопросе В. А. Емелин: «Высказывания о том, что сами по себе технологии не хорошие и не плохие, а их ценность определяется тем, какое они получают применение, являются глубоким заблуждением» [Емелин, В. А., 2013, с. 66]. Автор прав, свидетельством тому являются когнитивные последствия цифровизации. О необходимости осторожного отношения к цифровым технологиям и особенно к использованию искусственного интеллекта написано довольно много [Архипов, В. В., Наумов, В. Б., Смирнова, К. М., 2021, с. 895; Брызгалина, Е. В., 2021, с. 10; Шишкин, С. Н., 2021; Болдырев, В. А., Новоселова, А. А., 2022]. Однако вопросы о том, как долго законодатель может не упоминать новой технологии, полагая, что само упоминание способно сделать общественные отношения менее гармоничными, искусственно стимулированными, какие временны́е критерии могут быть полезны для определения продолжительности соответствующего срока, пока не получили ответов. Более того, на должном уровне, как нам видится, эти вопросы еще не сформулированы. Между тем предпосылки для правильной их постановки есть: в нужном направлении нас ориентируют нормы права интеллектуальной собственности, в частности патентного права.

В силу п. 1363 ГК РФ исключительное право на изобретение, полезную модель, промышленный образец и удостоверяющий это право патент действуют с даты подачи заявки на выдачу патента в федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности: двадцать лет – для изобретений, десять лет – для полезных моделей, пять лет – для про-

---

9 Гражданский кодекс РСФСР, введенный в действие постановлением Всероссийского Центрального исполнительного комитета от 11 ноября 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

10 Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 18. Ст. 1720.

мышленных образцов. Возможность и необходимость коммерциализации проведенных исследований с целью создания дополнительных стимулов для ученых, инженеров и организаторов их деятельности, живущих в обществе потребления, а значит, и подчиняющихся его правилам и установкам, признаются российским законодателем. Показательно, что при этом правотворец разумно сдерживает прогресс. Необходимость принятия во внимание интересов всех участников общественных отношений – разработчиков технологий, лиц, их воспроизводящих и потребляющих, – оказывается фактором, замедляющим массовое тиражирование продуктов современной научной и инженерной мысли. Побочным, но чрезвычайно важным эффектом такого сдерживания является и возможность разглядеть негативные последствия инноваций.

Возможность искусственного нормативного «откладывания» научно-технического прогресса в определенном направлении человеческой деятельности на конкретный, установленный законом срок проверена временем. Полагаем, что использование в нормативных правовых актах, и особенно федеральных законах, терминов для обозначения конкретных технологий или их описаний целесообразно лишь после проверки временем, сопоставимым со сроком действия патента на изобретение. Данный вывод не означает, что правотворец не может или не должен оперативно ограничивать применение технологий, если существуют очевидные риски для потребителей или социума. При появлении в поле зрения экспертов очевидных или вероятных угроз безопасности граждан и общества соответствующие ограничения и запреты следует вводить. Иное дело со стимулированием использования технологии, например, путем упоминания самой возможности ее применения в законе [Болдырев, В. А., 2022, с. 50].

Сегодня очевидно, что принятие того или иного варианта поведения как продуктивного и безопасного во многом основано на наблюдениях, на подражательном поведении – разумном копировании образцов поведения, основанных на эволюционном опыте [Дубынин, В. А., 2022, с. 49]. Предложение о «выдержке» технологии, ее проверке на предмет необходимости легализации – прямого упоминания или описания в законе – носит методологическое значение и не может рассматриваться как требующее нормативного закрепления.

Ввиду отсутствия единства в международном опыте регулирования общественных отношений Д. И. Провалинский считает, что «…в цифровом пространстве следует сдержанно воспринимать любой, в том числе кажущийся на первый взгляд удачным, зарубежный опыт» [Провалинский, Д. И., 2023, с. 52]. Думается, что многие из существующих наработок в области регулирования общественных отношений окажутся малопригодными для цифрового мира. Более того, теоретическое деление общеобязательных норм на правовые и технические, о котором мы говорили выше, сегодня не до конца отражает суть произошедших изменений – глубокой конвергенции (взаимного проникновения, слияния) общества и цифрового мира, появления техно-социального организма, функционирование которого может быть эффективным при условии согласованной работы специалистов в области юриспруденции, информатики и когнитивной психологии.

Публичное упоминание о технологической нейтральности как принципе регулирования новой или реформирования старой системы отношений может быть средством сохранить или поменять отдельные устоявшиеся подходы. Технологическая нейтральность – категория, использование которой в нормативных правовых или технических актах широкого значения нельзя приветствовать. Однако это удачный концепт, использование которого в период разработки норм обоснованно. Интуитивное понимание сути концепта, его ядра достаточно для ведения техническими специалистами конструктивной полемики. Они вправе договариваться о значениях категорий в целях обсуждения существующих идей. Упоминание технологической нейтральности в нормативных правовых или технических актах специального назначения принципиально возможно, но не должно рассматриваться как позволяющее решать существующие проблемы правоприменения самим фактом использования соответствующей категории.

Список источников

Архипов В. В., Наумов В. Б., Смирнова К. М. Пределы принятия юридически значимых решений с использованием искусственного интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. № 4. С. 882–906. DOI: 10.21638/spbu14.2021.405.

Бирюкова О. В. Почему многосторонний подход к регулированию аудиовизуальных услуг сдает позиции в ВТО // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18, № 1. С. 107–126. DOI: 10.17323/1996-7845-2023-01-04.

Болдырев В. А. Период технологической нейтральности законодателя и цифровые технологии // Правосудие на современном этапе. Новые вызовы времени : сб. материалов национальной науч.-практ. конф., Чита, 21 сент. 2022 г. Чита : Забайкал. гос. ун-т, 2022. С. 47–50. ISBN: 978-5-9293-3118-3.

Болдырев В. А., Новоселова А. А. Имущественные комплексы и цифровые технологии: направления и границы совершенствования публичных реестров // Правовые вопросы недвижимости. 2022. № 1. С. 3–9.

Брызгалина Е. В. Искусственный интеллект в образовании. Анализ целей внедрения // Человек. 2021. Т. 2, № 2. С. 9–29. DOI: 10.31857/S023620070014856-8.

Даниленков А. Сетевая нейтральность как принцип российского интернет-права, средства и способы обеспечения сетевой нейтральности // Хозяйство и право. 2016. № 8 (475). С. 59–69.

Домбровский Ю. А., Левчик В. А. Технологическая нейтральность использования радиочастотного спектра в России // Экономические стратегии. 2012. Т. 14, № 9 (107). С. 66–69.

Дубынин В. А. Мозг и его потребности: От питания до признания. М. : Альпина нон-фикшн, 2022. 572 с. ISBN: 978-5-00139-764-9.

Емелин В. А. Киборгизация и инвалидизация технологически расширенного человека // Национальный психологический журнал. 2013. № 1 (9). С. 62–70. DOI: 2079-6617/2013.0108.

Жарова А. К., Гутникова А. С., Мальцева С. В., Елин В. М. Законодательная поддержка принципа технологической нейтральности в информационных системах // Бизнес-информатика. 2012. № 4 (22). С. 25–32.

Провалинский Д. И. Правовой статус личности в цифровом пространстве // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 1. С. 38–53. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.38-53.

Романова Е. Е. Международная ответственность за нарушение «права ВТО»: функции Органа по разрешению споров ВТО // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 3. С. 171–192. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.3.171-192.

Санникова Л. В. Цифровые эксперименты российского законодателя // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 12 (219). С. 80–89.

Хусаинов Б. Д. Транснациональные корпорации и национальные экономики: сравнительный анализ развития // Вестник УГУЭС. Наука, образование, экономика. Сер.: Экономика. 2013. № 4 (6). С. 15–21.

Шахназаров Б. А. Право и информационные технологии в современных условиях глобализации // Lex russica (Русский закон). 2021. Т. 74, № 1 (170). С. 118–134. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.170.1.118–134.

Шишкин С. Н. О некоторых основных началах цифрового права // Бизнес, Менеджмент и Право. 2021. № 2 (50). С. 9–12.

Шлеинов А. А. История института источника повышенной опасности // Научные исследования. 2017. № 8 (19). С. 32–36.

References

Arkhipov, V. V., Naumov, V. B., Smirnova, K. M., 2021. The limits of automatic decision-making based on artificial intelligence in cases that have legal significance. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 4, pp. 882–906. (In Russ.) DOI: 10.21638/spbu14.2021.405.

Biryukova, O. V., 2023. Why is multilateralism losing ground in audiovisual services in the WTO? *International Organisations Research Journal*, 18(1), pp. 107–126. (In Engl. and Russ.) DOI: 10.17323/1996-7845-2023-01-04.

Boldyrev, V. A., 2022. [The period of technological neutrality of the legislator and digital technologies]. *Pravosudie na sovremennom etape. Novye vyzovy vremeni* = [Justice at the present stage. New challenges of the time]. Collection of materials from the national scientific and practical conference, Chita, September 21. Chita: Transbaikal State University. Pp. 47–50. (In Russ.) ISBN: 978-5-9293-3118-3.

Boldyrev, V. A., Novoselova, A. A., 2022. Property complexes and digital technologies: public register improvement areas and limits. *Legal Issues of Real Estate,* 1, pp. 3–9. (In Russ.)

Bryzgalina, E. V., 2021. [Artificial intelligence in education. Analysis of implementation goals]. *Chelovek* = [Human], 32(2), pp. 9–29. (In Russ.) DOI: 10.31857/S023620070014856-8.

Danilenkov, A., 2016. [Network neutrality as a principle of Russian Internet law, means and methods of ensuring network neutrality]. *Khozyajstvo i pravo* = [Economy and Law], 8, pp. 59–69. (In Russ.)

Dombrovsky, Yu. A., Levchik, V. A., 2012. [Technological neutrality of the use of the radio frequency spectrum in Russia]. *Ekonomicheskie strategii* = [Economic Strategies], 14(9), pp. 66–69. (In Russ.)

Dubynin, V. A., 2022. *Mozg i ego potrebnosti: Ot pitaniya do priznaniya* = [The brain and its needs: from nutrition to acknowledgment]. Moskow: Alpina non-fiction. 572 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-00139-764-9.

Emelin, V. A., 2013. [Cyborgization and disability of technologically extended human]. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal* = [National Psychological Journal], 1, pp. 62–70. (In Russ.) DOI: 2079-6617/2013.0108.

Khusainov, B. D., 2013. [Transnational corporations and national economy: comparative analysis of development]. *Vestnik UGUES. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Ser.: Ekonomika* = [Bulletin of UGUES. Science, Education, Economics. Series: Economics], 4, pp. 15–21. (In Russ.)

Provalinsky, D. I., 2023. Legal status of the person in the digital space. *Pravosudie/Justice*, 5(1), pp. 38–53. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.38-53.

Romanova, E. E., 2023. International liability for violation of "WTO rights": functions of the WTO Dispute Settlement Body. *Pravosudie/Justice*, 5(3), pp. 171–192. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.3.171-192.

Sannikova, L. V., 2019. [Digital experiments of the Russian legislator]. *Tsifrovye eksperimenty rossijskogo zakonodatelya* = [Property Relations in the Russian Federation], 12, pp. 80–89. (In Russ.)

Shakhnazarov, B. A., 2021. [Law and information technologies in modern conditions of globalization]. *Lex Russica,* 74(1), pp. 118–134. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2021.170.1.118-134. (In Russ.)

Shishkin, S. N., 2021. [On some basic principles of digital law]. *Biznes, Menedzhment i Pravo* = [Business, Management and Law], 2, pp. 9–12. (In Russ.)

Shleinov, A. A., 2017. [History of the Institute of a Source of Increased Danger]. *Nauchnye issledovaniya* = [Scientific Research], 8, pp. 32–36. (In Russ.)

Zharova, A., Gutnikova, A., Maltseva, S., Elin, V., 2012. [Legislative support for the principle of technological neutrality in information systems]. *Biznes-informatika* = [Business Informatics], 4, pp. 25–32. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Болдырев Владимир Анатольевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5).
Vladimir A. Boldyrev, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Civil Law Department, North-West Branch, Russian State University of Justice (5 Aleksandrovsky Park, St. Petersburg, 197046, Russian Federation).
ORCID: 0000-0002-1454-6886

Шишкин Сергей Николаевич, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5).
Sergey N. Shishkin, Dr. Sci. (Law), Professor of the Civil Law Department, North-West Branch, Russian State University of Justice (5 Aleksandrovsky Park, St. Petersburg, 197046, Russian Federation).
ORCID: 0000-0002-5347-5267

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Авторы в равной мере участвовали в определении концепции исследования, его проведении и подготовке выводов.
The authors were equally involved in defining the study concept, conducting it, and drawing conclusions.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 24.03.2024; одобрена после рецензирования 15.04.2024; принята к публикации 08.10.2024.
The article was submitted 24.03.2024; approved after reviewing 15.04.2024; accepted for publication 08.10.2024.

Научная статья
УДК 347.783
DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.108-131

Роль судебной экспертизы в спорах о защите авторских и смежных прав в сети «Интернет»

Дмитрий Александрович Лепешин[1],
Татьяна Васильевна Даутия[2]

[1] Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Российская Федерация
[1, 2] Первый апелляционный суд общей юрисдикции, Москва, Российская Федерация
[1] lepeshine@mail.ru
[2] tdautiya@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-4814-6941

Аннотация
Введение. Поставлены задачи выявить предпосылки назначения судебной экспертизы при рассмотрении споров о защите авторских и смежных прав в сети «Интернет», определить значение этой экспертизы, проанализировать обстоятельства, подлежащие установлению судом, в том числе посредством назначения судебной экспертизы, в спорах данной категории. Обозначается специфика отдельных видов объектов интеллектуальной собственности, включая критерии охраноспособности. Проводится сравнительный анализ отдельных аспектов защиты прав по российскому законодательству и прецедентному праву Германии.
Методы. В ходе исследований применены диалектический, системно-структурный, функциональный, формально-юридический методы.
Результаты исследования. Обоснована необходимость классификации видов экспертиз и спектра вопросов, которые могут быть разрешены в рамках судебной экспертизы с учетом технических возможностей исследования различных видов объектов авторских и смежных прав. Предлагается формирование общедоступного источника, содержащего сведения об экспертах, специализирующихся на результатах интеллектуальной собственности как объектах экспертизы, их квалификации, уровне образования и опыте работы. Даны оценки правовому понятию «интеллектуальное пиратство», требующему доктринального закрепления, а также понятию «серия снимков» как единому объекту интеллектуальной собственности применительно к судебной оценке требований о взыскании компенсации по иску правообладателя фотографических произведений. Установлена целесообразность доктринального закрепления понятия «серия снимков (фотографий)» для оценки характера допущенного нарушения авторских и смежных прав в сети «Интернет» и расчета компенсации за допущенное нарушение. Сделан также вывод о возможности установления «серийности» нескольких произведений только в рамках судебной экспертизы.

© Лепешин Д. А., Даутия Т. В., 2024

Обсуждение и заключение. Исследование выявило необходимость четких критериев отнесения фотографии к «серии», определения особенностей правовой природы «серии» фотографий как единого объекта в доктрине авторского права. Требуется доктринальное закрепление понятия «интеллектуальное пиратство» как характеристики деятельности сайта. Предлагается введение критериев оценки характера деятельности нарушителя и их установление в рамках судебной экспертизы в спорах о взыскании компенсации (для обоснования ее размера).
Научная значимость настоящего исследования заключается в поднятии вопросов, определяющих условиях полного и всестороннего исследования обстоятельств по спорам о защите авторских и смежных прав с применением специальных знаний, которые во многом отстают от технических условий распространения информации в сети «Интернет». Отсутствие актуальных методик установления обстоятельств и факторов, имеющих значение и подлежащих учету судом при разрешении интеллектуальных споров, может повлечь неэффективность мер восстановления и защиты нарушенных прав и, как следствие, недоверие к судебной системе.

Ключевые слова: авторское право, интернет, смежное право, судебная экспертиза, квалификация эксперта, охраноспособность, компенсация, «информационное пиратство»

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00567, https://rscf.ru/project/24-28-00567.

Для цитирования: Лепешин Д. А., Даутия Т. В. Роль судебной экспертизы в спорах о защите авторских и смежных прав в сети «Интернет» // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 4. С. 108–131. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.108-131.

Original article

The Role of Forensic Examination in Disputes on the Protection of Copyright and Related Rights on the Internet

Dmitriy A. Lepeshin[1], Tatyana V. Dautiya[2]

[1] Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation
[1, 2] First Appellate Court of General Jurisdiction, Moscow, Russian Federation
[1] lepeshine@mail.ru
[2] tdautiya@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-4814-6941

Abstract
Introduction. The prerequisites for the appointment of a forensic examination are revealed when considering disputes on the protection of copyright and related rights on the Internet, the significance of this examination is determined, the circumstances to be established by the court are analyzed, including through the appointment of a forensic examination, in disputes of this category.

Methods. Dialectical, system-structural, functional, formal-legal, etc. methods used in the study.
Results. The necessity of creating a classification of types of examinations and a range of issues that can be resolved within the framework of forensic examination, taking into account the technical capabilities of the study of various types of objects of copyright and related rights, is substantiated. It is proposed to create a publicly available source containing information about experts specializing in the results of intellectual property as objects of expertise, their qualifications, level of education and work experience. The article evaluates the legal concept of "intellectual piracy", which requires doctrinal consolidation, as well as the concept of "a series of photographs" as a single object of intellectual property in relation to the judicial assessment of claims for compensation against the claim of the copyright holder of photographic works. The expediency of doctrinal consolidation of the concept of "a series of photographs (photographs)" is determined to assess the nature of the violation of copyright and related rights on the Internet and calculate compensation for the violation, and it is also concluded that it is possible to establish the "seriality" of several works only within the framework of forensic examination.
Discussion and Conclusion. It is necessary to identify clear criteria for classifying a photograph as a "series", to determine the features of the legal nature of a "series" of photographs as a single object in the doctrine of copyright. A doctrinal consolidation of the concept of "intellectual piracy" as a characteristic of the site's activity is required. It is proposed to introduce criteria for assessing the nature of the violator's activity and their establishment within the framework of forensic examination in disputes on the recovery of compensation (to justify its amount).

Keywords: copyright, Internet, related law, forensic examination, expert qualification, security capability, compensation, "information piracy"

Acknowledgments: the study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00567, https://rscf.ru/project/24-28-00567.

For citation: Lepeshin, D. A., Dautiya, T. V., 2024. The role of forensic examination in disputes on the protection of copyright and related rights on the Internet. *Pravosudie/Justice*, 6(4), pp. 108–131. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.108-131.

Введение

Любая коммерческая, научная, образовательная и иные виды деятельности используют интернет-площадки для коммуницирования с конечным потребителем и пользователем созданного продукта. В современных реалиях не существует культурного мероприятия, образовательного учреждения, хозяйствующего субъекта, информация о деятельности которых не была бы представлена в сети «Интернет» в рамках тематического контента.

Цифровизация процессов обмена информацией снижает издержки, в том числе на изготовление дополнительных экземпляров, на оплату материального носителя, а потому становится все более привлекательной. Интенсификация объема и скорости передачи информации обусловливает переход к конклюдентной форме соглашений сторон без составления какого-либо единого документа о взаимодействии и условиях сотрудничества и все больше отсылает к добросовестности пользователей сети.

Общие принципы взаимодействия субъектов в сети «Интернет» строятся на тех же базовых правилах, что и любые иные формы коммуникации: не-

знание закона не освобождает от ответственности; любой объект, в том числе расположенный в общем доступе, может иметь правообладателя; переход прав на объекты осуществляется в рамках сделки, определяющей условия и правовые основания такого перехода; виновная сторона обязана возместить убытки, причиненные ее неправомерными действиями другому лицу. Однако обезличивание «пользователей» глобальной сети или недостаточная их идентификация определяют особенности распределения бремени ответственности за нарушения авторских и смежных прав в сети «Интернет».

По отдельным категориям споров о защите авторских и (или) смежных прав в сети «Интернет» возникает необходимость проведения судебной экспертизы, на целесообразность использования которой в качестве правового обоснования принятого судебного акта неоднократно указывали Верховный Суд Российской Федерации[1] и Конституционный Суд Российской Федерации[2].

Учет особенностей назначения и проведения судебной экспертизы в спорах о защите прав на объекты интеллектуальной собственности обеспечит признание заключения эксперта допустимым и относимым доказательством по делу, позволит восстановить нарушенное право в условиях трансграничности нарушения и затруднительной идентификации пользователей контента.

Методы

Для реализации поставленных задач представляется обоснованным использование диалектического, системно-структурного, функционального, формально-юридического методов, а также синтеза знаний, полученных в рамках различных отраслей юридической науки.

Предлагается следующий алгоритм проведения настоящего исследования:

• определение целей и задач судебной экспертизы в судебных спорах о защите авторских и смежных прав и круг вопросов, которые могут быть разрешены в судебном порядке с использованием специальных познаний экспертов;

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (п. 75, 90, 95, 98) // Российская газета. 2019. 6 мая ; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 13 июня 2023 г. № 5-КГ23-47-К2 // Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.vsrf.ru ; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 6 сентября 2022 г. № 78-КГ22-29-К3 // Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.vsrf.ru.

[2] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2022 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Е. Мамичева» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 26. Ст. 4584.

• выявление критериев оценки экспертного заключения по обозначенной категории споров как допустимого доказательства, а также значимости правильного выбора вида судебной экспертизы для привлечения компетентных экспертов, обладающих необходимым комплексом знаний;

• анализ проблем проведения судебных экспертиз по спорам о защите авторских и смежных прав и внесение рекомендаций по их устранению.

Практическая значимость исследования заключается в выявлении критериев, влияющих на определение судом размера взыскиваемой компенсации за нарушение авторских и смежных прав. Данные критерии подлежат оценке экспертом, результаты которой описываются в тексте заключения. Учитывая комплексный характер обозначенного вопроса, объективность оценки одних и тех же критериев в различных спорных ситуациях должна быть обеспечена применением единой методики, однако, как выявлено в результате анализа правоприменительной судебной практики, таковая отсутствует.

Наиболее сложными являются оценка критерия «известности» произведения публике и определение формулы расчета его влияния на сумму компенсации, если расчет заявленного требования правообладателя не привязан к стоимости права на аналогичное правомерное использование произведения. Также дискуссионным представляется вопрос оценки творческого вклада автора при определении охраноспособности произведения. Отсутствует единообразный подход к формированию «интуитивной» судебной практики, которая, как видится, должна стать предпосылкой доктринального закрепления методик оценки стоимости права использования объектов интеллектуальной собственности.

Результаты исследования

Необходимость привлечения экспертов и специалистов к судебному рассмотрению споров о защите авторских и смежных прав в сети «Интернет» обусловлена цифровизацией, которая оказывает влияние на сферу интеллектуальной собственности посредством стимулирующей и инструментальной функций.

Стимулирующая функция, по мнению О. А. Городова, заключается в способности цифровых технологий выступать в качестве стимула для совершенствования правового регулирования уже сложившихся отношений в сфере интеллектуальной собственности, а *инструментальная функция* обусловливает совершенствование интеллектуальной собственности в части установления новых форм использования указанных объектов и новых механизмов создания объектов интеллектуальной собственности [Блажеев, В. В., Егорова, М. А., ред., 2024, с. 458].

Цифровое право создает цифровое пространство, где, в отличие от классического права, отсутствует отраслевая специализация и перемешиваются нормы и институты различной отраслевой природы, на что указывает В. Н. Синюков [Блажеев, В. В., Егорова, М. А., 2024, с. 19] Поэтому правовая оценка действий по нарушению авторских и смежных прав в сети «Интернет» требует комплексного экспертного подхода и интеграции по-

знания технических аспектов использования цифровых объектов в сети и оценки их культурной составляющей, определяющей в том числе охраноспособность как объектов авторских и смежных прав. Это предопределяет особый уровень как судебной экспертизы по данной категории дел в целом, так и требований к квалификации судебного эксперта.

По мнению Е. И. Галяшиной, эксперт должен обладать синтетическим знанием, которое формируется путем интеграции и адаптации для целей доказывания базовых знаний из различных отраслей науки и техники (криминалистики, акустики, лингвистики, речеведения, психологии, радиотехники и т. д.) [Галяшина, Е. И., и др., 2012, с. 89].

А. Н. Козырев справедливо отмечает, что баланс интересов и баланс прав, которыми наделяются правообладатели объектов интеллектуальной собственности, с одной стороны, и потребители охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, с другой стороны, постоянно меняется, при этом любое достижение в области информационных технологий, например в технике копирования или передачи информации, влечет смещение баланса в сторону «пиратов» [Козырев, А. Н., 2023, с. 52]. Объективное и всестороннее исследование споров о защите авторских и смежных прав в сети «Интернет», в том числе запуск правообладателем механизма привлечения «пирата» к ответственности, как и взыскание компенсации и оценка стоимости нарушенного права, позволят сместить баланс в пользу правообладателя.

При рассмотрении споров о защите авторских и смежных прав в сети «Интернет» суду надлежит поэтапно дать оценку следующим обстоятельствам, для установления которых он использует специальные познания экспертов.

1. Установить наличие у заявителя права на защиту, в том числе принадлежность заявителю прав на объект интеллектуальной собственности, который был неправомерно использован.

2. Установить охраноспособность объекта, о нарушении прав на который указывает заявитель, и установить факт нарушения прав заявителя.

3. Определить размер подлежащей взысканию «справедливой» компенсации или иного вида ответственности за нарушение авторских или смежных прав с учетом обстоятельств нарушения.

В зависимости от того, о каком объекте интеллектуальной собственности идет речь, судебная экспертиза может проводиться в отношении литературного произведения, фотографического произведения, произведения изобразительного искусства, программы ЭВМ, музыкального произведения, фонограммы.

Определенный объект может быть отнесен к числу объектов авторского права[3].

---

[3] Например, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2021 г. № 5-КГ21-14-К2 дается оценка возможности отнесения дизайна сайта к объекту авторского права. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Анализируя условия охраноспособности произведений по законодательству Германии, А. В. Кашанин соотносит особенность объекта интеллектуальной собственности с присущими автору такого объекта возможностями выразить собственную личность, проявить собственное творчество, которые сужаются рядом факторов, исключающих творческий характер произведения. Он указывает, что для традиционных произведений литературы и искусства характерно ограниченное влияние факторов, исключающих творческий характер, ввиду чего объем возможностей автора по созданию указанных произведений, как правило, не ограничен, а потому вероятность независимого повторения таких произведений в большинстве случаев минимальна. В этой связи имеется возможность презюмировать их творческий характер, что избавляет правоприменителя от необходимости предъявления специальных требований к уровню их оригинальности. Достаточно доказать, что произведение было создано собственными действиями автора. А. В. Кашанин выделяет как один из критериев охраноспособности произведения, в том числе фотографического, определение в качестве индивидуального (оригинального, своеобразного, неповторимого), что требует его сопоставления с ранее существующими произведениями [Кашанин, А. В., 2009, с. 50–51]. Например, допустимо сходство фотографических произведений ввиду запечатления в кадре одного и того же объекта в схожем ракурсе, в схожий период времени года, без использования специальных фильтров и пр., однако сходство сюжета литературного произведения менее вероятно.

Н. А. Сидорина справедливо обращает внимание на то, что Закон об авторском и смежных правах Германии различает произведения фотографического искусства (Lichtbildwerke – абз. 5 п. 1 § 2 UrhG) в смысле личного интеллектуального творения и обычные фотографии (Lichtbilder – § 72 UrhG), различие которых заключается в длительности срока охраны. Так, произведения фотографического искусства согласно § 64 UrhG наряду с другими объектами авторского права защищаются 70 лет после смерти автора, а простые фотографии охраняются лишь 50 лет с момента возникновения [Сидорина, Н. А., 2023, с. 42]. При этом цель создания фотографии не имеет значения для ее признания произведением фотографического искусства или обычной фотографией. В целях недопущения искусственного продления срока охраны авторских прав на фотографии механические репродукции, например, полученные в процессе фотокопирования или создания факсимильного сообщения, не признаются самостоятельными объектами немецкого авторского права, поскольку представляют собой простое размножение, в том числе если изменяется формат оригинала.

В отличие от немецкого авторского права российское законодательство или признает фотографию охраноспособным объектом авторского права, или же не признает, относя ее к результату, не созданному творческим трудом автора. Отсутствие установленных критериев творческого вклада автора в создание фотографического произведения означает, что его оценка в качестве индивидуального, своеобразного, неповторимого охраняемого объекта при наличии спора должна проводиться лицом, имеющим специальные познания.

Проблематика определения указанных критериев поднимается не только в научной дискуссии, но и в правоприменительной практике. Так, в рамках заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам, проведенного 16 февраля 2024 г., на обсуждение были вынесены вопросы, связанные с определением критериев творческой деятельности на примере фотографических произведений, что свидетельствует об отсутствии их четкого понимания[4].

В отличие от российского процессуального законодательства, возлагающего бремя доказывания отсутствия творческого характера у произведения на ответчика, прецедентное право Германии бремя доказывания существования личного интеллектуального творения возлагает на лицо, которое истребует защиту, т. е. на истца. При этом, учитывая различия в сроке охраны прав на произведение, истцу необходимо доказать и степень вложенного творческого труда и уникальности произведения, чтобы оно охранялось не как простая фотография, а как произведение фотографического искусства.

По мнению О. А. Косицкого, именно отсутствие критериев творческого характера, «непонимание того, что такое творчество и как его проявлять в произведении», явились следствием введения российским законодателем презумпции создания произведения творческим трудом, если не доказано иное, что освобождает суд от проведения качественного исследования объекта охраны [Косицкий, О. А., 2023, с. 67].

Вопросы охраноспособности фотографических произведений, произведений изобразительного искусства и иных произведений активно обсуждаются научным сообществом [Шебанова, Н. А., 2024; Витко, В. С., 2024; Каминская, Е. И., 2019; Исаева, О. В., 2023, с. 61–65].

При рассмотрении обозначенной категории споров возникают следующие обстоятельства, связанные с назначением и проведением судебной экспертизы.

1. Отсутствие доступной классификации видов экспертиз, которые могут быть использованы при рассмотрении споров о защите авторских и смежных прав в сети «Интернет», и вопросов, которые могут быть разрешены в рамках судебной экспертизы с учетом технических возможностей исследования различных видов объектов авторских и смежных прав.

Например, в приказе Минюста России от 20 апреля 2023 г. № 72 в отношении объектов интеллектуальной собственности упоминается только «исследование объектов интеллектуальной собственности» без указания на конкретные виды и способы исследования и «исследование фотографических изображений и технических средств, используемых для их изготовления»[5].

---

[4] Протокол № 31 заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 16 февраля 2024 г. URL: https://ipc.arbitr.ru/storage/sites/ipc/files/288/nks_protocol_31_16022024.pdf (дата обращения: 22.06.2024).

[5] Приказ Минюста России от 20 апреля 2023 г. № 72 (ред. от 31 января 2024 г.) «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных су-

При этом в научной литературе приводится выделение специальной фонографической экспертизы, лингвистической, авторoведческой, фоноскопической, литературоведческой, оценки стоимости использования права и пр.

2. Определение относимости и допустимости экспертного заключения в качестве доказательства по делу исходя из соответствия уровня образования и специализации, квалификации эксперта, привлеченного к проведению экспертизы экспертным учреждением.

Назначение экспертизы судом осуществляется посредством поручения ее проведения экспертному учреждению. На этапе назначения экспертизы суд не обладает информацией о том, какой эксперт будет привлечен к проведению исследования, при этом именно компетенция эксперта, его специализация на тех или иных объектах интеллектуальной собственности имеют решающее значение для правильного, объективного, оперативного разрешения судебного спора.

Полагаем необходимым формирование общедоступного источника (своего рода реестра), например, участниками саморегулируемых организаций профессионального сообщества судебных экспертов в области защиты авторских и смежных прав, содержащего сведения об экспертах, специализирующихся на результатах интеллектуальной собственности как объектах экспертизы, их квалификации, уровне образования и опыте работы.

Наиболее сложным и актуальным является вопрос определения стоимости права использования объекта интеллектуальной собственности определенным способом в определенный период времени. Эта экспертиза не является комплексной, с одной стороны, но погранична оценочной экспертизе, экспертизе видео-, аудиозаписей, товароведческой и искусствоведческой экспертизам (чаще экспертизы проводятся в отношении имущества, являющегося основными средствами для организации в целях постановки на балансовый учет, что не отражает уровень ценности соответствующего результата интеллектуальной деятельности).

Особенность использования объекта интеллектуальной собственности в рамках заключаемых в хозяйственной деятельности лицензионных договоров обусловлена их спецификой, наличием партнерских взаимовыгодных условий сотрудничества, устанавливающих особенности ценообразования, не соответствующей стоимости права использования одного и того же объекта на различных этапах долгосрочного лицензионного договора[6], опре-

---

дебно-экспертных учреждениях Минюста России». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

[6] Например, в рамках одного из судебных дел о взыскании компенсации Первым апелляционным судом общей юрисдикции исследовался лицензионный договор, в котором плата за приобретение исключительной лицензии на использование аудиовизуальных произведений (отдельных серий) определялась внесением однократной суммы при заключении лицензионного договора, с последующим ежегодным снижением стоимости лицензии как стимулированием лицензиата к долгосрочному сотрудничеству, а также стоимость лицензий на каждую последующую серию существенно снижалась по сравнению со стоимостью лицензии на первые десять серий первого сезона и определялось условие о снижении сто-

деления стоимости права использования объектов, приобретенных лицензиатом «пакетом», и пр. С учетом изложенного недопустимо применение простых арифметических формул расчета стоимости права использования произведения по представленным истцом документально подтвержденным затратам на приобретение лицензии, что влечет необходимость привлечения специалистов и экспертов в области оценки стоимости прав использования результатов интеллектуальной деятельности.

3. Удаление объекта с сайта в сети «Интернет» без возможности восстановления исходного файла на стадии исполнения Роскомнадзором определения суда о принятии предварительных обеспечительных мер в виде блокировки контента до момента вынесения судом решения по существу спора или на стадии досудебного урегулирования спора в порядке ст. 5.7 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[7]. Удаление объекта с сайта к моменту рассмотрения спора судом не является основанием для отказа в удовлетворении требований о защите авторских и смежных прав, что следует из разъяснений Верховного Суда Российской Федерации[8]. Удаление объекта может являться критичным, если на стадии фиксации факта неправомерного использования объекта интеллектуальной собственности в порядке, предусмотренном абз. 3, 4 п. 43 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2023 г. № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты»[9], заявителем не произведена аудио-, видеозапись полного хронометража размещенного объекта.

имости лицензии в случае ее приобретения лицензиатом на каждую вновь выпускаемую серию. Таким образом, ценообразование права пользования конкретной серией в конкретный период времени, если на основании соответствующих данных определять компенсацию в размере двукратной стоимости правомерного использования конкретной серии произведения в сети «Интернет» в соответствующий период неправомерного использования объекта, не будет объективно отражать объем произведенных лицензиатом затрат на приобретение права использования спорного произведения. Например, стоимость лицензии на 1 месяц (или 10 дней, соразмерно выявленному периоду нарушения) не всегда соответствует $^{1}/_{12}$ стоимости годовой лицензии.

7 Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 12 декабря 2023 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 2006. 29 июля.

8 Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и (или) смежных прав в сети «Интернет», утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 мая 2024 г. (п. 40) // Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/33621/.

9 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2023 г. № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // Российская газета. 2023. 7 июня.

4. Распределение судебных расходов, в том числе расходов на проведение экспертизы, в спорах о защите авторских и смежных прав по требованиям о взыскании компенсации или убытков от неправомерного использования объекта.

Так, в соответствии с разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации, изложенными в п. 60 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», требование о взыскании компенсации носит имущественный характер, в связи с чем госпошлина оплачивается исходя из цены иска, определяемой в твердой денежной сумме, независимо от способа расчета суммы компенсации.

Учитывая, что определение размера компенсации за неправомерное использование объекта интеллектуальной собственности осуществляется судом исходя из оценки многих критериев, с учетом всех обстоятельств дела, которые правообладателю могут быть неизвестными на стадии подачи иска о защите нарушенного права, сумма присужденной к взысканию компенсации судом часто снижается по сравнению с суммой, заявленной истцом.

Причиной существенной разницы сумм компенсаций, которые заявляются правообладателем, и сумм, фактически взыскиваемых судом по результатам рассмотрения заявленных требований, является отсутствие методик оценки стоимости объекта интеллектуальной собственности с учетом критерия его известности публике. Полагаем, общепринятые стандартные подходы к оценке объектов гражданских прав (доходный подход, основанный на оценке будущих выгод от владения и использования объекта, и затратный подход, основанный на расчете издержек правообладателя на создание соответствующего объекта) неприменимы в оценке стоимости правомерного использования объекта интеллектуальной собственности. Представленные заявителем суду лицензионные договоры в целях использования расчета компенсации «двукратным размером стоимости права использования» в соответствии с положениями ст. 1301, 1311 Гражданского кодекса Российской Федерации не всегда могут быть положены в основу расчета судом размера компенсации. Обусловлено это спецификой результатов интеллектуальной собственности и отсутствием четкой соразмерности между вложенным творческим вкладом автора, усилиями, затраченными на разработку и исследование, спросом на объект у конечного потребителя.

Однажды проведенное исследование по определению стоимости права использования объекта интеллектуальной собственности не может являться достоверным доказательством по спору о взыскании компенсации за неправомерное его использование спустя некоторое время, поскольку «известность публике», «популярность» и пр. зависят от множества регулярно меняющихся факторов, и не всегда со временем стоимость права использования объекта увеличивается.

Лицензионный договор на предоставление права использования произведения третьим лицам не всегда принимается судом в основу расчета суммы компенсации, если одна из сторон заявляет о необоснованно завышенной стоимости права использования объекта (например, если лицензи-

онный договор заключен между аффилированными лицами) или если реально действовавший договор предусматривал больший объем правомочий лицензиата по сравнению с тем способом неправомерного использования, который допустил ответчик (например, если суду необходимо определить стоимость неисключительной лицензии на использование объекта посредством доведения его до всеобщего сведения, а истцом представлен лицензионный договор на исключительную лицензию на использование произведения только посредством его издания в виде печатных книг и записей на материальном носителе аудиокниги, без права размещения в сети «Интернет»).

В соответствии со ст. 1301, 1311 ГК РФ двукратный размер стоимости права использования произведения определяется исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование произведения тем способом, который использовал нарушитель. Обоснование расчета такой стоимости необходимо представить истцу уже при подаче иска, поскольку он формирует цену иска.

Данные обстоятельства влекут существенные финансовые затраты для правообладателя в рамках судебной защиты авторских и смежных прав, которые не всегда гарантированно могут быть компенсированы ему в полном объеме в соответствии с положениями ч. 1 ст. 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 1 ст. 98 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

На этапе установления наличия у заявителя права на защиту суду надлежит дать оценку представленным доказательствам возникновения/приобретения им соответствующего права. Право заявителя на объект интеллектуальной собственности может возникнуть в силу его создания или в силу приобретения в рамках гражданско-правовой сделки. Если имеются сомнения относительно достоверности сведений о создании произведения заявителем, суд может истребовать у заявителя пояснения о порядке создания им спорного произведения, после чего назначить экспертизу определения способа, времени создания произведения для проверки сообщенных заявителем сведений.

На данном этапе суд устанавливает следующие обстоятельства:

• является ли заявитель правообладателем в отношении спорного объекта или имеет в отношении спорного объекта личные неимущественные права[10];

• тождественен ли объект интеллектуальной собственности, права на который приобретены заявителем, согласно представленным документам, объекту, использованному ответчиком без согласия заявителя в сети «Интернет»;

[10] Как указано в п. 30 Обзора судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и (или) смежных прав в сети «Интернет», утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 мая 2024 г., защита личных неимущественных прав автора посредством взыскания компенсации морального вреда осуществляется независимо от того, принадлежит исключительное право на спорное произведение заявителю или же было им отчуждено третьим лицам.

• имело ли место нарушение прав заявителя действиями ответчика;

• если каждая из сторон представляет доказательства принадлежности ей прав на спорный объект, суд устанавливает, у какой стороны спора право в отношении объекта возникло ранее, или разрешает спор о праве.

Перед судом стоит задача правильно определить вид экспертизы и правильно обозначить круг вопросов перед экспертом, определить компетентную экспертную организацию. Компетентность судебного эксперта во многом предопределяет эффективность мер восстановления и защиты нарушенных авторских и смежных прав.

Спор может возникнуть относительно объектов «параллельного» творчества, т. е. объектов (например, фотографий, дизайнов изделий и пр.), сходных между собой, но созданных разными лицами (истцом и ответчиком) самостоятельно[11]. В рамках исследования двух сходных объектов вывод об отсутствии использования или переработки чужого произведения может сделать только эксперт.

Если суду необходимо установить факт приобретения заявителем в рамках договора прав на объект интеллектуальной собственности, выраженный в форме аудиозаписи, фотографий, суд может направить эксперту для исследования метаданных исходные файлы записи, переданные автором приобретателю прав. Для технического обеспечения возможности идентификации объектов авторских или смежных прав, приобретенных заявителем в рамках сделки, в акте приема-передачи объектов интеллектуальной собственности и прав на них рекомендуется указывать материальный носитель или способ передачи объектов (например, передаче прав на фотографии может сопутствовать направление исходных файлов в хорошем разрешении на электронную почту приобретателя, указанную в договоре).

Исследование метаданных файлов с фотографическими произведениями осуществляется в рамках исследования фотографической/фототехнической экспертизы.

В рамках споров о защите авторских и смежных прав на фонограммы музыкальных произведений может проводиться *фонографическая экспертиза*.

В качестве существенных обстоятельств при наличии спора, связанного с защитой прав на часть произведения, эксперт может устанавливать идентичность части произведения, права на которую принадлежат заявителю, произведению, в котором охраняемая часть используется без согласия правообладателя. Например, если заявителю на условиях исключительной лицензии принадлежат права на музыкальное произведение без текста, которое было использовано в составе аудиовизуального произведения без согласия правообладателя (заявителя), суду надлежит:

---

[11] В соответствии с п. 95 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» два произведения, созданных похожими, но творчески самостоятельными, признаются самостоятельными объектами авторского права, что не квалифицируется как нарушение исключительного права автора более раннего произведения.

• проверить принадлежность заявителю прав на музыкальное произведение и основания их возникновения (исследование правоустанавливающих документов);

• идентифицировать объект интеллектуальной собственности, на который заявителем приобретены права (например, посредством исследования исходного файла записи музыкального произведения, переданного заявителю при заключении лицензионного договора);

• установить идентичность музыкального произведения, принадлежащего заявителю, и музыкального произведения, использованного в составе аудиовизуального произведения без согласия заявителя (например, посредством исследования предоставленной заявителем фонограммы музыкального произведения и записи фонограммы, запечатленной на видеозахвате экрана).

Целью соответствующего исследования является установление факта нарушения авторских или смежных прав заявителя на часть произведения, использованную в составе сложного произведения (например, аудиовизуального).

Если нарушение прав заявителя будет установлено судом, с ответчика могут быть взысканы убытки, причиненные неправомерным использованием произведения, или компенсация за нарушение авторских и (или) смежных прав.

В случае, если суд рассматривает спор о праве на фонограмму музыкального произведения, суду надлежит:

• истребовать у каждой из сторон, заявляющих о принадлежности ей прав на спорную фонограмму произведения, документ, подтверждающий передачу записи фонограмм для идентификации объекта, на который стороной приобретены те или иные права;

• установить идентичность объектов, в отношении которых стороны спора заявляют о принадлежности им прав;

• разрешить требование одной из спорящих сторон о признании сделки второй стороны недействительной, если правоустанавливающие документы сторон предусматривают приобретение прав двух спорящих сторон в отношении одного и того же объекта авторского или смежного права, т. е. признать права на спорную фонограмму за одной из спорящих сторон.

Если спор касается установления правомочий у заявителя на истребование защиты нарушенных прав на фонограмму, суд устанавливает, кто является ее правообладателем.

В качестве доказательства приобретения прав на фонограмму как объект смежного права сторона спора может представить договор (например, договор исключительной лицензии на использование фонограммы определенными способами) или доказательство создания соответствующей звуко- или видеозаписи, что является основанием возникновения смежных прав в силу ст. 141 Основ гражданского законодательства 1991 г.[12]

---

[12] Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. Верховным Советом СССР 31 мая 1991 г. № 2211-1) (ред. от 26 января 1996 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1991. № 26. Ст. 733.

Стоит отметить, что споры о праве в отношении фонограмм музыкальных произведений часто ведутся при отсутствии документов, определяющих основание возникновения прав, некорректности формулировок, оспаривании законности отчуждения прав на фонограмму произведения, созданного в соавторстве, без согласия второго соавтора (например, в разных документах указаны разные сведения об авторах, соавторах).

В рамках фонографической экспертизы эксперт может давать оценку идентичности музыкальных произведений, идентичности фонограмм и видеофонограмм (например, в целях установления факта множественности фонограмм одного произведения, установления факта переработки музыкального произведения или внесения иных изменений, установления характера таких изменений) в целях определения объекта защиты и его действительной принадлежности заявителю.

Исследование фонограмм и видеофонограмм может осуществляться посредством аудитивного или визуально-инструментального анализа. Аудитивная часть исследования направлена на установление идентификационных признаков аудитивной группы методами перцептивного (слухового) анализа музыкального сопровождения, а инструментальная часть исследования направлена, как правило, на определение идентичных признаков, зафиксированных на спектрограммах и кепстрограммах идентифицируемых записей.

По методам исследования различаются методы судебной фонографии и слухового, визуального, инструментального анализа сигналов, зафиксированных на фонограммах с использованием комплекса аппаратуры.

Сам факт выявления различий фонограмм произведений, установленных экспертом, еще не свидетельствует о множественности фонограмм одного произведения, например, если одна из исследуемых фонограмм представляет собой обрезанный файл записи или внесение текста голосового сопровождения или комментариев, сопровождающих произведение (например, при видеозахвате экрана, на котором воспроизводится фонограмма). Таким образом, эксперту в рамках фонографической экспертизы необходимо четко поставить вопрос о том, свидетельствуют ли выявленные различия в исследуемых фонограммах о множественности фонограмм, или различные записи являются записью одной и той же фонограммы, т. е. речь идет о едином объекте охраны.

Различия сравниваемых спектрограмм произведений при установленной идентичности самой фонограммы могут быть вызваны различающимися условиями записи, кодирования музыкальных произведений при сохранении записи в цифровом виде/формате, а также отличием технических характеристик представленных звуковых файлов.

При рассмотрении споров о защите авторских и смежных прав в сети «Интернет» суды прибегают к назначению автороведческих, лингвистических, фоноскопических, литературоведческих, фототехнических, фонографических, искусствоведческих и иных видов экспертиз.

Специальные знания эксперта-автороведа, эксперта-лингвиста, фоноскописта включают естественно-научные знания о речевом произведении как продукте речемыслительной деятельности человека, о закономерно-

стях формирования и отражения в речи свойств личности, их устойчивости и индивидуальности [Галяшина, Е. И., 2011, с. 17].

При проведении фоноскопической экспертизы ставятся вопросы установления аутентичности фонограмм, выявления признаков копирования, монтажа и иных изменений фонограммы как в процессе звукозаписи, так и после окончания звукозаписи фонограммы, а также вопросы определения условий, обстоятельств, средств и материалов звукозаписи. Для установления факта нарушения прав правообладателя неправомерным использованием произведения посредством его переработки суд вправе назначить фонографическую, литературоведческую, фототехническую экспертизу в зависимости от категории спорного объекта охраны.

Если спор касается оспаривания законности отчуждения прав на фонограмму произведения, созданного в соавторстве, то существенным обстоятельством по делу будет являться:

– установление факта соавторства двух и более лиц в создании произведения;

– установление вида соавторства на произведение (делимое или неделимое) с определением охраноспособности частей произведения как самостоятельных объектов или как единого неделимого объекта.

В целях установления охраноспособности частей произведения наиболее часто встречаются споры о возможности или невозможности использования частей музыкального произведения (музыкальная и литературная часть) независимо друг от друга (определение делимого или неделимого соавторства). В правоприменительной практике нет единого подхода относительно порядка установления самостоятельности или неделимости музыкального произведения и текста к нему. Например, в п. 4.1, 4.2 Информационной справки Суда по интеллектуальным правам по вопросам, возникающим при применении п. 7 ст. 1259 ГК РФ (части произведения), указано, что музыка и текст, созданные изначально для включения в музыкальное произведение с текстом, образуют части одного произведения. Если сначала создано литературное произведение (стихи), а позже создается музыка (или наоборот), каждое из таких произведений является самостоятельным объектом авторского права, из чего следует, что правообладатель каждого объекта вправе распоряжаться своим исключительным правом самостоятельно[13].

Существенным обстоятельством рассмотрения споров, связанных с защитой авторских и смежных прав в сети «Интернет», является отнесение лица, допустившего неправомерное использование объекта интеллектуальной собственности на сайте или в мобильном приложении, к информационному посреднику, что обусловливает возможность привлечения его к ответственности с особенностями, предусмотренными ст. 1253.1 ГК РФ (т. е. без взыскания компенсации в порядке ст. 1301 ГК РФ).

Отнесение владельца сайта к информационному посреднику является компетенцией суда с учетом характера осуществляемой таким лицом де-

[13] Информационная справка по вопросам, возникающим при применении пункта 7 статьи 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации (части произведения), утв. постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от

ятельности (абз. 2 п. 77 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10).

При взыскании компенсации за допущенное нарушение авторских и смежных прав в сети «Интернет» суд должен руководствоваться следующими критериями: характер нарушения, способ нарушения прав, количество неправомерно использованных объектов, вина ответчика, разумность и справедливость, баланс прав и законных интересов сторон, соразмерность компенсации последствиям нарушения.

Представляется, что определение характера деятельности нарушителя (владельца или администратора сайта) может осуществляться в рамках исследования специалиста или судебной экспертизы посредством определения специализации информационного ресурса и сопоставления соответствия спорного контента данной специализации (является ли неправомерное размещение «пиратского», в том числе тематического, контента существенной частью хозяйственной деятельности ответчика), исследования спектра оказываемых владельцем или администратором сайта пользователям дополнительных услуг, времени размещения спорного контента и периода допущенного нарушения, установления факта внесения ответчиком изменений в размещенный пользователями контент. В качестве объекта оценки также может выступать ориентировочная доходность сайта, на котором допущено неправомерное использование контента (данный показатель может определяться ориентировочно в случае, если ответчик уклоняется от предоставления достоверной информации о монетизации).

На наличие проблем получения объективной информации о стоимости объектов интеллектуальной собственности указывала М. А. Рожкова, отмечая, что вопросы оценки интеллектуальной собственности в большинстве случаев рассматриваются только в контексте возможностей залога интеллектуальных прав. Вследствие этого необходимы актуальные, работающие методики оценки интеллектуальной собственности, включающие в себя оценку не только производственного или маркетингового процесса товаров или услуг, но и логистической цепочки распространения и доставки, расходов на рекламу и продвижение и пр., а также оценку всех связанных с этим рисков, к которым принято относить и «недостаточную стабильность» интеллектуальных прав, которые более подвержены оспариванию, нежели любые иные субъективные гражданские права, и сложность выявления фактов правонарушений интеллектуальных прав, и проблему морального устаревания объектов интеллектуальной собственности, что обусловливает проведение ее регулярного аудита и модификации (усовершенствования), и т. д. Только при таком раскладе оценка интеллектуальной собственности, по мнению М. А. Рожковой, может быть адекватной [Рожкова, М. А., 2023, с. 39].

Изложенное подтверждает позицию авторов о специфике оценки стоимости прав на объекты интеллектуальной собственности, требующей при-

---

28 декабря 2022 г. № СП-21/33. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

менения специальных методик исследования, отличных от привычной товароведческой и оценочной экспертизы.

В научной литературе введено понятие «интеллектуального пиратства», которое четко определяет характер деятельности нарушителя. Например, В. С. Савина и С. В. Сухоставец под «интеллектуальным пиратством» предлагают понимать совокупность преступных действий физического лица (или группы лиц) или организации (юридического лица) в сфере нарушения интеллектуальных прав, имеющих своей целью получение материальной или иной выгоды [Близнец, И. А., ред., 2019, с. 464–465]. Представляется, что данное понятие должно найти законодательное закрепление с тем, чтобы являться одним из критериев, определяющих «характер нарушения», «характер деятельности лица, осуществившего неправомерное использование контента», и основанием взыскания справедливой компенсации за допущенное нарушение.

Обратим внимание на то, что в п. 21 Обзора судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в сети «Интернет»[14], Верховный Суд указывает на необходимость учета сведений о посещаемости и доходности сайта, на котором неправомерно использовался объект интеллектуальной собственности, при определении размера компенсации за нарушение исключительного права. И данные разъяснения основаны на сложившейся судебной правоприменительной практике. Учитывая, что оценка доходности сайта основывается на специальных знаниях и расчетах, на оценке технических и статистических показателей информационного ресурса, судебной экспертизе в данной части должна быть отведена значимая роль в целях обоснования тенденции увеличения сумм взыскиваемых компенсаций в пользу правообладателя.

В правоприменительной практике имеются примеры взыскания компенсации за однократное нарушение при использовании серий фотографий, несмотря на то что гражданское законодательство соответствующей особенности охраны фотографических произведений не устанавливает. Полагаем, в данном вопросе также не обойтись без судебной экспертизы.

> *Так, при рассмотрении Арбитражным судом города Санкт-Петербурга и Ленинградской области одного из дел в качестве объекта интеллектуальной собственности выступали фотографические произведения в количестве 376 экз. Спор заключался в защите прав на данные произведения в результате их неправомерного использования ответчиком на разных сайтах и взыскании компенсации по количеству допущенных нарушений. Суд первой инстанции взыскал компенсацию из расчета 10 000 руб. за каждую неправомерно использованную фотографию, в общей сумме 3 760 000 руб.*[15]

---

[14] Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 мая 2024 г.).

[15] Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 8 августа 2022 г. по делу № А56-99330/2021. URL: https://kad.arbitr.ru/

Суд кассационной инстанции с данным расчетом компенсации не согласился, указав на возможность квалификации нескольких фотографий в качестве «серии», т. е. единичного объекта интеллектуальной собственности (квалифицировать каждую из фотографий, отнесенных к «серии», как часть одного произведения). К «серии» фотографий Суд по интеллектуальным правам предлагает относить «несколько фотографий, созданных в рамках одного творческого процесса, в одно время, в отношении одного объекта съемки, если автором не доказано, что конкретная фотография в серии носит иной творческий характер (фотографом при осуществлении указанных действий осуществлен иной творческий выбор) и поэтому является самостоятельным произведением[16].

Руководствуясь указаниями суда кассационной инстанции, суд первой инстанции при новом рассмотрении дела объединил все размещенные ответчиком фотографии на сайтах в 28 серий и взыскал компенсацию за допущенное нарушение в сумме 280 000 руб., по 10 000 руб. за каждую серию фотографий.

Не проводя анализ обоснованности приведенных судебных актов в части установления критериев отнесения 376 фотографий к 28 сериям, необходимо отметить, что данный подход противоречит презумпции наличия творческого вклада автора в создание произведения, пока не доказано иное, что соответствует положениям п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Таким образом, отсутствие в фотографии нематериальной составляющей в виде авторского стиля, художественного замысла, оригинальности восприятия объекта съемки фотографом, в том числе с применением особенного ракурса, освещения, фильтров, надлежит доказывать лицу, оспаривающему нарушение им прав правообладателя фотографического произведения. Полагаем возложение на автора фотографий обязанности доказывания, что конкретная фотография в серии носит иной творческий характер, не совсем обоснованным в споре о защите авторских и смежных прав.

Очевидно, что введение такого понятия, как «серия фотографий», в правоприменительную практику уже состоялось. Данный объект должен получить доктринальное закрепление, а также должны быть сформулированы на законодательном уровне критерии отнесения множественности фотографий к единой серии.

Учитывая, что отнесение фотографических произведений к серийному произведению, не умаляя авторских прав автора в отношении каждого из таких произведений, обусловлено необходимостью взыскания справед-

---

Document/Pdf/f9185fa7-51ca-484b-924e-5d3e9a446d26/9e638cb9-4c33-4b22-a087-0ce0fa65613c/A56-99330-2021_20220808_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 22.04.2024).

[16] Постановление Суда по интеллектуальным правам № С01-285/2023 от 31 марта 2023 г. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/f9185fa7-51ca-484b-924e-5d3e9a446d26/b58018a4-1274-4739-bc3f-6d1416f95b18/A56-99330-2021_20230331_Postanovlenie_kassacii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 13.03.2024).

ливой компенсации за допущенное нарушение, соразмерной вложенному творческому вкладу автора в каждое отдельное фотографическое произведение (или осуществление съемки серии фотографий в рамках единого творческого замысла, настроек, образов), считаем целесообразным отнесение нескольких фотографических произведений к серии фотографий как единому охраняемому объекту авторского права лишь на основании заключения экспертизы. Только экспертиза установит, что конкретная фотография создана в рамках творческого замысла, отличного от иных фотографий, сделанных в то же время, в том же месте и при схожих обстоятельствах съемки, и поэтому за ее неправомерное использование может быть взыскана самостоятельная компенсация.

Полагаем, что определение критериев наличия самостоятельной творческой ценности фотографического произведения или квалификация их множественности как единой серии – это новый вектор развития экспертных исследований и новый предмет судебной экспертизы в спорах о защите авторских и смежных прав.

Все перечисленные судебные экспертизы направлены, в принципе, на определение обстоятельств нарушения авторских и (или) смежных прав правообладателя произведения для возможности правильного расчета суммы компенсации как способа восстановления нарушенного права, поскольку часть из перечисленных экспертиз проводится с целью подтверждения правомерности требований заявителя в отношении объекта интеллектуальной собственности, а вторая часть экспертиз направлена на оценку количества допущенных нарушений, их характера, стоимости правомерного использования объекта, размера убытков правообладателя и т. д. для определения размера взыскиваемой компенсации.

Обсуждение и заключение

Обозначенная проблематика свидетельствует о целесообразности специализации экспертных учреждений на проведении экспертиз в отношении авторских объектов как самостоятельном направлении деятельности.

При подготовке судебного дела по иску о защите авторских и (или) смежных прав в сети «Интернет» суду необходимо правильно определить обстоятельства, имеющие существенное значение для корректного рассмотрения дела и подлежащие доказыванию, а также правильно определить вопросы, адресованные эксперту, чтобы заключение экспертизы содержало исчерпывающие и непротиворечивые выводы.

Необходимо формирование общедоступного источника, аккумулирующего существующие методики исследования, применимые к авторским спорам, с учетом специфики объектов интеллектуальной собственности. Ведь общие методики оценки результата интеллектуальной деятельности как актива имеют свои особенности (обычные оценочные экспертизы проводятся в отношении имущества, являющегося основными средствами для организации в целях постановки на балансовый учет, что не отражает уровень ценности соответствующего результата интеллектуальной деятельности). Зачастую оценка стоимости части произведения/объекта не может быть оценена арифметическим путем.

Необходимым видится обеспечение доступности сведений о квалификации и специализации экспертов в области исследований объектов интеллектуальной собственности на стадии принятия судом решения о поручении проведения экспертизы конкретному экспертному учреждению или конкретному эксперту.

В настоящее время на этапе назначения экспертизы суд не обладает информацией о том, какой эксперт будет привлечен к проведению исследования, однако именно компетенция эксперта, его специализация на тех или иных объектах интеллектуальной собственности имеют решающее значение для правильного, объективного, оперативного разрешения судебного спора.

Также требуется актуализация методик экспертного исследования и оценки отдельных критериев, влияющих на определение компенсации как способа восстановления нарушенного права с учетом сложившейся правоприменительной практики.

Как ранее указывалось авторами, исследование вопросов защиты авторских и смежных прав влечет не только анализ статистики разрешенных споров, но и оценку эффективности правоприменительной практики привлечения нарушителей к ответственности как фактора, способствующего профилактике нарушений авторских и смежных прав, обусловленной демонстрацией неотвратимости наказания за нарушение и соразмерности ответственности последствиям допущенного нарушения [Лепешин, Д. А., Даутия, Т. В., 2024, с. 455]. Данный критерий, безусловно, достигается при помощи максимального использования инструментов определения достоверной информации о ценности объекта интеллектуальной собственности как обстоятельства, подлежащего учету при принятии решения о взыскании компенсации в определенном размере. Способ определения такой ценности должен быть понятен всем участникам спора.

Список источников

Витко В. С. К вопросу о содержании творческого труда фотографа // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. № 2 (44). С. 153–171. DOI: 10.58741/23134852_2024_2_9.

Галяшина Е. И. Речеведческие экспертизы в судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 12. С. 12–29.

Галяшина Е. И., Голикова В. В., Дмитриев Е. Н. и др. Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е. Р. Россинской. М. : Проспект, 2012. 544 с. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Интеллектуальная собственность в современном мире : моногр. / под ред. И. А. Близнеца. М. : Проспект, 2019. 672 с. ISBN: 978-5-392-23502-5.

Исаева О. В. Оригинальность произведения как критерий охраноспособности // Труды по интеллектуальной собственности. 2023. Т. 44, № 1. С. 61–67. DOI: 10.17323/tis.2023.16882.

Каминская Е. И. Охраноспособность фотографий по авторскому праву // Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики). Вып. 26 / под ред. В. М. Жуйкова. М. : ИЗиСП : Контракт, 2019. С. 122–129. ISBN: 978-5-6043246-3-9.

Кашанин А. В. Минимальный уровень творческого характера произведений в авторском праве Германии // Законодательство и экономика. 2009. № 12. С. 48–57.

Козырев А. Н. Произведения науки и научные библиотеки в контексте цифровизации // Цифровая экономика: интеллектуальная собственность и право : сб. ст. к юбилею М. М. Карелиной. М. : РГУП, 2023. С. 51–60. ISBN: 978-5-00209-070-9.

Косицкий О. А. Творчество как критерий охраноспособности объектов авторских прав: самостоятельное создание и творческий характер. Уровень творческого характера // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. № 4 (42). С. 65–81. DOI: 10.58741/23134852_2023_4_7.

Лепешин Д. А., Даутия Т. В. Обзор IV научно-практического семинара, проведенного в Первом апелляционном суде общей юрисдикции 1 декабря 2023 года, на тему «Защита авторских и (или) смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети “Интернет”» // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2024. Т. 28, № 2. С. 454–463.

Рожкова М. А. Правовые аспекты введения в гражданский оборот и коммерциализации интеллектуальной собственности // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. № 4 (42). С. 28–39. DOI: 10.58741/23134852_2023_4_3.

Сидорина Н. А. Защита прав на фотографии в сети «Интернет»: Россия и Германия // Авторское право и смежные права. 2023. № 6. С. 41–50.

Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2024. 640 с. ISBN: 978-5-392-22729-7.

Шебанова Н. А. К вопросу об охраноспособности фотографических произведений // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. № 1 (43). С. 62–69. DOI: 10.58741/23134852_2024_1_5.

References

Blazheev, V. V., Egorova, M. A., eds. 2024. *Tsifrovoe pravo* = [Digital law]. Textbook. Moscow: Prospekt. 640 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-392-22729-7.

Bliznets, I. A., ed. 2019. *Intellektual’naya sobstvennost’ v sovremennom mire* = [Intellectual property in the modern world]. Monograph. Moscow: Prospekt. 672 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-392-23502-5.

Galyashina, E. I., 2011. Speech expertises in civil and criminal law proceedings. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* = [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 12, pp. 12–29. (In Russ.)

Galyashina, E. I., Golikova, V. V., Dmitriev, E. N., et al., 2012. *Sudebnaya ekspertiza: tipichnye oshibki* = [Forensic examination: typical mistakes]. Ed. E. R. Rossinkaya. Moscow: Prospekt. 544 p. (In Russ.) Access from the legal reference system "ConsultantPlus".

Isaeva, O. V., 2023. Originality of a work as a criterion for its protectability. *Works on Intellectual Property*, 1, pp. 61–67. (In Russ.) DOI: 10.17323/tis.2023.16882.

Kaminskaya, E. I., 2019. [Copyright protection of photographs]. *Kommentarij praktiki rassmotreniya ekonomicheskikh sporov (sudebno-arbitrazhnoj praktiki)* = [Commentary on the practice of considering economic disputes (judicial arbitration practice)]. Issue 26. Ed. V. M. Zhuikov. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Kontrakt. Pp. 122–129. (In Russ.) ISBN: 978-5-6043246-3-9.

Kashanin, A. V., 2009. [The minimum level of the creative nature of works in German copyright]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika* = [Legislation and Economics], 12, pp. 48–57. (In Russ.)

Kositskiy, O. A., 2023. Originality: independent creation and creativity. Level of creativity. *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam* = [The Intellectual Property Rights Court Journal], 4, pp. 65–81. (In Russ.) DOI: 10.58741/23134852_2023_4_7.

Kozyrev, A. N., 2023. [The work of science and scientific libraries in context of digitalization]. *Tsifrovaya ekonomika: intellektual'naya sobstvennost' i pravo* = [Digital economy: intellectual property and law]. Collection of articles on the anniversary of M. M. Karelina. Moscow: Russian State University of Justice. Pp. 51–60. (In Russ.) ISBN: 978-5-00209-070-9.

Lepeshin, D. A., Dautiya, T. V., 2024. [Review of the IV scientific and practical seminar held at the First Court of Appeal of General Jurisdiction on December 1, 2023, on the topic "Protection of copyright and (or) related rights in information and telecommunications networks, including the Internet"]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Yuridicheskie nauki* = [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences], 2, pp. 454–463. (In Russ.)

Rozhkova, M. A., 2023. Legal aspects of introduction into civil-law transactions and commercialization of intellectual property. *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam* = [Journal of the Court of Intellectual Property Rights], 4, pp. 28–39. (In Russ.) DOI: 10.58741/23134852_2023_4_3.

Shebanova, N. A., 2024. On the issue of the protectability of photographic works. *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam* = [The Intellectual Property Rights Court Journal], 1, pp. 62–69. (In Russ.) DOI: 10.58741/23134852_2024_1_5.

Sidorina, N. A., 2023. [Protection of rights to photographs on the Internet: Russia and Germany]. *Avtorskoe pravo i smezhnye prava* = [Copyright and Related Rights], 6, pp. 41–50. (In Russ.)

Vitko, V. S., 2024. On the issue of the content of the photographer's creative work. *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam* = [Journal of the Court of Intellectual Property Rights], 2, pp. 153–171. (In Russ.) DOI: 10.58741/23134852_2024_2_9.

Информация об авторах / Information about the authors

Лепешин Дмитрий Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов (РУДН) (Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6), заместитель председателя Первого апелляционного суда общей юрисдикции (Российская Федерация, 121357, Москва, ул. Верейская, д. 29, стр. 34).
Dmitriy A. Lepeshin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Civil Law and Procedure and International Private Law Department, RUDN University (6 Miklukho-Maklay St., Moscow, 117198, Russian Federation), Deputy Head of the First Appellate Court of General Jurisdiction (29, bld. 34 Vereyskaya St., Moscow, 121357, Russian Federation).

Даутия Татьяна Васильевна, кандидат юридических наук, помощник судьи Первого апелляционного суда общей юрисдикции (Российская Федерация, 121357, Москва, ул. Верейская, д. 29, стр. 34).
Tatyana V. Dautiya, Cand. Sci. (Law), Assistant Judge of the First Appellate Court of General Jurisdiction (29, bld. 34 Vereyskaya St., Moscow, 121357, Russian Federation).

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
The authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 25.06.2024; одобрена после рецензирования 24.09.2024; принята к публикации 08.10.2024.
The article was submitted 25.06.2024; approved after reviewing 24.09.2024; accepted for publication 08.10.2024.

Научная статья
УДК 343.1
DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.132-150

Гласность судебного разбирательства по уголовным делам: баланс публичных и частных интересов

Елена Викторовна Марковичева[1],
Татьяна Кимовна Рябинина[2]

[1] Российский государственный университет правосудия, Москва, Российская Федерация
[2] Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация
[1] markovicheva@yandex.ru, [2] tatyanakimovna-r@yandex.ru

Аннотация
Введение. В российском уголовном процессе гласность судебного разбирательства закреплена на уровне одного из его условий. Однако по своей сути она представляет конституционный принцип, отраженный в нормах уголовно-процессуального закона. Ограничение действия такого принципа не может быть произвольным и допускается только в целях обеспечения охраняемых законом частных и публичных интересов. Данная статья посвящена анализу действия принципа гласности в российском уголовном процессе. Исследование сложившихся нормативных подходов к ограничению открытости судебного разбирательства по уголовным делам может стать отправной точкой для научной дискуссии по данному вопросу и для формулировки предложений по изменению законодательства.
Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу исследования составили научные работы в области организации судебной деятельности, уголовно-процессуального права, посвященные проблематике учета публичных и частных интересов при обеспечении гласности судебного разбирательства по уголовным делам. С применением формально-юридического метода исследования были определены особенности нормативного регулирования гласности при рассмотрении судами уголовных дел. Использование сравнительно-правового метода исследования позволило выявить вариативные подходы, гарантирующие соблюдение баланса частных и публичных интересов при обеспечении гласности судебного разбирательства.
Результаты исследования. В статье раскрываются основные подходы в российском уголовном процессе к поддержанию судом баланса частных и публичных

© Марковичева Е. В., Рябинина Т. К., 2024

интересов при решении вопроса о проведении закрытого судебного разбирательства. Анализируются нормативные подходы к открытости правосудия по уголовным делам, предлагается ряд проблемных вопросов для дальнейшей продуктивной научной дискуссии.
Обсуждение и заключение. Деятельность суда по соблюдению баланса как публичных, так и частных интересов не должна приводить к необоснованному ограничению конституционных принципов правосудия и допустима лишь при наличии соответствующих правовых и фактических оснований в минимально необходимом объеме. Авторы полагают, что требуется научная разработка вопросов обеспечения прав участников процесса в ситуациях, когда гласность уголовного судопроизводства оказалась ограничена.

Ключевые слова: уголовный процесс, суд, гласность уголовного судопроизводства, публичные и частные интересы

Благодарности: публикация подготовлена в рамках государственного задания по теме «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

Для цитирования: Марковичева Е. В., Рябинина Т. К. Гласность судебного разбирательства по уголовным делам: баланс публичных и частных интересов // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 4. С. 132–150. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.132-150.

Original article

Transparency of Criminal Proceedings: Balance of Public and Private Interests

Elena V. Markovicheva[1], Tatyana K. Ryabinina[2]

[1] Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
[2] South-West State University, Kursk, Russian Federation
[1] markovicheva@yandex.ru, [2] tatyanakimovna-r@yandex.ru

Abstract
Introduction. In Russian criminal proceedings, the transparency of the trial is fixed at the level of one of the conditions. However, at its core, it represents a constitutional principle reflected in the norms of criminal procedure law. Limitation of the operation of such a principle cannot be arbitrary and is permitted only in order to ensure private and public interests protected by law. This article is devoted to the analysis of the operation of the principle of publicity in Russian criminal proceedings. The study of existing regulatory approaches to limiting the openness of criminal proceedings can become a starting point for scientific discussion on this issue and for the formulation of proposals for changing legislation.
Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis of the study was scientific work in the field of organization of judicial activities, criminal procedural law, devoted to the issue of taking into account public and private interests while ensuring the transparency of criminal proceedings. Using the formal legal method of research, the features of the normative regulation of publicity when courts consider criminal cases were identified. The use of the comparative legal research method made it possible to identify variable

approaches to ensuring a balance of private and public interests while ensuring the transparency of the trial.
Results. The article reveals the main approaches in Russian criminal proceedings to ensuring the court balances private and public interests when deciding whether to conduct a closed trial. Regulatory approaches to openness of justice in criminal cases are analyzed, and a number of problematic issues are proposed for further productive scientific discussion.
Discussion and Conclusion. Ensuring the balance of public and private interests by the court should not lead to unreasonable restrictions on the constitutional principles of justice and is permissible only if there are appropriate legal and factual grounds to the minimum required extent. The authors believe that scientific development of issues of ensuring the rights of participants in the process while limiting the publicity of criminal proceedings is necessary.

Keywords: criminal process, court, transparency of criminal proceedings, public and private interests

Acknowledgments: the publication was prepared within the framework of the state assignment on the topic “Transformation of private and public law in the context of an evolving individual, society and state” (No. 0851-2020-0033).

For citation: Markovicheva, E. V., Ryabinina, T. K., 2024. Transparency of criminal proceedings: balance of public and private interests. *Pravosudie/Justice*, 6(4), pp. 132–150. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.132-150.

Введение

В российском уголовном процессе к настоящему времени нормативно закрепился подход, предполагающий некую дифференциацию уголовно-процессуальных принципов и общих условий производства процессуальных действий в отдельных стадиях и производствах. Предположим, что мы имеем дело с не очень удачной попыткой законодателя решить задачу отграничения одних основополагающих норм, действующих на протяжении всего производства по уголовному делу, от других, также фундаментальных норм, но действующих в ограниченных процессуальных рамках. У такой легальной конструкции есть свои плюсы и минусы, и она достаточно давно является предметом научного обсуждения. Не углубляясь в детали такой дискуссии, согласимся с точкой зрения Л. М. Володиной относительно того, что «система принципов уголовного судопроизводства, точнее, то, что понимается под этим, – сложное правовое явление. Явление неустоявшееся, нестабильное, несмотря на существование разнообразных перечней конкретных и повторяющихся терминологических конструкций, включаемых в нее в качестве элементов» [Володина, Л. М., 2016, с. 54].

Тем не менее отметим, что невключение в систему уголовно-процессуальных принципов отдельных норм не может быть оставлено без внимания именно в контексте тех задач, которые решает современное уголовное судопроизводство. Конструкция ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) четко ориентирует правоприменителя на поиск некоего оптимального баланса между публичным общественным интересом, который имманентно присущ уголовному процессу, и частными интересами отдельных участников процесса и иных лиц, права и свободы

которых могут быть ограничены системой уголовно-процессуального принуждения. Публичность как основа всей уголовно-процессуальной деятельности получила специальное закрепление и на уровне ст. 21 УПК РФ [Каминский, Э. С., 2018, с. 272].

В этой связи понятно включение в главу вторую УПК РФ ряда конституционных положений, которые по своей сути являются судоустроительными принципами, применимыми к различным видам судопроизводства. Например, таким принципом является принцип независимости судей, легализованный в ст. 8.1 УПК РФ в 2013 г. Но одновременно возникает следующий вопрос: почему другие конституционные положения не получили статуса принципов и были закреплены на более низком уровне в иерархической системе уголовно-процессуальных норм? И этот вопрос с полным основанием возникает при попытках осмыслить положения ст. 241 УПК РФ, закрепляющей гласность как одно из общих условий судебного разбирательства, аккумулированных в главе 35 УПК РФ.

Обращение к любому из толковых словарей русского языка позволяет увидеть в термине «условия» все те же основополагающие начала (как и у норм-принципов), без которых невозможно обеспечить тот ход судебного разбирательства, который соответствует общей концепции российского уголовного судопроизводства и его назначению. Единственным объяснением, оправдывающим такой нормативный подход, может быть лишь неготовность законодателя расширить действие данной нормы на все стадии и производства, прежде всего на стадию предварительного расследования, в силу того, как отмечают Н. С. Манова и М. А. Баранова, что досудебное производство носит розыскной характер и его успешное осуществление требует сохранения тайны данной информационной среды, что несовместимо с полной доступностью данных о деятельности следственных органов [Манова, Н. С., Баранова, М. А., 2019, с. 569–570].

Но речь не идет о противоречии между принципом гласности и охраной тайны предварительного расследования. В современном российском уголовном процессе и досудебное, и судебное производство подчинены общему назначению, указанному в ст. 6 УПК РФ. Различаются лишь конкретизированные в общих условиях производства средства достижения основных уголовно-процессуальных целей. Обеспечивая некий приоритет публичных интересов перед частными, отечественный законодатель допускает в ряде случаев охрану тайны предварительного расследования и ограничение гласности судебного заседания. В частности, допускается по ходатайству стороны обвинения в стадии предварительного расследования рассмотрение судом ходатайства следователя или дознавателя об избрании меры пресечения в закрытом судебном заседании в связи с необходимостью охраны тайны предварительного расследования. Но такое ограничение должно быть оправданным и не может носить абсолютного характера. Современные исследователи отмечают, что в досудебном производстве действует принцип гласности, но его действие может быть ограничено лицом, в производстве которого находится уголовное дело [Свежинцев, Е. И., 2017, с. 95]. Компенсация такого ограничения в определенной мере обеспечивается в судебных стадиях. Однако полноценно принцип гласности начинает работать лишь

в стадии судебного разбирательства, так как в стадии назначения и подготовки уголовного дела к судебному заседанию предусмотрено проведение предварительного слушания только в закрытом режиме.

Отметим, что в основании ст. 241 УПК РФ лежит конституционная норма, закрепленная в ч. 1 ст. 123 Конституции России. По этой причине гласность и понимается именно через открытость судебного разбирательства. В данном случае речь идет об одноаспектной трактовке гласности в уголовном процессе – только через общее правило открытости и публичности судебного разбирательства по подавляющему большинству уголовных дел. В этом понимании данный конституционный принцип применим и к деятельности судов проверочных инстанций, и даже к стадии исполнения приговора. В частности, из содержания ст. 389.13 УПК РФ следует, что условие гласности, закрепленное в ст. 241 УПК РФ, применимо и к производству в суде второй инстанции. Суду кассационной инстанции уголовно-процессуальный закон также предоставляет правомочия, связанные с решением вопроса о проведении открытого или закрытого судебного заседания (ч. 2 ст. 401.8 УПК РФ). Судебные заседания, связанные с осуществлением судом контрольных полномочий в стадии предварительного расследования, также по общему правилу проводятся в открытом режиме. И такой подход неоднократно признавался законным и соответствующим конституционным нормам в решениях Конституционного Суда Российской Федерации[1].

Очевидно, чтобы «не плодить сущности», современный законодатель не включил в содержание анализируемого понятия иные, более широкие параметры гласности, на которые исследователи обращали и продолжают обращать внимание. Например, З. В. Макарова, еще применительно к советскому уголовному процессу, писала, что «сущность гласности – доступность уголовного судопроизводства для общественного ознакомления и обсуждения», а открытость судебного разбирательства является главным его элементом [Макарова, З. В., 1986, с. 92–93]. Исследователь справедливо, с отсылками к конституционным нормам того времени, предлагала рассматривать гласность именно как принцип уголовного процесса. И эта точка зрения находит поддержку у современных исследователей, обоснованно указывающих, что невключение законодателем гласности в главу вторую УПК РФ не лишает ее признаков принципа уголовного процесса [Вилкова, Т. Ю., 2017].

Именно с этой позиции предлагается посмотреть на обеспечение судом баланса публичных и частных интересов при реализации в уголовном процессе конституционного принципа гласности правосудия.

Теоретические основы. Методы

Теоретической основой исследования явились научные работы по отдельным вопросам организации судебной деятельности, по отдельным проблемам обеспечения судом баланса публичных и частных интересов и реа-

[1] См., например, Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 марта 2021 г. № 391-О, Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 сентября 2021 г. № 2104-О. Здесь и далее доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс», если не указано иное.

лизации конституционного принципа открытости судебного разбирательства. С применением формально-юридического метода исследования были определены особенности нормативного регулирования гласности при рассмотрении судами уголовных дел. Использование сравнительно-правового метода исследования позволило выявить вариативные подходы в обеспечении баланса частных и публичных интересов при соблюдении гласности судебного разбирательства.

Результаты исследования

Обеспечение гласности судебного разбирательства по уголовным делам изначально отвечает именно публичным интересам. При этом нельзя не согласиться с исследователями, отмечающими, что «публичными правовыми интересами в уголовном судопроизводстве являются интересы правосудия в целом, которые совпадают с интересами общества и государства» [Качалова, О. В., Хроменков, И. Р., 2023, с. 182]. Еще И. Я. Фойницкий отмечал, что «уголовный процесс есть процесс публичный. В нем разрешаются интересы не частных лиц, а целого общества», поэтому «неправильно скрывать от глаз публики уголовно-судебное производство, ибо только знание всего хода его может вести к образованию общего убеждения о силе уголовного закона, о том, что он применен именно к виновному и не постиг невинного» [Фойницкий, И. Я., 1996, с. 95]. Такой же позиции придерживался и современный законодатель при определении содержания и пределов гласности в судебном разбирательстве. А в соответствующем Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации применительно ко всем видам судопроизводства подчеркивается, что гласность и открытость судебного заседания «…являются гарантией справедливого судебного разбирательства, а также обеспечивают общественный контроль за функционированием судебной власти. Открытое судебное разбирательство является одним из средств поддержания доверия общества к суду»[2].

Понимание гласности как открытости судебного разбирательства в отечественном уголовном процессе сформировалось исторически и законодательно фиксировалось уже в ст. 620–624 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. В конце XIX в., по мнению ряда процессуалистов того периода, гласность была «господствующим началом в окончательном исследовании дела в суде» [Кони, А. Ф., 2011, с. 63], «одной из самых лучших гарантий правильности судебного производства» [Фойницкий, И. Я., 1996, с. 98]. Гласность рассматривалась через системную реализацию права сторон и публики присутствовать в судебном заседании, обязанности суда публично оглашать свои решения и возможности обсуждения в прессе происходящего в суде.

Как отмечалось выше, в современном российском уголовном процессе гласность уголовно-процессуальной деятельности суда понимается исключительно через открытость судебного разбирательства. Хотя в концептуальном плане, безусловно, понятие гласности применительно к правосудию не может

---

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов».

быть ограничено только данным аспектом, а включает также надлежащего качества информирование общества о деятельности, связанной с отправлением правосудия, т. е. некую информационную открытость судопроизводства в публичных интересах. Нельзя не согласиться с исследователями, полагающими, что такой подход способен повысить уровень доверия в обществе к судебной системе в целом [Кирющенко, И. И., 2022]. Но нормативно в настоящее время гласность сведена именно к открытости судебного разбирательства, хотя в рамках правовой науки высказывались предложения о разведении понятий «гласность» и «открытость» с тем, чтобы первый термин был ассоциирован непосредственно с процессуальной деятельностью, а второй – с организационной судебной деятельностью [Потапенко, С. В., 2020, с. 7].

Нормы ст. 241 УПК РФ одновременно и определяют открытость как общее правило, и устанавливают некий перечень исключений из этого общего правила. Перечень этот заслуживает отдельного внимания, поскольку по сути является закрытым, а соответственно, должен исчерпывающе предусматривать все правоприменительные ситуации, когда суд решает сложный вопрос о соблюдении и гласности, и баланса публичных и частных интересов. Очевидно, что, определяя в ч. 2 данной статьи те самые исключения, законодатель пытался решить сложную задачу: обеспечить баланс разнонаправленных законных интересов и не допустить необоснованно широкого правоприменительного усмотрения.

В целом такая конструкция является достаточно распространенной и присутствует в уголовном процессе и других государств. Например, такой перечень исключений закреплен в ч. 2 ст. 291 Уголовно-процессуального кодекса *Кыргызской Республики*[3], ч. 2–3 ст. 182 Уголовно-процессуального кодекса *Грузии*[4]. Отметим, что Уголовно-процессуальный кодекс *Республики Беларусь* также закрепляет такой перечень в ч. 2 ст. 23, что не помешало размещению норм, регулирующих гласность судебного разбирательства, в главе 2, поименованной «Задачи и принципы уголовного процесса»[5]. А в Уголовно-процессуальном кодексе *Азербайджана* соответствующая глава получила название «Задачи, основные принципы и условия уголовного судопроизводства», что позволило включить в нее ст. 27 «Гласность уголовного судопроизводства» и закрепить в ней общее правило гласности и общие подходы к определению исключений из правила, которые потом еще конкретизированы в ряде статей данного Кодекса[6].

---

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 129 (в ред. от 3 апреля 2024 г.). URL: https://cbd.minjust.gov.kg/112308/edition/5972/ru.

[4] Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 9 октября 2009 г. (по сост. на 21 февраля 2024 г.). URL: https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034.

[5] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З (по сост. на 9 января 2024 г.). URL: https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=HK9900295.

[6] Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (утв. Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-IQ) (по сост.

Хотя, обеспечивая открытость судебного разбирательства, суд стоит на страже важного публичного интереса, закрытие судебного заседания также может быть проведено в целях обеспечения не только частных, но и иных публичных интересов. Так, принимая решение о закрытии судебного заседания в целях обеспечения государственной тайны или тайны следствия, суд обеспечивает иные публичные интересы, ценность которых в данном конкретном случае оценивается выше, чем ценность открытости для публики правосудия по уголовным делам.

В ряде случаев речь может идти и о более сложной ситуации, когда суд одновременно пытается обеспечить и частный, и публичный интерес. Например, допуская возможность рассмотрения в закрытом судебном заседании уголовного дела в отношении несовершеннолетнего, обвиняемого в совершении преступления до наступления шестнадцатилетнего возраста, суд решает сложную задачу. С одной стороны, он снижает репутационные риски для несовершеннолетнего от распространения информации о его противоправном поведении, с другой – суд предотвращает стигматизацию несовершеннолетнего, создает предпосылки для его ресоциализации, т. е. нацелен на реализацию тех подходов, которые составляют содержание государственной уголовной политики в отношении несовершеннолетних правонарушителей.

Обратим внимание на то, что уголовно-процессуальный закон указывает лишь на право суда оценить одни законные интересы выше других и отступить от условия гласности судебного разбирательства. Речь не идет об обязанности, таковая возникает только в отношении разрешения заявленных ходатайств, касающихся открытости судебного заседания.

Хотя перечень исключений из общего правила определен, в судебной практике он не охватывает всех ситуаций, а не совсем удачные формулировки могут вызывать много вопросов. Например, уже вышеупомянутый п. 2 ч. 2 ст. 241 УПК РФ, применяемый к несовершеннолетним, не является идеальной конструкцией. Норма изложена таким образом, что суд не всегда понимает, на какой момент несовершеннолетний не должен был достигнуть возраста шестнадцати лет. На практике это ведет к тому, что трактуется это положение как применимое и к не достигшим указанной возрастной границы на момент совершения преступления, и к не достигшим возраста шестнадцати лет на момент производства по уголовному делу в суде. Суды затрудняются в применении положений ст. 241 УПК РФ и в ситуациях, когда преступление было совершено подростком до достижения шестнадцати лет, а на момент судебного разбирательства на скамье подсудимых находится уже совершеннолетний молодой человек [Марковичева, Е. В., 2024, с. 90–92].

Ряд правозначимых ситуаций оказался не охвачен исключениями из общего правила. Это касается целого ряда уголовных дел с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, к которым в конкретном судеб-

---

на 17 февраля 2023 г.). URL: https://www.migration.gov.az/content/pdf/f5875139b52568b64830edb7a3d5855d.pdf.

ном разбирательстве сложно применить положения п. 1 или 3 ч. 2 ст. 241 УПК РФ.

Как показала эпидемия коронавирусной инфекции, судебная практика не всегда готова решить вопрос с открытым или закрытым судебным разбирательством при наличии эпидемиологической угрозы. Президиум Верховного Суда Российской Федерации еще в 2021 г. сформулировал свою позицию, указав: «Необходимость обеспечения санитарно-эпидемиологической безопасности участников судебного заседания не может являться основанием для проведения закрытого судебного заседания»[7]. Тем не менее уже после этого суды первой и проверочных инстанций нередко полагали, что эпидемиологическая безопасность укладывается в правовые основания, предусмотренные п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ[8]. С одной стороны, стремление суда ограничить распространение заболевания обусловлено логикой обеспечения значимого публичного интереса, связанного с эпидемиологической безопасностью населения. С другой – понижение конституционного базового принципа открытости правосудия в иерархии публичных интересов может быть оправданным только при соблюдении как минимум двух условий: 1) если нет альтернативных вариантов обеспечения другого публичного интереса; 2) если необеспечение иного публичного интереса может повлечь более значимые негативные последствия для общества. Рассмотрение уголовного дела, в материалах которого имеются сведения, составляющие государственную тайну, в закрытом судебном заседании как раз отвечает этим условиям. Тогда как эпидемиологическая безопасность может быть обеспечена и иными способами, в том числе через возможность отложить судебное заседание.

В том случае, когда принцип гласности ограничивается в целях обеспечения охраняемых законом частных интересов участника процесса, обоснованность такого ограничения требует еще более сложной конструкции, где частный интерес отдельного лица приобретает общественную значимость, а значит, фактически перестает быть частным интересом в чистом виде. Кроме того, в этом случае на принятие решения судом может влиять и позиция самого лица, интересы которого суд пытается защитить. Например, это касается исследования в судебном заседании сведений о состоянии здоровья подсудимого, которые охватываются понятием врачебной тайны. Всегда ли суд должен охранять такие сведения? А если подсудимый, напротив, в целях собственной защиты желает, чтобы о состоянии его здоровья узнала общественность? Или подсудимый полагает, что меньшим злом для него будет оглашение медицинской информации о его здоровье, чем ограничение его права на получение аудиопротокола судебного заседания для наилучшей защиты? Очевидно, что в нормах самого идеального

---

[7] Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 3 (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 17 февраля 2021 г.).

[8] См., например, кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 28 февраля 2022 г. № 77-533/2022.

закона сложно предусмотреть все многообразие ситуаций, но общий подход может быть обозначен.

Приоритет гласного правосудия над другими значимыми и охраняемыми законом интересами проявляется и в том, что его ограничение допускается только в необходимом объеме: если для этого достаточно провести в закрытом режиме только часть судебного разбирательства, то необоснованным будет закрытие всего рассмотрения уголовного дела. Обратим внимание и на то, что в каждой стадии суд возвращается к этому вопросу при наличии соответствующих оснований по собственной инициативе или при рассмотрении заявленных ходатайств. Поэтому суд проверочной инстанции не может быть связан мнением суда первой инстанции по данному вопросу.

Открытым остается вопрос относительно действия правила гласности в стадии назначения судебного заседания. Как отмечалось выше, действующее законодательство допускает проведение предварительного слушания только в закрытом судебном заседании, что прямо следует из нормы, закрепленной в ч. 1 ст. 234 УПК РФ. Таким образом, действие положений ст. 241 УПК РФ не распространяется на предшествующую судебному разбирательству стадию. Эта нормативная конструкция неоднократно подвергалась критике со стороны ученых. Так, О. Ю. Гуровая видела в такой процедуре риски нарушения прав личности, неоправданного ограничения гласности и противоречие соответствующих уголовно-процессуальных норм положениям Конституции России и общепризнанным принципам международного права [Гуровая, О. Ю., 2005, с. 8]. На отсутствие открытости судебного заседания в указанной стадии обращали внимание и другие ученые при исследовании гарантий состязательности в уголовном процессе [Лотыш, Т. А., 2003, с. 7]; при раскрытии значения стадии назначения судебного заседания [Шигуров, А. В., 2006, с. 158–159].

Полагаем, нельзя утверждать, что такой подход всегда противоречит частным интересам участников процесса. В данном случае скорее можно говорить о нормативном закреплении приоритета одних публичных интересов над другими публичными интересами применительно к стадии назначения судебного заседания. Круг оснований для назначения предварительного слушания определен в ч. 2 ст. 229 УПК РФ и включает вопросы, которые разрешаются судом именно в заседании, но до начала судебного разбирательства по уголовному делу. Разрешение этих вопросов в открытом судебном заседании не отвечает в большей степени публичным интересам, поскольку способен подорвать доверие общества к органам предварительного расследования и суду. В частности, это касается оснований возвращения уголовного дела прокурору (ч. 1, 1.1, 1.2 ст. 237 УПК РФ), свидетельствующих о допущенных органами предварительного следствия и дознания нарушениях или ошибках. По такой же логике разрешается в предварительном слушании и вопрос об исключении доказательств, полученных с нарушением закона (ст. 235 УПК РФ). В таком же закрытом режиме принимается и решение о назначении судебного разбирательства с участием коллегии присяжных заседателей. В последнем случае, например, освещение журналистами информации, полученной в ходе предварительного слушания, может повлечь негативные последствия для хода рас-

смотрения дела, повлиять на беспристрастность присяжных, привести к роспуску коллегии.

В уголовно-процессуальном законе закреплено, что проведение предварительного слушания должно осуществляться с учетом требований, касающихся общего порядка подготовки к судебному заседанию (глава 33 УПК РФ), общих условий судебного разбирательства (глава 35 УПК РФ) и порядка проведения подготовительной части судебного заседания (глава 36 УПК РФ). Но изъятия из правила гласности допускаются и в самом судебном разбирательстве, которое является по общему правилу открытым и обеспечивающим реализацию соответствующих конституционных норм, гарантирующих участникам процесса, публике и представителям средств массовой информации присутствие в зале судебного заседания в ходе рассмотрения уголовного дела. Поэтому соответствующие ограничения допустимы и в предшествующей судебной стадии. Хотя предварительное слушание и является судебным заседанием, но в нем в большинстве случаев не разрешается дело по существу, а совершаются процессуальные действия, направленные на создание условий по обеспечению в дальнейшем судебного разбирательства уголовного дела. Специфика рассматриваемых в предварительном слушании вопросов ставит под сомнение целесообразность его проведения в условиях гласности, с соблюдением всех без исключения общих условий судебного разбирательства с точки зрения обеспечения как публичных, так и частных интересов. Большинство опрошенных по данному вопросу Т. К. Рябининой практических работников также разделяют позицию законодателя. С целесообразностью ограничения гласности при проведении предварительного слушания согласились 73,7% опрошенных судей, 70,5% прокуроров и 67,9% адвокатов [Рябинина, Т. К., 2021, с. 278].

Однако вызывает сомнения соответствие императивности правового предписания, закрепляющего исключительно закрытый порядок проведения предварительного слушания, принципу состязательности и задачам этой стадии, связанным с обеспечением прав участников процесса. Полагаем, что ч. 1 ст. 234 УПК РФ может быть скорректирована путем закрепления в ней возможности разрешения данного вопроса судом с учетом мнения сторон.

Определенный интерес с точки зрения реализации гласных начал в судебном разбирательстве представляет вопрос об особом мнении судьи. Закон предусматривает, что при постановлении приговора судья, оставшийся в меньшинстве, вправе изложить в письменном виде особое мнение (ч. 5 ст. 301 УПК РФ), которое приобщается к приговору и не подлежит оглашению в зале судебного заседания (ч. 5 ст. 310 УПК РФ). Такой подход в значительной мере был нацелен на то, чтобы у публики и сторон не сформировалось мнение о неправосудности постановленного приговора. Однако в 2013 г. соответствующие уголовно-процессуальные нормы были скорректированы[9] и в новой редакции предусматривают, что при провоз-

[9] Федеральный закон от 21 октября 2013 г. № 272-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления порядка ознакомления с особым мнением судьи».

глашении приговора председательствующий сообщает о наличии особого мнения судьи и разъясняет участникам судебного разбирательства право в течение трех суток заявить ходатайство об ознакомлении с особым мнением судьи и срок такого ознакомления (ч. 5 ст. 310 УПК РФ). Таким образом, законодатель пошел на компромисс. С одной стороны, до широкой публики не доводится информация о том, что судьи не пришли к единому мнению по рассмотренному уголовному делу, что должно защитить публичные интересы, связанные с отправлением правосудия, которое может стать предметом неконструктивной критики со стороны непрофессиональной публики или средств массовой информации. С другой стороны, закон ограничивает частные интересы участников процесса не полностью, допуская право сторон ознакомиться с особым мнением судьи.

Отметим, что вопрос ознакомления с особым мнением судьи в отечественном уголовно-процессуальном праве давно является предметом достаточно острой научной дискуссии [Рябинина, Т. К., 2017, с. 88]. Основные научные подходы к решению этого вопроса оформились в 90-е гг. прошлого века. Была высказана точка зрения, согласно которой особое мнение судьи – это элемент тайны совещания судей и о его содержании никто не должен знать, кроме судей вышестоящих судов [Лебедев, В. М., ред., 1997, с. 479]. Другие авторы уточняли, что закон охраняет тайну совещания судей, суждений, высказанных в ходе совещания. Но эта охрана не охватывает тайну убеждения каждого судьи, тем более что часто именно судья, оставшийся при особом мнении, будучи убежден в своей правоте и ошибочности принятого судом решения, желает, чтобы о его мнении знали другие [Кокорев, Л. Д., Котов, Д. П., 1993, с. 142]. Именно такая позиция нашла отражение и в УПК РФ, установившем, что судьи не вправе разглашать суждения, имевшие место при обсуждении и постановлении приговора (ч. 2 ст. 298 УПК РФ), что не исключает возможности при провозглашении приговора довести до сведения участников уголовного судопроизводства и иных лиц тот факт, что один из судей остался при особом мнении. К сожалению, при корректировке уголовно-процессуальных норм не все вопросы были разрешены. Например, остался открытым вопрос относительно допустимости доведения до участников процесса при ознакомлении с особым мнением фамилии судьи, его выразившего.

Определенный приоритет публичных интересов над частными (а равно и над иными, менее значимыми по логике законодателя публичными интересами) просматривается в существующем в российском уголовном процессе порядке провозглашения приговора. Именно на этом этапе судебного разбирательства гласность получила свое максимально широкое содержательное наполнение, поскольку предполагает не только беспрепятственный доступ публики в зал судебного заседания, но и получение обществом информации о результатах рассмотрения уголовного дела. Правила оглашения приговора последний раз были скорректированы в 2022 г.[10] и

[10] Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 608-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

коснулись ч. 7 ст. 241 и ч. 1 ст. 310 УПК РФ, позволяя председательствующему оглашать только вводную и резолютивную части приговора. Очевидно, что в данном случае публичный интерес, связанный с процессуальной экономией, с оптимизацией судебной деятельности, признан приоритетным. Обеспечивая тем не менее баланс публичных и частных интересов, законодатель компенсировал сторонам неоглашение описательно-мотивировочной части приговора возможностью вручения им копий полного текста приговора в течение пяти суток со дня его провозглашения (ст. 312 УПК РФ). Кроме того, для лиц, присутствующих в открытом судебном заседании, предусмотрено право вести аудиозапись и письменную запись, а с разрешения суда – и видео- и фотосъемку (ч. 5 ст. 241 УПК РФ). Тем самым доступ общества к информации о судебном разбирательстве все же обеспечивается.

Ряд вопросов, связанных с гласностью и открытостью уголовного судопроизводства, лежит не только в процессуальной, но и в организационной плоскости. Это касается размещения на сайтах судов информации о принимаемых судебных решениях и деятельности пресс-служб судов. Это организационный механизм, который вместе с процессуальным должен обеспечить общественный контроль за отправлением правосудия и определенную «прозрачность» судебной деятельности.

С проблематикой гласности судебного разбирательства связан и вопрос проведения выездных судебных заседаний. Выездные заседания получили широкое распространение в советский период как имеющие большое общественное значение. Н. В. Радутная подчеркивала, что гласность «…обеспечивает доступность судебной деятельности населению и гарантирует ее подконтрольность избирателям. Наглядность и убедительность деятельности народного суда, который широко использует выездные судебные заседания, применяя закон в условиях широкой гласности, служат иллюстрацией действенности правовых гарантий и обеспечивают условия для оценки гражданами обоснованности и справедливости принятого решения» [Радутная, Н. В., 2010, с. 156]. В 90-е годы XX в. такая практика подверглась критике со стороны ученых [Бозров, В., 1997]. Действующее уголовно-процессуальное законодательство, хотя и не исключает выездного формата проведения судебного заседания, не регламентирует детально его особенности, в том числе вопросы обеспечения гласности. Следует согласиться с теми исследователями, которые настаивают на необходимости изучения данной проблематики и внесении дополнений в уголовно-процессуальный закон [Жданова, Я. В., Крапчатова, И. Н., 2018, с. 816]. Потребность в проведении таких заседаний зачастую связана не с достижением превентивных или воспитательных целей, а с необходимостью проверки доказательств, участием в процессе лица, которое отбывает наказание или находится в лечебном учреждении. В настоящее время нормативно порядок проведения таких заседаний определен недостаточно детально и требует уточнения и конкретизации. Хотя законодатель предпринял шаги к тому, чтобы минимизировать вероятность проведения таких заседаний, и ввел в УПК РФ ст. 241.1, регламентирующую особенности дистанционного судебного разбирательства с использованием систем

видео-конференц-связи[11], полностью в обозримом будущем исключить ситуацию выездных судебных заседаний невозможно. Это связано и с ограниченными техническими возможностями, и со спецификой отдельных уголовных дел. Соответственно, встает вопрос о применении принципа гласности к судебным заседаниям с использованием систем видео-конференц-связи и к собственно выездным заседаниям. И вопрос этот требует изучения и разрешения на нормативном уровне с тем, чтобы обеспечить разумный баланс между публичными интересами, связанными с отправлением правосудия и процессуальной экономией, и частными интересами участников уголовного процесса.

Обсуждение и заключение

Отход от фундаментального конституционного принципа гласности при рассмотрении уголовных дел допускается только в целях охраны более значимых, охраняемых законом интересов. В такой конструкции даже частный интерес участника процесса перестает быть исключительно частным и приобретает некий публичный характер, поскольку публичное распространение информации о тех или иных сторонах его жизни в предусмотренных законом случаях может иметь негативные последствия не только для этого лица, но и для общества и общественных ценностей в целом. В силу этого обстоятельства в уголовном процессе большинства государств гласность может ограничиваться, когда речь идет об интимных сферах жизни участников процесса.

Закрепление в нормах закона исключений из правила открытости судебного разбирательства по уголовным делам образует лишь правовое основание для охраны судом публичных и частных интересов участников процесса и иных лиц. Однако применение любого исключения из правила требует наличия соответствующих фактических оснований, закрепленных в материалах конкретного уголовного дела. Эта фактическая составляющая процесса ограничения должна определить рамки реализации судом дискреционных полномочий и позволяет суду проверочной инстанции проверить обоснованность и законность принятого судом решения.

В любом случае ограничение гласности в целях обеспечения иных значимых частных и публичных интересов не может носить абсолютного характера, поскольку вводная и резолютивная части приговора оглашаются судом всегда в открытом судебном заседании после постановления этого приговора или иного судебного решения. Отступление от данного принципа должно проводиться в тех минимальных границах, которые позволят обеспечить необходимый баланс законных интересов участников процесса и общества в целом.

В перспективе необходимо исследование проблематики обеспечения баланса публичных и частных интересов в контексте реализации конституционного принципа гласности с учетом трансформации уголовного процесса в условиях его нарастающей информатизации. Отдельного внимания

[11] Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

заслуживает и ряд других вопросов, связанных с обеспечением гласности в разных стадиях и производствах. Разработка конструктивных предложений российскому законодателю и научно обоснованных рекомендаций правоприменителю может быть проведена более эффективно при условии изучения позитивного опыта отдельных государств.

Список источников

Бозров В. Выездные процессы? Я – против! // Российская юстиция. 1997. № 5. С. 41.

Вилкова Т. Ю. Принципы уголовного судопроизводства и общие условия судебного разбирательства, характеризующие деятельность суда // Российская юстиция. 2017. № 1. С. 34–36.

Володина Л. М. Система принципов уголовного судопроизводства // Принципы уголовного судопроизводства и их реализация при производстве по уголовным делам : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. 5–6 апр. 2016 г. (г. Москва). М. : РГУП, 2016. С. 52–58.

Гурова О. Ю. Теоретические и практические проблемы назначения судебного заседания по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 25 с.

Жданова Я. В., Крапчатова И. Н. Международные и государственные стандарты гласности судебного разбирательства в уголовном процессе России: теория и практика // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. 2018. Т. 28, вып. 6. С. 812–817.

Каминский Э. С. О публичном и частном интересе в уголовном судопроизводстве // Ученые записки Казанского филиала Российского государственного университета правосудия. 2018. Т. 14. С. 270–280.

Качалова О. В., Хроменков И. Р. Обеспечение судом правовых интересов в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Правосудие. 2023. Т. 5, № 1. С. 177–192. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.177-192.

Кирющенко И. И. Открытость и прозрачность информации о судебной деятельности в аспекте формирования судейского корпуса // Российский судья. 2022. № 7. С. 53–56. DOI: 10.18572/1812-3791-2022-7-53-56.

Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Этика уголовного процесса : учеб. пособие. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1993. 224 с. ISBN: 5-7455-0684-9.

Кони А. Ф. Курс уголовного судопроизводства. М. : Американская ассоциация юристов, 2011. 280 с. ISBN: 978-l-61632-110-9.

Лотыш Т. А. Принцип состязательности и гарантии его обеспечения в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 20 с.

Макарова З. В. Гласность советского уголовного судопроизводства // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1986. № 3. С. 91–94.

Манова Н. С., Баранова М. А. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 45. С. 564–593. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-564-593.

Марковичева Е. В. Условия ограничения гласности судебного разбирательства по уголовному делу // Уголовный процесс. 2024. № 3. С. 88–96.

Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под общ. ред. В. М. Лебедева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Спарк, 1997. 788 с. ISBN: 5-88914-071-X.

Потапенко С. В. Открытость и гласность судопроизводства в свете Концепции информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы // Труды по интеллектуальной собственности. 2020. Т. 35, № 1–2. С. 5–17. DOI: 10.17323/tis.2020.13391.

Радутная Н. В. Избранное. М. : РАП, 2010. 349 с. ISBN: 978-5-93916-260-9.

Рябинина Т. К. Реализация судебной власти на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию: теория и правоприменение : дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2021. 545 с.

Рябинина Т. К. Нравственные аспекты постановления приговора // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 2 (16). С. 86–94.

Свежинцев Е. И. Реализация конституционного права на доступ к информации и гласность уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 1 (40). С. 93–97.

Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. Т. 1. СПб. : Альфа, 1996. 552 с. ISBN: 5-87062-032-5.

Шигуров А. В. Контрольный и правовосстановительный характер стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию, ее место в механизме обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства // Защита прав, свобод и законных интересов личности в российском уголовном судопроизводстве : моногр. / Л. Д. Калинкина и др. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2006. С. 149–167. ISBN: 5-7595-1725-2.

References

Bozrov, V., 1997. [Exit processes? I'm against!]. *Rossijskaya yustitsiya* = [Russian Justice], 5, p. 41. (In Russ.)

Foynitsky, I. Ya., 1996. *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva* = [Course of criminal proceedings]. In 2 vols. Vol. 1. St. Petersburg. (In Russ.) ISBN: 5-87062-032-5.

Gurova, O. Yu., 2005. *Teoreticheskie i prakticheskie problemy naznacheniya sudebnogo zasedaniya po ugolovnym delam* = [Theoretical

and practical problems of scheduling a court hearing in criminal cases]. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow. 25 p. (In Russ.)

Kachalova, O. V., Khromenkov, I. R., 2023. Provision by the court of legal interests in the pre-trial stages of criminal proceedings. *Pravosudie/Justice*, 5(1), pp. 177–192. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.177-192.

Kaminsky, E. S., 2018. [On public and private interests in criminal proceedings]. *Uchenye zapiski Kazanskogo filiala Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudiya* = [Scientific Notes of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice], 14, pp. 270–280. (In Russ.)

Kiryushchenko, I. I., 2022. Openness and transparent nature of the information on court activities in terms of judiciary staff establishment. *Rossijskij sud'ya* = [Russian Judge], 7, pp. 53–56. (In Russ.) DOI: 10.18572/1812-3791-2022-7-53-56.

Kokorev, L. D., Kotov, D. P., 1993. *Etika ugolovnogo protsessa* = [Ethics of criminal proceedings]. Voronezh: Publishing House of Voronezh University. 224 p. (In Russ.) ISBN: 5-7455-0684-9.

Koni, A. F., 2011. *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva* = [Course of criminal proceedings]. Moscow: American Bar Association. 280 p. (In Russ.) ISBN: 978-l-61632-110-9.

Lebedev, V. M., ed., 1997. *Nauchno-prakticheskij kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu RSFSR* = [Scientific and practical commentary on the Criminal Procedure Code of the RSFSR]. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Spark. 788 p. (In Russ.) ISBN: 5-88914-071-X.

Lotysh, T. A., 2003. *Printsip sostyazatel'nosti i garantii ego obespecheniya v ugolovnom sudoproizvodstve* = [The principle of adversarialism and guarantees of its provision in criminal proceedings]. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow. 20 p. (In Russ.)

Makarova, Z. V., 1986. [Glasnost of Soviet criminal proceedings]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Pravovedenie* = [News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence], 3, pp. 91–94. (In Russ.)

Manova, N. S., Baranova, M. A., 2019. Principles of criminal proceedings as implementation of moral foundations of criminal procedural activities. *Perm University Herald. Juridical Sciences*, 45, pp. 564–593. (In Russ.) DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-564-593.

Markovicheva, E. V., 2024. [Conditions for limiting the publicity of judicial proceedings in a criminal case]. *Ugolovnyj protsess* = [Criminal Process], 3, pp. 88–96. (In Russ.)

Potapenko, S. V., 2020. [Openness and transparency of legal proceedings in the light of the Concept of information policy of the judicial system for 2020–2030]. *Trudy po intellektual'noj sobstvennosti* = [Proceedings on Intellectual Property], 1–2, pp. 5–17. (In Russ.) DOI: 10.17323/tis.2020.13391.

Radutnaya, N. V., 2010. *Izbrannoe* = [Selected papers]. Moscow: Russian Academy of Justice. 349 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-93916-260-9.

Ryabinina, T. K., 2017. [Moral aspects of sentencing]. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya* = [Siberian Criminal Procedural and Forensic Readings], 2, pp. 86–94. (In Russ.).

Ryabinina, T. K., 2021. *Realizatsiya sudebnoj vlasti na stadii podgotovki ugolovnogo dela k sudebnomu zasedaniyu: teoriya i pravoprimenenie* = [Implementation of judicial power at the stage of preparing a criminal case for a court hearing: theory and law enforcement]. Dr. Sci. (Law) Dissertation. Saratov. 545 p. (In Russ.)

Shigurov, A. V., 2006. [Control and restorative nature of the stage of preparing a criminal case for a court hearing, its place in the mechanism for ensuring the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings]. In: L. D. Kalinkina, et al. *Zashchita prav, svobod i zakonnykh interesov lichnosti v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve* = [Protection of the rights, freedoms and legitimate interests of the individual in Russian criminal proceedings]. Monograph. Saransk: Mordovian Book Publishing House. Pp. 149–167. (In Russ.) ISBN: 5-7595-1725-2.

Svezhintsev, E. I., 2017. [Implementation of the constitutional right to access to information and transparency of criminal proceedings]. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii* = [Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 1, pp. 93–97. (In Russ.)

Vilkova, T. Yu., 2017. Principles of criminal procedure and the general conditions of the trial, characterizing the activities of the court. *Rossijskaya yustitsiya* = [Russian Justice], 1, pp. 34–36. (In Russ.)

Volodina, L. M., 2016. [System of principles of criminal proceedings]. In: *Printsipy ugolovnogo sudoproizvodstva i ikh realizatsiya pri proizvodstve po ugolovnym delam* = [Principles of criminal proceedings and their implementation in criminal proceedings]. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference, April 5–6, 2016 (Moscow). Moscow: Russian State University of Justice. Pp. 52–58. (In Russ.)

Zhdanova, Ya. V., Krapchatova, I. N., 2018. International and domestic standards of publicity of judical proceedings in the criminal process of Russia: theory and practice. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Ekonomika i pravo* = [Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law], 6, pp. 812–817. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Марковичева Елена Викторовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Elena V. Markovicheva, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Radutnaya Criminal Procedure Law Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Рябинина Татьяна Кимовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета (Российская Федерация, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94).
Tatyana K. Ryabinina, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Criminal Procedure and Forensic Science Department, South-West State University (94, 50 let Oktyabrya St., Kursk, 305040, Russian Federation).

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
The authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 27.06.2024; одобрена после рецензирования 02.07.2024; принята к публикации 08.10.2024.
The article was submitted 27.06.2024; approved after reviewing 02.07.2024; accepted for publication 08.10.2024.

Научная статья
УДК 343.21
DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.151-170

Отсрочка отбывания наказания в связи с прохождением военной службы (приравненной службы) в особые периоды времени: исторический опыт, современный подход, проблемы регламентации

Виктор Петрович Бодаевский

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия, Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
bvp70@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-2185-5791

Аннотация
Введение. Данное исследование посвящено проблемам регулирования специально-воинских видов освобождения от уголовной ответственности и наказания, предусмотренных в настоящее время ст. 78.1 и 80.2 УК РФ. Поднимаемые в нем вопросы с учетом сложившихся современных условий имеют особую актуальность и важное значение для доктрины уголовного права.
Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу настоящей научной работы составили труды известных отечественных ученых по анализируемой теме и связанным с нею аспектам. В ходе проведения исследования использовались как общенаучные, так и частнонаучные методы познания, в том числе диалектический, системного анализа, синтеза, сопоставления, интерпретации (толкования права), историко-правовой и др.
Результаты исследования. Сформулированы соответствующие выводы и предложения. Констатируется, что действующее военное законодательство и отсылающие к нему бланкетные предписания ст. 78.1 и 80.2 УК РФ в части запрета принятия на военную службу в период применения военной силы в мирное время и ограничения принятия на военную службу в особые периоды времени лиц, совершивших преступления, а соответственно, «усечения» правовых оснований для освобождения их от уголовной ответственности и отбывания наказания в связи с прохождением военной службы (приравненной службы) в особые периоды времени не коррелируются с положениями конституционного, уголовно-процессуального, военного и другого отраслевого законодательства.
Обсуждение и заключение. Предлагается учесть исторический опыт и вернуться к работе над конструированием предписаний уголовного закона, предусматривающих основания и условия предоставления отсрочки отбывания назначенного или неотбытого наказания в связи с прохождением военной службы (приравненной службы) в особые периоды времени. Основываясь на приведен-

© Бодаевский В. П., 2024

ных аргументах, автор делает вывод относительно того, что эти предписания позволят более эффективно реализовать конституционные требования об обязанности всех граждан защищать свое Отечество, соблюсти права освобождаемых лиц и устранить существующие в исследуемой части противоречия уголовного закона с предписаниями других отраслей законодательства.

Ключевые слова: особые периоды времени, отсрочка отбывания наказания, прохождение военной службы (приравненной службы), пребывание в добровольческом формировании, основания и условия применения отсрочки, освобождение от наказания

Для цитирования: Бодаевский В. П. Отсрочка отбывания наказания в связи с прохождением военной службы (приравненной службы) в особые периоды времени: исторический опыт, современный подход, проблемы регламентации // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 4. С. 151–170. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.151-170.

Original article

Postponement of Serving a Sentence in Connection with Military Service (Equivalent Service) in Special Periods of Time: Historical Experience, Modern Approach, Problems of Regulation

Viktor P. Bodaevsky

Crimean Branch, Russian State University of Justice, Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation
bvp70@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-2185-5791

Abstract
Introduction. This study is devoted to the problems of regulation and application of special military types of exemption from criminal liability and punishment, currently provided for in Art. 78.1 and 80.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The issues raised in it, taking into account the prevailing modern conditions, are of particular relevance and importance for the doctrine of criminal law.
Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis of this scientific work is the works of famous Russian scientists on the analyzed topic and related aspects. During the research, both general scientific and private scientific methods of cognition were used, including dialectical, system analysis, synthesis, comparison, interpretation (interpretation of law), historical and legal, etc.
Results. Relevant conclusions and suggestions have been formulated. It is stated that the current military legislation and the blank prescriptions of Art. 78.1 and 80.2 of the Criminal Code of the Russian Federation referring to it, regarding the prohibition of admission to military service during the use of military force in peacetime and restrictions on the admission to military service in special periods of time of persons who have committed crimes, and accordingly, “truncation” of the legal grounds for their release from criminal liability and serving a sentence, in connection with military service (equivalent service) in special periods of time, is not correlated with the provisions of constitutional, criminal procedure, military and other sectoral legislation.

Discussion and Conclusion. In this regard, it is proposed to take into account historical experience and return to work on the construction of the prescriptions of the criminal law, providing for the grounds and conditions for granting a delay in serving a sentence imposed or not served, in connection with military service (equivalent service) in special periods of time. Based on the above arguments, it is concluded that these regulations will make it possible to more effectively implement the constitutional requirements on the obligation of all citizens to defend their Homeland, respect the rights of released persons and eliminate the contradictions of the criminal law with the prescriptions of other branches of legislation existing in the studied part.

Keywords: special periods of time, postponement of serving a sentence, military service (equivalent service), stay in a volunteer formation, grounds and conditions for the application of a deferral, exemption from punishment

For citation: Bodaevsky, V. P., 2024. Postponement of serving a sentence in connection with military service (equivalent service) in special periods of time: historical experience, modern approach, problems of regulation. *Pravosudie/Justice*, 6(4), pp. 151–170. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.151-170.

Введение

Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[1] (далее – Закон № 64-ФЗ) в его ст. 1 предусмотрены специально-воинские виды освобождения от уголовной ответственности (ст. 78.1 УК РФ) и наказания (ст. 80.2 УК РФ) лиц, проходящих военную службу или поступающих на нее в особые периоды времени (в период мобилизации, в период военного положения, в военное время), а также условия погашения судимости этих лиц (ч. 3.1 ст. 86 УК РФ).

Как следует из смысла содержания ст. 78.1 УК РФ, закрепленный в ней вид освобождения от уголовной ответственности включает в качестве оснований своей реализации приостановление предварительного расследования по ходатайству командования и последующее поступление на военную службу или ее прохождение в особые периоды времени, что фактически представляет собой отсрочку от привлечения к уголовной ответственности – перенос этого вида ответственности на более поздний срок [Базаров, Р. А., 2008, с. 607]. Условиями непосредственно освобождения от уголовной ответственности выступают соответствующие юридические факты, предусмотренные п. «а» и «б» ч. 1 ст. 78.1 УК РФ. Последняя относится к новеллам уголовного права России.

Для специально-воинского вида освобождения от наказания, как показывает анализ ч. 1 ст. 80.2 УК РФ, законодатель предусмотрел те же основания его применения, как и для освобождения от уголовной ответственности, т. е. поступление осужденных на военную службу в особые периоды времени. Для этого лицо, отбывающее наказание, освобождается от него условно, что, основываясь на системном толковании предписаний ст. 79 и ч. 1 ст. 80.2 УК РФ, указывает на правовую суть данного вида освобождения от наказания как разновидности условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.

[1] Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

При этом из смысла ч. 2 ст. 80.2 УК РФ следует, что основанием окончательного освобождения от наказания указанных лиц является предшествующее этому их условное освобождение в связи с прохождением ими военной службы. Условия же окончательного освобождения в этом случае тождественны специально-воинскому освобождению от уголовной ответственности.

В контексте изложенного необходимо также отметить, что цитируемые предписания Закона № 64-ФЗ по своему содержанию представляют собой усовершенствованную версию положений Федерального закона от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» (далее – Закон № 270-ФЗ). Этот Закон являлся самостоятельным нормативным актом и действовал отдельно от УК РФ. Между его предписаниями и положениями конституционного, уголовно-процессуального, военного и другого отраслевого законодательства практически отсутствовали координационные связи. Очевидно, преимущественно это и послужило причиной прекращения действия Закона № 270-ФЗ.

Вне всяких сомнений, цели и задачи, поставленные законодателем сначала перед указанным Законом, а затем ст. 78.1, 80.2, ч. 3.1 ст. 86 УК РФ, следует признать важными и необходимыми, соответствующими современным условиям, поскольку они направлены: во-первых, не только на пополнение действующих войск, но и на сохранение уже проходящего военную службу личного состава, имеющего необходимую для боевой работы подготовку; во-вторых, на обеспечение реализации конституционных долга и обязанности граждан по защите Отечества. Однако предписания указанных статей уголовного закона сохранили многие недостатки упомянутого Закона № 270-ФЗ, связанные не только с несовершенством, но и с отсутствием координационных связей с положениями отраслевого законодательства, заключающиеся прежде всего в существовании «диссонанса» с военным законодательством.

Целями настоящего исследования выступают формирование новых научных взглядов и подходов, касающихся проблем регламентации и применения специально-воинских видов освобождения от уголовной ответственности и наказания, а также разработка путей их разрешения.

Теоретические основы. Методы

Правовое регулирование специально-воинских видов освобождения от уголовной ответственности и наказания имеет важное значение в доктрине уголовного права. Теоретическую основу настоящего исследования составили труды таких отечественных ученых, как А. А. Арямов, Р. А. Базаров, В. И. Боев, А. В. Бриллиантов, Н. В. Васильев, И. З. Галиуллин, И. Т. Голякова, В. К. Дюнов, Я. Н. Ермолович, А. В. Кудашкин, Н. Ф. Кузнецова, А. В. Мороз, Р. А. Сабитов, А. Н. Тарбагаев, В. В. Хомчик, В. М. Чхиквадзе, В. В. Щербаков, В. П. Щупленков и др.

Методологической базой исследования послужили как общенаучные, так и частнонаучные методы научного познания, в том числе диалектический, системного анализа, синтеза, сопоставления, интерпретации (толкования права), историко-правовой и др.

Результаты исследования

Диссонанс предписаний ст. 78.1 и 80.2 УК РФ по отношению к положениям конституционного, уголовно-процессуального, военного и другого отраслевого законодательства подтверждается следующими аргументами. Так, ст. 59 Конституции Российской Федерации устанавливает обязанность каждого гражданина России защищать свое Отечество, которая одновременно коррелируется с правом на такую деятельность. Как отметил в свое время один из основателей советской теории военно-уголовного права В. М. Чхиквадзе [Кудашкин, А. В., 2023, с. 183], «…осужденный за воинское или общеуголовное преступление не перестает быть гражданином своего Отечества, и поэтому не может быть, как правило, лишен возможности с оружием в руках защищать его от нападения врага» [Чхиквадзе, В. М., 1948, с. 251]. Между тем действующее военное законодательство, к которому отсылают бланкетные предписания ст. 78.1 и 80.2 УК РФ, противоречит цитируемым конституционным предписаниям в части запрета в мирное время, при выполнении боевых задач и ограничения принятия на военную службу в другие особые периоды времени лиц, совершивших преступления, а соответственно, освобождения их по специальным основаниям и условиям от уголовной ответственности и наказания. К тому же содержание ст. 78.1 УК РФ не согласуется с предписаниями ч. 1 ст. 49 Конституции Российской Федерации, ч. 1 ст. 5 и ст. 8 УК РФ, а в некоторых случаях с УПК РФ. Несогласованность с УПК РФ имеет место и у предписаний ст. 80.2 УК РФ, о чем будет вестись речь далее.

В частности, в мирное время при применении военной силы, например, в контртеррористических операциях, в миротворческих операциях и в локальных вооруженных конфликтах иного характера, протекающих в отсутствие состояния войны (эти периоды также являются особыми), предписание п. 3 ст. 23 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»[2] (далее – Закон № 53-ФЗ) запрещает призывать на военную службу, а п. 5 ст. 34 этого же Закона[3] – заключать контракт с гражданами, в отношении которых ведутся дознание либо предварительное следствие или уголовное дело передано в суд, вынесен обвинительный приговор и которым назначено наказание, имеющими неснятую или непогашенную судимость за совершение преступления, отбывавшими уголовное наказание в виде лишения свободы. Контракт также не может быть заключен с лицом, лишенным на установленный срок права занимать воинскую должность вступившим в законную силу решением суда. Военнослужащие, осужденные в мирное время к лишению свободы (а проходящие военную службу по контракту и в случае, если данный вид наказания назначен им условно за преступление, совершенное

---

[2] Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] См. также: Положение о порядке прохождения военной службы (утв. Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237 «Вопросы прохождения военной службы» (п. 3 ст. 4) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 38. Ст. 4534.

умышленно) и лишению воинского звания, подлежат увольнению с военной службы (подп. «д», «е», «е.1», «з» п. 1 ст. 51 Закона № 53-ФЗ).

Такой же подход законодателя наблюдается и применительно к предусмотренным ст. 78.1, 80.2 и ч. 3.1 ст. 86 УК РФ особым периодам времени: военное законодательство прямо ограничивает при их наступлении применение предписаний этих статей указанием на то, что не могут быть принятыми на военную службу по призыву или по контракту следующие лица: а) не имеющие гражданства Российской Федерации[4] (применительно к призыву, в том числе по мобилизации); б) не состоящие в запасе (касается граждан при решении вопроса о призыве их по мобилизации); в) совершившие преступления, перечень которых указан в подп. «б» п. 5.1 ст. 34 Закона № 53-ФЗ; г) отбывающие наказания в виде обязательных работ, ограничения свободы, ареста или лишения свободы (распространяется на призыв, не связанный с мобилизацией, однако и в этот особый период подлежат увольнению с военной службы лица, в отношении которых вступил в законную силу приговор суда о назначении наказания в виде лишения свободы, а также на заключение контракта, если данный вид наказания назначен или лицо его отбывает, такой вывод следует из содержания подп. «а» п. 3 ст. 23 и п. 5.1 ст. 34 Закона № 53-ФЗ, п. 4 ст. 17 Закона № 31-ФЗ[5], подп. «в» п. 5 Указа Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647[6]); д) имеющие судимость за совершение преступлений, перечисленных в подп. «а» п. 5.1 ст. 34 Закона № 53-ФЗ и п. 4 ст. 17 Закона № 31-ФЗ.

Аналогичные закрепленным в п. 5 ст. 34 Закона № 53-ФЗ запреты, являющиеся основанием для возврата заявлений граждан, изъявивших желание поступить в добровольческое формирование, предусмотрены подп. 2 и 3 п. 6 Порядка поступления граждан Российской Федерации в добровольческие формирования, пребывания в них и исключения из них, требований, предъявляемых к гражданам Российской Федерации, поступающим в добровольческие формирования и пребывающим в них, введенного в действие приказом Министра обороны Российской Федерации от 15 февраля 2023 г. № 67, а также абз. 2 п. 14 этого Порядка как основанием для отказа заключить контракт с такими лицами[7].

---

[4] Иностранные граждане, законно находящиеся на территории Российской Федерации, вправе заключать контракт о прохождении военной службы (см. п. 1 и 2 ст. 34 Закона № 53-ФЗ).

[5] Федеральный закон от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» (ред. от 23 марта 2024 г.). Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

[6] Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

[7] Приказ Министра обороны Российской Федерации от 15 февраля 2023 г. № 67 «Об определении порядка поступления граждан Российской Федерации в добровольческие формирования, пребывания в них и исключения из них, требований, предъявляемых к гражданам Российской Федерации, поступающим в добровольческие формирования и пребывающим в них, а также порядка за-

Кроме того, по-нашему мнению, предписания ст. 78.1 УК РФ не в полной мере способствуют соблюдению прав лица, вина которого в совершении преступления не доказана. Впрочем, это характерно практически для всех видов освобождения от уголовной ответственности. Так, в ст. 78.1 УК РФ предусматривается, что ее предписания распространяются только на лиц, совершивших преступление как до поступления на военную службу в особые периоды времени, так и в ходе ее прохождения. Это положение с первого взгляда выглядит последовательным и логичным, освободить от уголовной ответственности можно только после того, как данная ответственность возникнет. Основанием уголовной ответственности согласно ст. 8 УК РФ является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, т. е. для признания деяния преступлением оно должно быть виновным. Следовательно, в таком случае неправильно было бы думать, что освобождаемые лица не являются невиновными, в противном случае они не подлежат освобождению от уголовной ответственности, а в соответствии с ч. 1 ст. 24 и ч. 1 ст. 27 УПК РФ возбужденное уголовное дело в отношении них должно прекращаться по основаниям, относящимся к реабилитирующим. Между тем указание законодателя на совершение преступления без установления вины противоречит требованиям ч. 1 ст. 49 Конституции Российской Федерации и ч. 1 ст. 5 УК РФ, запрещающим признавать лицо совершившим преступление, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в силу обвинительным приговором суда.

Применительно к данной позиции следует отметить, что в отечественной юридической литературе многие ученые (например: [Сабитов, Р. А., 2022, с. 295–297; Тарбагаев, А. Н., 1994, с. 19; Щербаков, В. В., 1998, с. 7–8]) отстаивают мнение о необходимости исключения из действующего уголовного закона на основании вышеназванных аргументов института освобождения от уголовной ответственности и одновременно увеличения числа видов освобождения от наказания.

Как представляется, чтобы хоть как-то исправить сложившуюся ситуацию, законодатель предусмотрел, в том числе в ч. 2 ст. 27, ч. 2 и 3 ст. 28.2 УПК РФ, в качестве обязательного условия применения данного института согласие освобождаемого лица. Вместе с тем призыв как в мирное время, так и в особые периоды, представляя собой базовую составляющую основания применения рассматриваемого вида освобождения от уголовной ответственности, не относится к порядку добровольного поступления на военную службу. Согласно ст. 24, 27 и 28.2 УПК РФ освобождение от уголовной ответственности осуществляется в форме прекращения уголовного дела (уголовного преследования), но, как уже отмечалось, при условии изъявления согласия освобождаемого лица. Если же такое лицо возражает против прекращения уголовного дела, то производство по нему продолжается в обычном порядке. На значении данного условия для освобождения от

ключения контракта гражданами Российской Федерации о пребывании в добровольческом формировании и типовой формы контракта». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

уголовной ответственности акцентируется внимание и в п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»[8]. При этом согласно ч. 1 ст. 78.1 УК РФ другим базовым элементом основания освобождения от уголовной ответственности, функционально предназначенным для обеспечения возможности призыва на военную службу по мобилизации или в военное время лиц, совершивших преступления, является приостановление предварительного следствия. В то же время ст. 208 УПК РФ, устанавливающая основания, порядок и сроки данного приостановления, не предусматривает на это согласия указанных лиц, что очевидно обусловлено традиционной спецификой причин приостановления предварительного следствия, которые, судя по содержанию перечисленных в этой статье оснований, кроме закрепленных в п. 3.1 ее ч. 1, не позволяют получить такого согласия или его получение нецелесообразно. Мы считаем, что изложенное свидетельствует об отсутствии между предписаниями ст. 78.1 УК РФ и ст. 208 УПК РФ координационных связей. Названное условие согласно ст. 28.2 УПК РФ предусмотрено лишь на последнем этапе освобождения от уголовной ответственности – непосредственно перед прекращением уголовного преследования.

Вместе с тем моменты приостановления предварительного следствия и разъяснения о правовых последствиях прекращения уголовного преследования могут быть разъединены между собой длительным промежутком времени, а кроме того, вследствие воздействия различных рисков и факторов (в частности, в случае тяжелого ранения или гибели военнослужащего), свойственных особым периодам времени, будет сложно, а порой даже невозможно установить виновность или невиновность лица в совершении инкриминируемого ему деяния.

Учитывая изложенное, мы считаем, что оптимальным способом устранения указанных несоответствий было бы дополнение уголовного закона апробированной на практике в советский период отсрочкой назначенного или неотбытого наказания в связи с пребыванием либо поступлением на военную службу в особые периоды времени и исключение из УК РФ предписаний ст. 78.1 и 80.2 с учетом сегодняшних реалий. Основания и условия предоставления указанной отсрочки связываются с оставлением военнослужащих на военной службе, а поступающих на военную службу – с направлением в действующие войска.

Нормативные предписания, предусматривающие данную отсрочку, будут способствовать более эффективной реализации конституционных требований об обязанности граждан защищать свое Отечество и обязательном установлении вины при признании лица совершившим преступление, а также стимулированию внесения соответствующих изменений и дополне-

---

[8] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29 ноября 2016 г.) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

ний в военное законодательство (в том числе относительно граждан, которым наказание назначено или его отбывающих), что, в свою очередь, позволит повсеместно применять эти предписания на практике[9] (в настоящее время применение ст. 80.2 УК РФ нельзя назвать распространенным).

В советский период отсрочка от исполнения приговора распространялась на осужденных военнослужащих, а также на военнообязанных[10] и ряд гражданских лиц[11]. Изначально как специально-воинский вид освобождения от уголовного наказания она была закреплена в ряде нормативных и разъяснительных актов, ключевыми из которых были Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, а также УК РСФСР в редакциях, относящихся к 1928 г.[12] В том или ином виде

---

[9] В предыдущих своих публикациях мы уже затрагивали данную проблему и приводили соответствующие аргументы в обоснование указанного предложения. См., например: [Бодаевский, В. П., 2023].

[10] См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 22 января 1942 г. № 2/3/у «О применении ст. 19.2 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик к военнообязанным, подлежащим призыву или мобилизации». URL: https://istmat.org/node/24369 (дата обращения: 25.10.2022) ; Приказ НКО, НКЮ, НКВД и Прокурора СССР от 13 марта 1942 г.

[11] В частности, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1942 г. действие примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР распространялось на работников железнодорожного и водного транспорта призывного возраста. Эти лица, годные к несению военной службы, направлялись в действующую армию, а не годные – на предприятия с использованием по усмотрению руководителей предприятий (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1942 г. «Об отсрочке исполнения приговоров в отношении работников железнодорожного и водного транспорта» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. Ю. И. Мандельштам. М. : Госюриздат, 1956. С. 415–416). Кроме того, в силу специальных указаний Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 1 августа 1942 г. примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР применялось и к лицам, уклоняющимся в военное время от военного учета (Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 1 августа 1942 г. № 14/м/12/у «О возможности применения прим. 2 к ст. 28 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик к лицам, осужденным за уклонение в военное время от военного учета». URL: https://istmat.org/node/67078).

[12] См.: Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров РСФСР от 9 января 1928 г. «Об изменении главы девятой, дополнении ст. 28 и изменении примечания 2 к статье 58.6 УК РСФСР» // Собрание узаконений РСФСР. 1928. № 12. Ст. 108 ; Постановление Центрального исполнительного комитета СССР, Совета народных комиссаров СССР от 23 мая 1928 г. «О дополнении и изменении Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и положений о военных трибуналах и военной прокуратуре» // Собрание законодательства СССР. 1928. № 34. Ст. 298 ; Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров РСФСР от 1 октября 1928 г. «Об изменении примечаний к статьям 28 и 30 УК РСФСР и об отмене примечания к ст. 59.5 того же Кодекса» // Собрание узаконений РСФСР. 1928. № 127. Ст. 816.

отсрочка просуществовала практически до введения в действие УК РФ 1996 г. (см., например, ст. 46 УК РСФСР 1960 г. в ред. от 30.07.1996). Интересным применительно к указанному является и то обстоятельство, что в действующем уголовном законе данный вид освобождения от наказания с другим правовым значением и кругом лиц (беременные женщины, лица, имеющие ребенка в возрасте до четырнадцати лет или являющиеся единственным родителем, а также лица, изъявившие желание добровольно пройти курс лечения от наркомании) предусмотрен ст. 82 и 82.1 УК РФ, для его обозначения используется терминологический оборот «отсрочка отбывания наказания». В то же время в ст. 398 УПК РФ, которой уточняются и дублируются положения ст. 82 и 82.1 УК РФ, используется терминология советского времени – «отсрочка исполнения приговора».

Согласно примечанию 2 к ст. 28 УК РСФСР 1926 г. (в ред. 1928 г.) приговор в отношении военнослужащего в военное время, которому назначена мера социальной защиты в виде лишения свободы без поражения прав, мог быть по определению суда, вынесшего этот приговор, отсрочен исполнителем до окончания военных действий с тем, что осужденный направлялся в действующую армию.

Относительно военнослужащих, проявивших себя в составе действующей армии стойкими защитниками СССР, допускались по ходатайству соответствующего военного начальства освобождение от назначенной ранее меры социальной защиты либо замена ее более мягкой мерой социальной защиты по определению суда, вынесшего приговор [Голяков, И. Т., ред., 1946, с. 32].

По нашему мнению, цитируемые предписания советского военно-уголовного законодательства должны служить точкой отсчета, от которой необходимо отталкиваться в сложившихся современных условиях при конструировании правовых норм о таком специально-воинском виде освобождения от наказания, как отсрочка отбывания назначенного или неотбытого наказания в особые периоды времени.

Опыт законодательного закрепления и применения отсрочки исполнения приговора в военное время в отношении военнослужащих и лиц, призываемых на военную службу, комплексно изучался многими отечественными учеными (например: [Васильев, Н. В., 1945; Мороз, А. В., 2019, с. 12–13, 22–23; Чхиквадзе, В. М., 1948, с. 250–251] и др.).

Предписания об отсрочке отбывания назначенного или неотбытого наказания в особые периоды, с нашей точки зрения, основанной на изложенном выше, должны соответствовать базовым системно-правовым требованиям.

Во-первых, необходимо, чтобы эти предписания были органично взаимосвязаны не только с другими положениями уголовного закона (например, ст. 5 УК РФ), на что уже обращалось внимание, но и с предписаниями законодательства иной отраслевой принадлежности, прежде всего военного и уголовно-процессуального.

В части военного законодательства это касается как контингента поступающих на военную службу лиц, о чем велась речь ранее, так и регламентации особых периодов времени (их параметров, правовой сути, форм закрепления и т. д.). Например, конструируя ныне действующие ст. 78.1

и 80.2 УК РФ в виде бланкетных, законодатель не учел отсутствие в военном законодательстве, на которое их предписания ссылаются, четкого указания вышеназванных критериев, служащих прежде всего основанием для начала и окончания действия этих статей уголовного закона. Тем не менее, используя методы правового толкования, системного анализа и сопоставления соответствующих предписаний военного законодательства[13], мы можем утверждать, что такими критериями особых периодов и формами их закрепления могут быть: а) для военного времени – моменты объявления федеральным законом состояния войны или фактического начала военных действий и окончания войны, но не ранее фактического окончания военных действий; б) для периода мобилизации – моменты начала объявления Президентом Российской Федерации мобилизации (полной или частичной) и ее отмены (именно последний случай, касательно момента прекращения действия мобилизации и правовой формы его закрепления, является ярким примером отсутствия на сегодняшний день однозначной законодательной регламентации параметров указанного особого периода, с нашей точки зрения, таковыми могли бы быть дата отмены мобилизации и соответствующий указ Президента Российской Федерации, предусматривающий эту дату); в) для периода военного положения – его ввод или отмена (прекращение действия), определяемые указами Президента Российской Федерации[14]. Кроме того, для выполнения задач с применением военной силы в мирное время (в том числе в случаях, предусмотренных ст. 10 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне»[15] (далее – Закон № 61-ФЗ), всегда связываемых с ведением боевых действий) – даты ввода и прекращения действия этого особого периода, которые могут предусматриваться указами Президента Российской Федерации[16] об объявлении проведения миротворческой, антитеррористической или военной операции, а также о комплектовании личным составом для участия в этих операциях того или иного контингента (подразделений Вооруженных Сил

---

[13] См., например, ст. 4, п. 1 и 2 ст. 21 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс»; п. 2 ст. 18, ст. 19 и 20 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне». Доступ из справочной правовой системы «Гарант»; п. 2 ст. 1, ст. 2, ст. 17, ст. 20 Федерального закона от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ; Указ Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей». Доступ из справочной правовой системы «Гарант».

[14] Относительно последних двух временных периодов необходимо отметить, что в теории уголовного права не прекращаются дебаты о том, могут ли они иметь место не только в военное, но и в мирное время. См., например: [Боев, В. И., 2008а; Батырь, В. А., 2022, с. 98; Ермолович, Я. Н., 2023, с. 49; Звонов, А. В., Голубев, Ю. В., 2019, с. 503–504].

[15] Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

[16] Такие полномочия предусмотрены ст. 80, 87, 88 и 90 Конституции Российской Федерации, а также ст. 4, 10.1, 12, 13 Закона № 61-ФЗ.

Российской Федерации, добровольческих формирований и т. д.) и о прекращении проведения соответствующей операции.

Однако мы также считаем, что дробление и выделение широкого перечня особых периодов только усложняет применение исследуемых предписаний уголовного закона или делает данную дифференциацию бессмысленной, поскольку эти периоды зачастую охватываются друг другом (удваиваются) и трудно определяемы на практике по своим параметрам. Как представляется, целесообразно было бы оставить в УК РФ наиболее широкие по своему объему в понятийном смысле термины, обозначающие особые периоды, которыми являются военное время и период проведения вышеназванных операций с применением военной силы в мирное время.

Что касается уголовно-процессуального законодательства, то для того, чтобы не повторить недостатки, которые проявляются, как уже указывалось, в отсутствии взаимосвязей, в первую очередь координационных, между этим Законом и предписаниями ст. 78.1, 80.2 УК РФ, при нормативном закреплении отсрочки отбывания назначенного или неотбытого наказания в особые периоды времени, на наш взгляд, необходимо одновременно (пакетно) вносить соответствующие (по сути дублирующие) дополнения в УК РФ в виде отдельной ст. 82.2 и в ст. 398 УПК РФ, а кроме того, в военное и уголовно-исполнительное законодательство. По данному поводу необходимо также отметить, что уголовно-процессуальное законодательство, действующее в особые периоды времени, как показывает исторический опыт его развития, должно не только соответствовать военно-уголовному и военному законодательству, но и характеризоваться особым порядком его реализации, т. е. отличаться упрощенными и ускоренными процедурами [Боев, В. И., 2008b, с. 105].

Исключение из уголовного закона ст. 78.1, 80.2 и закрепление в нем предписаний об отсрочке отбывания назначенного или неотбытого наказания в особые периоды времени будут способствовать такому упрощению, так как в этом случае отпадет необходимость реализации и, соответственно, существования ст. 28.2, п. 3.1 ч. 1 ст. 208.2 УПК РФ, а также значительно сократится число внутриведомственных нормативных актов. Преимущество этого подхода также заключается в возложении полномочий принятия окончательного решения о предоставлении отсрочки отбывания назначенного или неотбытого наказания в особые периоды времени исключительно на суд, что позволит более эффективно соблюдать как государственные интересы, так и права и свободы лиц, к которым такая отсрочка применяется.

Во-вторых, предписания УК РФ об отсрочке отбывания назначенного или неотбытого наказания в особые периоды времени как элемент системы военно-уголовного законодательства[17] должны выполнять основную задачу

[17] Считаем, что предписания УК РФ об отсрочке отбывания назначенного или неотбытого наказания в особые периоды времени, несмотря на то что они применимы не только к военнослужащим и приравненным к ним лицам (добровольцам), но и на первых этапах реализации этих предписаний к гражданским лицам, должны являться неотъемлемым элементом системы военно-уголовного

последнего – обеспечение воинской дисциплины (ее стимулирование), боеспособности и боеготовности войск, прав и свобод военнослужащих, охраны воинского правопорядка и т. д. [Ершов, В. В., Хомчик, В. В., ред., 2020, с. 35]. Действующие предписания ст. 78.1 и 80.2 УК РФ не в полной мере способны справиться с данной задачей. Главным образом это обусловлено тем, что ни указанные предписания, ни предписания военного законодательства прямо не дифференцируют условия прохождения военной службы лиц, личность которых не утратила общественной опасности, не учитываются общественная опасность преступлений разных категорий, стадии реализации наказания (его назначение или отбывание), наличие множественности преступлений и т. д., что создает возможность направления совершивших их лиц, так сказать, в «общий строй» подразделений действующих войск, что никоим образом не способствует укреплению воинской дисциплины, а следовательно, боеспособности и боеготовности Вооруженных Сил.

Выходом из данной ситуации могло бы стать принятие специальных предписаний о том, что осужденные лица, которым назначено наказание, не связанное с лишением свободы, или его отбывающие за впервые совершенное преступление небольшой либо средней тяжести, равно как и за неосторожные тяжкие деяния, могут при наступлении военного времени или в период проведения операций с применением военной силы в мирное время поступать на военную службу в подразделения Вооруженных Сил Российской Федерации путем призыва (в том числе по мобилизации) и заключения контракта, а также на контрактной основе в добровольческие формирования. При этом военнослужащие, которым назначены указанные наказания за совершение преступлений перечисленных категорий, продолжают прохождение военной службы. Между тем лица (включая и военнослужащих), которым за совершение указанных преступлений назначено наказание в виде лишения свободы или его отбывающие, а также лица, которым назначены другие виды наказаний или их отбывающие за совершение умышленных тяжких или особо тяжких преступлений, могут реализовать свое желание искупить свою вину защитой Отечества при наступлении условий военного времени или проведении операций с применением военной силы в мирное время путем заключения соответствующего контракта с направлением в специально созданные для этого добровольческие формирования (далее – исправительные добровольческие формирования). Изложенные положения должны стать основаниями применения отсрочки отбывания назначенного или неотбытого наказания в особые периоды времени. Данный подход не противоречит предписаниям ст. 22.1 Закона № 61-ФЗ, основан на принципе добровольности поступления указанных лиц в исправительные добровольческие формирования, но должен также учитываться УИК РФ и ведомственными нормативными актами, например

законодательства, поскольку на стадии конечной реализации данных предписаний гражданские лица приобретают статус военнослужащих или приравненных к ним лиц, а целями указанных предписаний является как сохранение личного состава для действующих войск, так и стимулирование воинской дисциплины, а в итоге – укрепление воинского правопорядка.

ранее указанным Порядком поступления граждан Российской Федерации в добровольческие формирования, в которые необходимо внести соответствующие изменения и дополнения. В частности, следует предусмотреть порядок поступления вышеперечисленных лиц в исправительные добровольческие формирования, численность данных формирований, их организацию, районы действия, стоящие перед такими формированиями задачи, порядок управления ими, срок использования, порядок прекращения и иные вопросы их функционирования. Эти лица, как и все другие добровольцы, согласно действующему военному законодательству должны быть приравнены по своему статусу к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту.

Вместе с тем в этом случае важно подчеркнуть, что факт пребывания в исправительном добровольческом формировании даже длительное время еще не означает, что личность виновного сама по себе полностью утратила общественную опасность[18]. Как отметил по этому поводу В. М. Чхиквадзе, опыт Великой Отечественной войны свидетельствует, что непосредственное участие в бою является определенной школой воспитания людей, в том числе и осужденных [Чхиквадзе, В. М., 1948, с. 250–254]. Следовательно, только после того, как самоотверженным исполнением своих обязанностей при выполнении боевых задач такие лица докажут свое исправление и загладят вину, а их личности перестанут быть общественно опасными, они могут быть освобождены от исполнения наказания со снятием судимости, поступить на военную службу и проходить ее в «общем строю» или пребывать в добровольческом формировании, в обоих случаях с заключением контракта. До выполнения этих условий последнее по указанным причинам неприемлемо.

В контексте изложенного также подчеркнем, что отсрочка отбывания назначенного или неотбытого наказания в особые периоды не должна предоставляться лицам, совершившим преступления, перечисленные в действующих подп. «а» и «б» п. 5.1 ст. 34 Закона № 53-ФЗ, и имеющим судимость за совершение преступлений, предусмотренных п. 4 ст. 17 Закона № 31-ФЗ, а также непригодным по состоянию здоровья к военной службе, лицам старше установленного законодательством возраста пребывания на военной службе.

В-третьих, нормативно закрепляемые предписания, кроме оснований применения отсрочки отбывания назначенного или неотбытого наказания в особые периоды времени, должны содержать и условия ее реализации. Такими условиями, как уже указывалось, согласно действующей ч. 2 ст. 80.2 УК РФ при освобождении от наказания в особый период являются: 1) награждение государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы; 2) увольнение с военной службы по основанию, предусмотренному подп. «а», «в» или «о» п. 1 ст. 51 Закона № 53-ФЗ, т. е. по возрасту

[18] Как отметила Н. А. Лопашенко, опыт СВО показывает, что с момента возвращения из зоны военных действий первых освобожденных осужденных в СМИ стали появляться сообщения о занятии некоторых из них преступной деятельностью [Лопашенко, Н. А., 2023, с. 50–51].

(по достижении предельного возраста пребывания на военной службе); по состоянию здоровья (в связи с признанием военно-врачебной комиссией военнослужащего не годным к военной службе, за исключением военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, изъявившего желание продолжить военную службу на воинской должности, которая может замещаться указанным военнослужащим, – п. 2.1 ст. 36 Закона № 53-ФЗ); в связи с окончанием периода мобилизации, отменой (прекращением действия) военного положения и (или) истечением военного времени – для граждан, указанных в п. 5.1 ст. 34 Закона № 53-ФЗ, заключивших контракт.

На наш взгляд, позиция законодателя относительно правового закрепления и содержания первого и частично второго условий выглядит достаточно убедительной. В свое время касательно подобных правовых требований В. М. Чхиквадзе указал, что для искупления вины и освобождения от уголовного наказания со снятием судимости от осужденного требуется соответствующая активная деятельность [Чхиквадзе, В. М., 1948, с. 250–254] – непосредственное участие в боевой работе (в бою) с проявлением стойкости и отваги в защите Отечества. Вне всяких сомнений, о такой деятельности могут свидетельствовать награждение государственной наградой, а также получение увечья (в том числе ранения, травмы и контузии) или заболевания в связи с исполнением обязанностей военной службы (приравненной службы)[19]. Если же по истечении особого периода времени осужденное лицо полностью не искупило свою вину, опираясь на распространенное в юридической литературе мнение о том, что при применении отсрочки отбывания наказания, как и всех других видов освобождения от наказания, должны учитываться цели наказания (уголовно-правовое воздействие), по окончании особого периода, на время действия которого такое лицо поступило на военную службу (приравненную службу), логично назначенное наказание заменить на более мягкий его вид [Кузнецова, Н. Ф., Тяжкова, И. М., ред., 2002, с. 252; Дюнов, В. К., 2003, с. 450–451; Галиуллин, И. З., 2006, с. 139–140]. В свою очередь, условиями данной замены наказания могут являться: а) состояние здоровья освобождаемого лица (наличие у него увечий или заболеваний, полученных в период военной службы (приравненной службы), но не связанных с исполнением обязанностей военной службы (приравненной службы); б) достижение предельного возраста пребывания на военной службе; в) окончание особого периода.

В указанных случаях замена должна происходить путем применения менее строгого вида наказания, а в отношении штрафа – уменьшения его размера. Срок прохождения военной службы в воинских частях Российской Федерации либо пребывания в добровольческих формированиях, в том числе и исправительных, которые привлекаются к выполнению боевых задач в военное время и в период проведения соответствующих опе-

[19] Согласно смыслу п. 3, 6, 7 и 10 ст. 22.1 Закона № 61-ФЗ граждане Российской Федерации, поступающие в добровольческие формирования, не проходят в них военную службу, однако на этих лиц в случаях и порядке, установленных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, распространяется статус военнослужащих.

раций с применением военной силы в мирное время, предлагается засчитывать в срок отбывания наказания, исходя из расчета, предусмотренного ст. 72 УК РФ, как для времени содержания лица под стражей. Обоснованность данного положения подтверждается тем, что по своей сути оно является поощрительным, причем в такой его формулировке исключаются противоречия при зачете уголовных наказаний, а их соотношение, предусмотренное ст. 72 УК РФ, достаточно хорошо апробировано судебной практикой.

Если лицом, которому отбывание наказания было отсрочено, совершено новое преступление, суд должен присоединять к новому наказанию ранее назначенное по правилам, предусмотренным ст. 70 УК РФ.

В-четвертых, используя метод системного анализа, представляется логичным распространить отсрочку отбывания назначенного или неотбытого наказания на весь период военного времени – до фактического окончания военных действий, а в мирное время – до окончания периода проведения вышеназванных операций с применением военной силы, на что необходимо прямо указать в тексте закона. Продолжительность предоставления отсрочки должна ограничиваться только лишь освобождением от отбывания наказания по вышеприведенным условиям или ее отменой.

В последнем случае представляется правильным предоставить суду право отменять отсрочку отбывания наказания по представлению военного командования с направлением осужденного в место отбывания наказания, назначенное в соответствии с приговором суда, в связи с систематическим грубым нарушением осужденным воинской дисциплины.

Обсуждение и заключение

Таким образом, подводя итоги данного исследования, мы можем констатировать необходимость продолжить работу над конструированием специально-воинских предписаний, предусматривающих основания и условия предоставления в особые периоды времени отсрочки отбывания назначенного или неотбытого наказания.

Эти предписания позволят устранить многие недостатки, свойственные действующим ст. 78.1 и 80.2 УК РФ, прежде всего соблюсти конституционную обязанность (одновременно право) всех граждан защищать свое Отечество, согласовать в этой части уголовный закон с уголовно-процессуальным, уголовно-исполнительным, военным и другим отраслевым законодательством, и, что особенно важно в сложный современный период, будут способствовать обеспечению системности отечественного права в целом.

Список источников

Базаров Р. А. Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей // Энциклопедия уголовного права. Т. 10 : Освобождение от уголовной ответственности и наказания. СПб. : Изд. проф. Малинина, 2008. С. 607–636. ISBN: 5-91005-001-X.

Батырь В. А. Право военного времени как подотрасль военного права // Lex russica. 2022. Т. 75, № 3. С. 88–104. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.088-104.

Бодаевский В. П. Отсрочка исполнения приговора в условиях вооруженного конфликта как специально-воинский вид освобождения от уголовного наказания: исторический опыт и социальная целесообразность // Ius Publicum et Privatum : сетевой науч.-практ. журн. част. и публ. права. 2023. № 1 (21). С. 118–127. DOI: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.012.

Боев В. И. Механизм уголовно-правового регулирования режима военного положения : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М. : Моск. ун-т МВД России, 2008a. 40 с.

Боев В. И. Механизм уголовно-правового регулирования режима военного положения : дис. … д-ра юрид. наук. М. : Моск. ун-т МВД России, 2008b. 426 с.

Васильев Н. В. Применение к военнослужащим отсрочки исполнения приговора в военное время : дис. … канд. юрид. наук. М. : Воен.-юрид. акад. Красной Армии, 1945. 147 с.

Военно-уголовное право : учебник / под ред. В. В. Ершова, В. В. Хомчика. 2-е изд., перераб. и доп. М. : РГУП, 2020. 247 с. ISBN: 978-5-93916-772-7.

Галиуллин И. З. Условные меры уголовно-правового характера. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2006. 148 с.

Дюнов В. К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. М. : Науч. кн., 2003. 520 с. ISBN: 978-5-392-12230-1.

Ермолович Я. Н. Дифференциация уголовной ответственности военнослужащих : моногр. М. : Юрлитинформ, 2014. 284 с. ISBN: 978-5-4396-0583-5.

Ермолович Я. Н. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 24 сентября 2022 года № 365-ФЗ // Право в Вооруженных Силах. 2023. № 1. С. 44–57.

Звонов А. В., Голубев Ю. В. Институт уголовного наказания в условиях введения военного положения: к вопросу о правоограничениях // Пенитенциарная наука. 2019. Т. 13, № 4. С. 503–507. DOI: 10.24411/2686-9764-2019-10008.

Кудашкин А. В. Профессор В. М. Чхиквадзе – основатель советской теории военного права // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18, № 1. С. 179–195. DOI: 10.35427/2073-4522-2023-18-1.

Кузнецова Н. Ф. Учение о наказании. Курс уголовного права. Т. 2 : Общая часть / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М. : Зерцало, 2002. 464 с. ISBN: 5-94373-035-4.

Лопашенко Н. А. О некоторых правовых и криминологических проблемах участия осужденных в СВО: частный взгляд на известные со-

бытия // Вестник СЮИ. 2023. № 2 (53). С. 48–59. DOI: 10.37523/SUI.2023.53.2.007.

Мороз А. В. Штрафные части Красной Армии в 1942–1945 гг. : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. 280 с.

Сабитов Р. А. Уголовная ответственность и уголовно-правовое поощрение : моногр. М. : Юрлитинформ, 2022. 447 с. ISBN: 978-5-4396-2326-6.

Тарбагаев А. Н. Ответственность в уголовном праве : учеб. пособие. Красноярск : КрасГУ, 1994. 80 с. ISBN: 5-230-08002-7.

Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий / под ред. И. Т. Голякова. 2-е изд. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1946. 340 с.

Чхиквадзе В. М. Советское военно-уголовное право : учеб. пособие. М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 452 с.

Щербаков В. В. Уголовная ответственность, ее основание : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1998. 29 с.

Щупленков В. П. О практике применения мер наказания в военное время // Бюллетень Главной военной прокуратуры и Военной коллегии Верховного Суда СССР. 1985. № 1 (121). С. 29–39.

Щупленков В. П. Проблемы уголовно-правовой борьбы с преступлениями против обороны СССР : дис. … д-ра юрид. наук. М., 1986. 359 с.

References

Batyr, V. A., 2022. Wartime law as a sub-branch of military law. *Lex Russica*, 75(3), pp. 88–104. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.088-104.

Bazarov, R. A., 2008. [Postponement of punishment for pregnant women and women with young children]. *Entsiklopediya ugolovnogo prava* = [Encyclopedia of criminal law]. Vol. 10: Exemption from criminal liability and punishment. St. Petersburg: Edition of Professor Malinin. Pp. 607–636. (In Russ.) ISBN: 5-91005-001-X.

Bodaevsky, V. P., 2023. Postponement of execution of a sentence in conditions of armed conflict as a special military type of release from criminal punishment: historical experience and social expediency. *Ius Publicum et Privatum.* Online scientific and practical journal of private and public law, 1, pp. 118–127. (In Russ.) DOI: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.012.

Boev, V. I., 2008a. *Mekhanizm ugolovno-pravovogo regulirovaniya rezhima voennogo polozheniya* = [The mechanism of criminal law regulation of the martial law regime]. Abstract of Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow. 40 p. (In Russ.)

Boev, V. I., 2008b. *Mekhanizm ugolovno-pravovogo regulirovaniya rezhima voennogo polozheniya* = [The mechanism of criminal law regulation of the martial law regime]. Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow. 426 p. (In Russ.)

Chkhikvadze, V. M., 1948. *Sovetskoe voenno-ugolovnoe parvo* = [Soviet military criminal law]. Textbook. Moscow: Legal Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR. 452 p. (In Russ.)

Dunov, V. K., 2003. *Ugolovno-pravovoe vozdejstvie: teoriya i praktika* = [Criminal legal impact: theory and practice]. Moscow: Nauchnaya kniga. 520 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-392-12230-1.

Ermolovich, Ya. N., 2014. *Differentsiatsiya ugolovnoj otvetstvennosti voennosluzhashchikh* = [Differentiation of criminal liability of military personnel]. Monograph. Moscow: Yurlitinform. 284 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-4396-0583-5.

Ermolovich, Ya. N., 2023. [Scientific and practical commentary to the Federal Law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" dated September 24, 2022 No. 365-FZ]. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh* = [Law in the Armed Forces], 1, pp. 44–57. (In Russ.)

Ershov, V. V., Khomchik, V. V., eds., 2020. *Voenno-ugolovnoe parvo* = [Military criminal law]. Textbook. 2nd ed., repr. and add. Moscow: Russian State University of Justice. 247 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-93916-772-7.

Galiullin, I. Z., 2006. *Uslovnye mery ugolovno-pravovogo kharaktera* = [Conditional measures of a criminal law nature]. Kazan: Publishing House of Kazan University. 148 p. (In Russ.)

Golyakov, I. T., ed., 1946. *Ugolovnyj kodeks RSFSR. Kommentarij* = [The Criminal Code of the RSFSR. Commentary]. 2nd ed. Moscow: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the USSR. 340 p. (In Russ.)

Kudashkin, A. V., 2023. [Professor V. M. Chkhikvadze – founder of the Soviet theory of military law]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk* = [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 18(1), pp. 179–195. (In Russ.) DOI: 10.35427/2073-4522-2023-18-1.

Kuznetsova, N. F., 2002. *Uchenie o nakazanii. Kurs ugolovnogo prava* = [The doctrine of punishment. The course of criminal law]. Vol. 2: General part. Eds. N. F. Kuznetsova, I. M. Tyazhkova. Moscow: Zertsalo. 464 p. (In Russ.) ISBN: 5-94373-035-4.

Lopashenko, N. A., 2023. Some legal and criminological problems of prisoners' participation in the special military operation: a private position at known events. *Bulletin of the Samara Law Institute*, 2, pp. 48–59. (In Russ.) DOI: 10.37523/SUI.2023.53.2.007.

Moroz, A. V., 2019. *Shtrafnye chasti Krasnoj Armii v 1942–1945 gg.* = [Penal units of the Red Army in 1942–1945]. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow. 280 p. (In Russ.)

Sabitov, R. A., 2022. *Ugolovnaya otvetstvennost i ugolovno-pravovoe pooshchrenie* = [Criminal liability and criminal legal encouragement].

Monograph. Moscow: Yurlitinform. 447 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-4396-2326-6.

Shcherbakov, V. V., 1998. *Ugolovnaya otvetstvennost', ee osnovanie* = [Criminal liability, its basis]. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Saratov. 29 p. (In Russ.)

Shchuplenkov, V. P., 1985. [On the practice of applying punishments in wartime]. *Byulleten' Glavnoj voennoj prokuratury i Voennoj kollegii Verkhovnogo Suda SSSR* = [Bulletin of the Main Military Prosecutor's Office and the Military Collegium of the Supreme Court of the USSR], 1, pp. 29–39. (In Russ.)

Shchuplenkov, V. P., 1986. *Problemy ugolovno-pravovoj borby s prestupleniyami protiv oborony SSSR* = [Problems of criminal law combating crimes against the defense of the USSR]. Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow. 359 p. (In Russ.)

Tarbagaev, A. N., 1994. *Otvetstvennost' v ugolovnom prave* = [Responsibility in criminal law]. Textbook. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University. 80 p. (In Russ.) ISBN: 5-230-08002-7.

Vasiliev, N. V., 1945. *Primenenie k voennosluzhashchim otsrochki ispolneniya prigovora v voennoe vremya* = [Application of deferred execution of sentence to military personnel in wartime]. Cand. Sci. (Law) Dessertation. Moscow: Military Legal Academy of the Red Army. 147 p. (In Russ.)

Zvonov, A. V., Golubev, Yu. V., 2019. Institute of criminal penalties under martial law: on the issue of legal restrictions. *Penitentiary Science*, 13(4), pp. 503–507. (In Russ.) DOI: 10.24411/2686-9764-2019-10008.

Информация об авторе / Information about the author

Бодаевский Виктор Петрович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, Республика Крым, 295051, Симферополь, ул. Павленко, д. 5).
Viktor P. Bodaevsky, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Criminal Law Department, Crimean Branch, Russian State University of Justice (5 Pavlenko St., Simferopol, 295051, Republic of Crimea, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 12.08.2024; одобрена после рецензирования 20.09.2024; принята к публикации 08.10.2024.
The article was submitted 12.08.2024; approved after reviewing 20.09.2024; accepted for publication 08.10.2024.

Научная статья
УДК 343.116
DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.171-192

Цифровые технологии в кассационном производстве по уголовным делам: обзор российского и зарубежного опыта

Николай Николаевич Шаталов[1, 2]

[1] Четвертый кассационный суд общей юрисдикции, Краснодар, Российская Федерация
[2] Российский государственный университет правосудия, Москва, Российская Федерация
rgyp.shatalov@mail.ru

Аннотация
Введение. Вопросы применения цифровых технологий в кассационном производстве отечественного уголовного судопроизводства с анализом позитивного международного опыта акцентуализируются современным уровнем цифровизации всех сфер жизнедеятельности человека. Цифровизация судопроизводства представляет собой ключевой элемент современных реформ в области правосудия, который направлен на повышение эффективности доступа к правосудию в стадии кассационного производства уголовного судопроизводства.
Методы. В работе во взаимодействии использованы общенаучные и частные методы научного познания. Компаративистский подход позволил выявить эффективные практики, преимущества и недостатки цифровых технологий, а также их влияние на доступ к правосудию.
Результаты исследования. В результате комплексного анализа современного уровня внедрения конкретных цифровых технологий в кассационные стадии российского и зарубежного уголовного процесса автором аргументируется позиция, в соответствии с которой применение цифровых технологий в кассационном производстве по уголовным делам обещает революционизировать традиционные формы доступа к правосудию, повысить эффективность этого доступа, а также усилить защиту прав и свобод граждан, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства.
Обсуждение и заключение. В настоящее время цифровые технологии принято определять в качестве широкого спектра инструментов и методов, основанных на использовании компьютерных систем, программного обеспечения и сетевых взаимодействий для обработки, хранения и передачи больших баз данных. В контексте кассационного производства по уголовным делам применение цифровых технологий способно преобразить существующую традиционную форму этой стадии и создать новые возможности для указанного вида уголовно-процессуальной деятельности.

© Шаталов Н. Н., 2024

Ключевые слова: судопроизводство, цифровые технологии, кассационное производство, уголовные дела, международный опыт, суды кассационных инстанций

Для цитирования: Шаталов Н. Н. Цифровые технологии в кассационном производстве по уголовным делам: обзор российского и зарубежного опыта // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 4. С. 171–192. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.171-192

Original article

Digital Technologies in Criminal Cassation Proceedings: Review of Russian and Foreign Experience

Nikolay N. Shatalov[1, 2]

[1] The Fourth Court of Cassation of General Jurisdiction, Krasnodar, Russian Federation
[2] Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
rgyp.shatalov@mail.ru

Abstract
Introduction. The issues of the use of digital technologies in the cassation proceedings of domestic criminal proceedings with the analysis of positive international experience are accentuated by the modern level of digitalization of all spheres of human activity. Digitalization of judicial proceedings is a key element of modern reforms in the field of justice, which is aimed at improving the effectiveness of access to justice at the stage of cassation proceedings in criminal proceedings.
Methods. In the work, general scientific and private methods of scientific cognition are used in cooperation. The comparative approach made it possible to identify effective practices, advantages and disadvantages of digital technologies, as well as their impact on access to justice.
Results. As a result of a comprehensive analysis of the current level of implementation of specific digital technologies in the cassation stages of Russian and foreign criminal proceedings, the author argues the position according to which the use of digital technologies in cassation proceedings in criminal cases promises to revolutionize traditional forms of access to justice, increase the effectiveness of this access, as well as strengthen the protection of the rights and freedoms of citizens involved in the criminal sphere legal proceedings.
Discussion and Conclusion. Currently, digital technologies are commonly defined as a wide range of tools and methods based on the use of computer systems, software and network interactions for processing, storing and transferring large databases. In the context of cassation proceedings in criminal cases, the use of digital technologies can transform the existing traditional form of this stage and create new opportunities for this type of criminal procedural activity.

Keywords: legal proceedings, digital technologies, cassation proceedings, criminal cases, international experience, courts of cassation instances

For citation: Shatalov, N. N., 2024. Digital technologies in criminal cassation proceedings: review of Russian and foreign experience. *Pravosudie/Justice*, 6(4), pp. 171–192. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.171-192.

Введение

В рамках стратегических направлений цифровой трансформации ключевых отраслей экономики и социальной сферы Правительство России акцентирует внимание на необходимости стимулирования спроса на отечественные технологические решения и обеспечение технологической независимости от иностранного программного обеспечения, включая разработку и импортозамещение ключевых цифровых решений, таких как операционные системы, системы управления взаимоотношениями с клиентами, системы планирования ресурсов предприятия и другие[1].

По состоянию на 2024 г. цифровые технологии уже активно развиваются в России, включая сферу правосудия. Безусловным флагманом применения современных цифровых технологий в ходе производств в кассационных инстанциях выступает Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации. Применение современных цифровых технологий, позволяющее Судебной коллегии качественно осуществлять рассмотрение жалоб и представлений в кассационном порядке, связано с текущим состоянием цифровизации всего Верховного Суда России [Мещеряков, В. А., Цурлуй, О. Ю., 2023]. При этом отдельные авторы отмечают проблемы цифровизации, связанные с деятельностью региональных кассационных судов [Ефанов, А. А., 2022; Кузьменко, А. М., Закарян, М. Р., 2023].

Методы

В отечественной доктрине уголовного процесса проблематика внедрения цифровых технологий в кассационном производстве приобретает важное значение с точки зрения компаративистики [Бахтеев, Д. В., Задорожная, В. А., Зазулин, А. И., 2020; Синкевич, В. В., 2022; Гришин, Д. А., 2023]. Обусловлено это необходимостью сравнительного исследования и анализа опыта различных стран в использовании цифровых решений в уголовной кассации. Анализ компаративистской природы цифровых технологий в уголовной кассации позволяет изучать передовой опыт других государств, адаптировать его к своим нуждам и соблюдать международные стандарты справедливого судопроизводства. Кроме того, компаративистика способствует разработке наилучших практик и согласованию законодательства, направленного на успешное внедрение цифровых технологий в уголовное судопроизводство [Бородинова, Т. Г., 2022; Rusman, G., et al., 2023].

Результаты исследования

В доктрине уголовного процесса активно обсуждается вопрос интеграции цифровых технологий, в том числе в кассационное судопроизводство. Многие авторы обращаются к этой проблематике, подчеркивая как возможности, так и вызовы, которые такие технологии представляют. Ученые аргументируют тем, что эти технологии могут радикально трансфор-

---

[1] *Шувалова М.* Цифровая трансформация в России: итоги 2022 года и планы на 2023 год. URL: https://www.garant.ru/article/1605871/.

мировать судопроизводство, улучшить доступ к правосудию и повысить прозрачность судебных решений. Вместе с тем исследователи указывают на необходимость разработки новых нормативных актов, адаптированных к реалиям цифровой эры, и обеспечения защиты прав и свобод участников процесса в контексте использования данных технологий [Журин, О. И., Углицких, Д. В., 2019; Ахмедова, А. А., Махотенко, М. А., 2020; Бурдина, Е. В., Чижов, М. В., 2022; Куликова, А. В., 2023].

Дискуссии в научных кругах часто касаются этических и правовых аспектов применения искусственного интеллекта в процессе принятия судебных решений, возможности смещения акцента с человеческого фактора на алгоритмический и потенциального уменьшения роли судьи как главного арбитра [Заплатина, Т. С., 2019; Лаптев, В. А., 2021; Литвин, И. И., 2022; Малина, М. А., 2022; Рябцева, Е. В., 2023]. Касательно блокчейна дебаты сконцентрированы вокруг вопросов безопасности и неприкосновенности судебных данных и возможности создания полностью прозрачной системы документооборота, которая обеспечит новый уровень интегрированности и надежности в уголовном судопроизводстве [Русакова, Е. П., Чернышева, Т. А., 2022; Фам Ньы Хан, Фам За Хюи, 2022; Ахметханов, Б. И., 2023]. Акцентируется внимание также на том, что перед внедрением этих технологий важно провести всестороннее исследование возможных последствий, включая изменения в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве, обучение судебных работников и учет международного опыта. Таким образом, академическое сообщество признает значимость и неизбежность цифровизации уголовного судопроизводства, одновременно подчеркивая важность осмотрительного и сбалансированного подхода к этому явлению.

В Верховном Суде Российской Федерации интеграция и оптимизация информационных технологий осуществляются прежде всего посредством внедрения комплексной Автоматизированной информационной системы (АИС). Основное предназначение АИС заключается в создании эффективной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, обеспечивающей целостный процесс обработки, хранения и распространения судебной информации. АИС включает в себя разнообразные информационные подсистемы и технические компоненты. Среди них особо выделяются система, обеспечивающая электронный документооборот и делопроизводство в структуре Верховного Суда Российской Федерации, инструменты автоматизации протоколирования судебных заседаний и средства для проведения видео-конференц-связи. Важным элементом является также инфраструктура, способствующая информационному взаимодействию как внутри самого суда, так и между различными инстанциями правосудия. Комплекс интерактивного отображения информации, расположенный в зданиях судов, позволяет повысить доступность и наглядность отправления правосудия. Серверная инфраструктура, в свою очередь, лежит в основе обработки и хранения данных, тогда как средства копирования и печати обеспечивают поддержку текущих операций.

Значение АИС ярко проявляется в деятельности Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, где ключевые

информационные системы, такие как система электронного документооборота и делопроизводства, и системы, обеспечивающие автоматизированное протоколирование и видео-конференц-связь, играют ведущую роль. Эти системы способствуют повышению прозрачности и оперативности уголовного судопроизводства, а также обеспечивают эффективное взаимодействие судебных органов на различных уровнях. Например, исходя из представляемых отделом статистического учета Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации ежегодных Обзоров[2], можно наблюдать четкую тенденцию к увеличению использования видео-конференц-связи в рамках кассационной деятельности Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации.

Так, в 2019 г. было проведено 57 судебных заседаний с использованием видео-конференц-связи. В 2020 году это число увеличилось почти в два раза и составило 102. В 2021 году произошел значительный скачок – использование видео-конференц-связи было применено в 425 судебных заседаниях.

Безусловно, значительное влияние на многие аспекты общественной жизни, включая работу судебной системы, оказала пандемия COVID-19. Меры по социальному дистанцированию и ограничения, направленные на сдерживание распространения вируса, заставили многие организации и институты, в том числе и суды, адаптироваться к новым условиям. Использование видео-конференц-связи стало одним из ключевых инструментов, позволяющих поддерживать непрерывность судопроизводства в условиях пандемии. Это не только обеспечивало безопасность всех участников процесса, минимизируя необходимость личного контакта, но и позволяло судам продолжать работать в условиях карантинных ограничений. Резкий всплеск использования видеоконференций в 2020-м и последующих годах может быть прямым следствием пандемии. Наряду с этим он отражает широкий глобальный тренд цифровизации судебных процессов, который ускорился из-за необходимости соблюдения мер безопасности. Такие изменения продолжатся и в дальнейшем, поскольку многие выявленные преимущества цифровых технологий делают их удобными инструментами для повышения эффективности судопроизводства в долгосрочной перспективе.

В 2023 году число случаев использования данной технологии продолжало расти и достигло 468[3], что свидетельствует о развитии применения цифровых технологий в судебной практике, особенно в условиях, требующих оперативности и гибкости процессуального управления. Развитие и инте-

---

[2] Судебная статистика // Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: https://vsrf.ru/documents/statistics/?year=2024.

[3] Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в 2023 году административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел // Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: https://vsrf.ru/documents/statistics/33400/.

грация видео-конференц-связи указывают на стремление судебной системы к повышению доступности и эффективности, а также к оптимизации процессов в условиях, когда личное присутствие участников может быть ограничено, например, из-за эпидемиологической обстановки или расстояния. Увеличение случаев использования видео-конференц-связи вызвано также улучшением технологической оснащенности судов и ростом компетенций персонала в области цифровых технологий.

Это изменение в практике можно интерпретировать как постепенный переход от традиционных методов к более современным, что также способствует повышению прозрачности судебного разбирательства. Однако стоит отметить, что, несмотря на рост использования видео-конференц-связи, ее доля от общего числа рассмотренных дел остается относительно невысокой, что может указывать на потенциал для дальнейшей интеграции данной технологии в уголовно-процессуальную деятельность.

В процессуальной литературе справедливо подчеркивается, что использование видео-конференц-связи позволяет осуществлять дистанционное общение участников уголовного судопроизводства при рассмотрении уголовных дел в кассационном порядке, обеспечивая судебные процессы «суд – следственный изолятор» и другие формы дистанционного взаимодействия. Имплементация указанной технологии в уголовно-процессуальную практику является инструментом оптимизации рассмотрения дел кассационной инстанцией, позволяет достичь значительного сокращения временны́х рамок, а также минимизации экономических издержек, обусловленных перемещением лиц, находящихся в статусе обвиняемых или осужденных. Важным аспектом является и снижение рисков, связанных с логистикой и охраной подсудимых, предотвращение потенциальных попыток бегства [Шереметьев, И. И., 2020; Гринь, Д. С., 2020].

На наш взгляд, перспективы развития цифровых технологий в кассационном производстве по уголовным делам охватывают широкий спектр инноваций – от автоматизации документооборота до применения передовых технологий, таких как искусственный интеллект и блокчейн. Так, искусственный интеллект в кассационном производстве по уголовным делам может использоваться для анализа прецедентов и предсказательной аналитики. Умение искусственного интеллекта анализировать огромные объемы юридических данных для выявления тенденций, паттернов и прецедентов позволит судьям кассационной инстанции принимать более обоснованные решения. Предсказательная аналитика может помочь в оценке перспектив подаваемых кассационных жалоб или кассационных представлений путем анализа исходов аналогичных прецедентов. Искусственный интеллект может автоматизировать рутинные задачи, такие как проверка процессуальных сроков, формирование и отправка уведомлений, составление стандартных документов, что повышает эффективность, поскольку позволяет суду сфокусироваться на более сложных задачах. Системы искусственного интеллекта способны служить в качестве поддержки принятия решений, предоставляя судьям дополнительную информацию и рекомендации, основанные на обработке больших данных и их сравнении с действующим законодательством и судебной практикой.

Возможное применение блокчейна в кассационном производстве по уголовным делам нацелено прежде всего на повышение прозрачности и надежности. Блокчейн может быть использован для создания непрерывной цепочки подаваемых и принимаемых документов, где каждую запись нельзя изменить или удалить без следа, что обеспечивает высокий уровень прозрачности и доверия к документам. С помощью блокчейн-технологии можно значительно повысить защиту персональных данных участников процесса и обеспечить целостность электронных доказательств. Разработка децентрализованных больших баз данных на блокчейне позволит судам хранить данные о результатах кассационных (и не только) производств в безопасной и нецентрализованной среде, что снизит риски, связанные с централизованным хранением информации и ее возможными утратами или злоупотреблениями. Применение блокчейна обеспечит сокращение времени, которое необходимо для верификации любой документации и судебных решений, поскольку все записи будут надежно храниться и легко проверяться на предмет подлинности.

Отдельно следует упомянуть о проекте «Правосудие онлайн», который инициирован в 2022 г. Верховным Судом Российской Федерации как комплексная платформа для реализации процессуальных функций в виртуальном пространстве[4]. Данный суперсервис предоставляет участникам судопроизводства возможности для осуществления полного спектра процедурных действий в удаленном режиме. Среди прочего это включает подачу исковых заявлений, оплату судебных издержек, доступ к материалам дела, участие в заседаниях с использованием технологий веб-конференций и получение решений суда в электронной форме[5]. С 2022 года суперсервис обеспечивает возможность дистанционного участия в судопроизводстве и направление исполнительных документов в соответствующий реестр. Актуализация платформы «Правосудие онлайн» в 2024 г. предполагает введение биометрической идентификации субъектов судебного процесса.

Планы по дальнейшему развитию включают интеграцию интерактивного ассистента для содействия в формировании и подаче процессуальных документов. Предусмотрена также система оповещений, функционирующая через личный кабинет на портале государственных услуг, что существенно повышает уровень информированности сторон по делу[6].

К примеру, в контексте современных цифровых/информационных технологий Четвертый кассационный суд общей юрисдикции интегрирует целый ряд автоматизированных систем и подсистем, предназначенных для оптимизации судопроизводства и повышения его эффективности. В настоящее время уже сейчас в практике деятельности Четвертого кассаци-

---

[4] Момотов анонсировал запуск суперсервиса «Правосудие онлайн» в 2024 году. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20221129/308514407.html?ysclid=lrot1pktmc193056298.

[5] Суперсервис «Правосудие онлайн» заработает в 2024 году. URL: https://www.pnp.ru/politics/superservis-pravosudie-onlayn-zarabotaet-v-2024-godu.html.

[6] URL: https://pravosudieonline.ru.

онного суда общей юрисдикции внедрены и активно применяются следующие «технологические продукты» и решения.

Во-первых, Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». Эта система обеспечивает информационно-технологическую поддержку судебной деятельности, фасилитируя доступ к информационным и телекоммуникационным услугам для работников суда и органов Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

Во-вторых, подсистема «Судебное делопроизводство и статистика». Эта подсистема автоматизирует процессы регистрации, учета и движения дел, а также формирование и хранение процессуальных документов. Данная подсистема способствует улучшению сбора и анализа судебной статистики, обеспечивая комплексную информационную поддержку на всех этапах рассмотрения дел различных категорий, в том числе уголовных. Подсистема «Судебное делопроизводство и статистика» позволяет автоматизировать:

– регистрацию и учет поступающих дел, протоколов, жалоб, представлений и т. п. по делам, находящимся (или находившимся) в производстве;

– учет движения дел в судах;

– формирование, учет, хранение и распечатку процессуальных документов, связанных с различными видами судопроизводства;

– подготовку статистической отчетности как на бумажных носителях, так и в электронном виде;

– поиск информации по различным аспектам текущего состояния и движения отдельного дела (группы дел) в процессе судопроизводства на основе заранее сформулированных запросов;

– просмотр и распечатку справок.

В-третьих, интернет-портал ГАС «Правосудие». Указанная подсистема «Интернет-портал ГАС “Правосудие”» является составной частью ГАС «Правосудие» и предназначена для обеспечения свободного оперативного автоматизированного доступа из интернета граждан, юридических лиц и органов государственной власти к информации о деятельности судебной системы, Судебного департамента и органов судейского сообщества Российской Федерации. Интернет-портал ГАС «Правосудие» представляет собой инструмент для обеспечения открытого и быстрого доступа к информации о судебной системе, предоставляя возможности для интерактивного взаимодействия с судебной властью.

В-четвертых, Банк судебных решений (судебной практики). Банк судебных решений создает единую базу данных судебной практики, он облегчает сбор, анализ и систематизацию судебных решений для обеспечения консистентности и прозрачности судопроизводства. Программное изделие Банк судебных решений предназначено для:

– построения единой технологии автоматизированного сбора информации;

– организации автоматизированного сбора и анализа судебных решений;

– формирования единого банка судебных решений;

– систематизации сведений о прецедентах судебных решений для последующей аналитической обработки и тиражирования обобщенных данных судебной практики;

– аналитической обработки и формирования судебной практики;

– обеспечения санкционированного доступа к информации со стороны различных категорий пользователей.

В-пятых, подсистема «Кадры» ГАС «Правосудие». Настоящая подсистема фокусируется на автоматизации кадровых процессов, улучшая управление организационно-штатной структурой и кадровым составом судебных органов. Подсистема «Кадры» ГАС «Правосудие» предназначена для комплексной автоматизации основных участков деятельности кадровых органов Судебного департамента и аппаратов судов: учета, хранения и анализа данных об организационно-штатной структуре и кадровом составе федеральных судов общей юрисдикции и системы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. В этой подсистеме реализуются задачи учета и анализа кадрового обеспечения при максимальном использовании существующих программно-технических решений. Подсистема базируется на основе концепции единого хранилища сведений о работниках и документов, единства системы учета и отчетности на основе единых правил и единой системы классификации и кодирования.

В-шестых, информационные технологии, обеспечивающие связь и передачу данных. Защищенная ведомственная сеть ГАС «Правосудие» предназначена для передачи данных внутри судебной системы. Защищенная ведомственная сеть играет ключевую роль в безопасной передаче данных в рамках судебной системы, гарантируя конфиденциальность и целостность информации.

В-седьмых, программно-аппаратный комплекс «Скрытый свидетель». Программно-аппаратный комплекс «Скрытый свидетель» предоставляет технологические средства для участия засекреченных свидетелей в судебных разбирательствах с гарантией анонимности. Благодаря этому программно-аппаратному комплексу с возможностью искажения голоса засекреченный свидетель, находясь в отдельном помещении, имеет возможность участвовать в судебном заседании в режиме реального времени и давать показания, а также наблюдать за ходом заседания по системе видеофиксации.

В-восьмых, информационные киоски. Информационные киоски служат навигационными и информационными пунктами в судебных зданиях, упрощая ориентирование посетителей. Информационные киоски представляют собой своеобразный правовой гид, на котором отображаются информация по делам, назначенным к слушанию, маршрут следования до требуемых помещений, реквизиты для уплаты государственной пошлины.

В-девятых, использование видео-конференц-связи. В целях реализации доступности правосудия в связи с географической отдаленностью лиц, участвующих в рассмотрении дел, все залы судебных заседаний оборудованы системами видео-конференц-связи для проведения удаленного заседания в режиме реального времени. Это расширяет доступность судебного

процесса, облегчая участие в заседаниях на расстоянии, что особенно актуально для удаленных и труднодоступных регионов.

В-десятых, применение информационного табло. Эта информационная система создана для оперативного информирования посетителей суда о деятельности Четвертого кассационного суда общей юрисдикции. Информационное табло выполняет функцию оперативного информирования о деятельности суда, включая расписание заседаний и актуальные судебные решения.

В-одиннадцатых, система аудио- и видеопротоколирования «Нестор». Данная система предназначена для синхронного документирования устных выступлений докладчиков в залах судебных заседаний. Система аудио- и видеопротоколирования «Нестор» является инструментом, специально разработанным для обеспечения синхронизированной фиксации устных высказываний докладчиков во время проведения судебных заседаний. Эта система значительно повышает качество документации процессуальных действий, она призвана облегчить последующий доступ к записанным материалам и их анализ.

Кроме того, в практической деятельности Четвертого кассационного суда общей юрисдикции внедрена система электронного документооборота. Внутри суда в электронном документообороте участвуют большинство работников суда. Внедрение системы электронного документооборота в судебную практику позволило перейти к более продвинутому уровню управления документацией, осуществить эффективное взаимодействие между работниками суда, упрощая процессы обмена документами, их хранение и поиск. Электронный документооборот вносит значительный вклад в повышение оперативности и прозрачности судопроизводства.

В своей деятельности судьи и работники аппарата суда активно используют специализированные информационные системы, такие как «КонсультантПлюс» и система «Госзаказ». Эти инструменты обеспечивают оперативный доступ к актуальной правовой информации, нормативным правовым актам и судебной практике, что является неотъемлемым аспектом качественного судопроизводства.

Для ведения бухгалтерского учета и управления финансовыми потоками применяется программный комплекс «1С: Предприятие». Этот инструмент позволяет оптимизировать учетные процедуры, обеспечивает высокую степень контроля за финансовыми операциями и их соответствие законодательным требованиям.

Таким образом, интеграция упомянутых систем и программных продуктов в деятельность Четвертого кассационного суда общей юрисдикции способствовала укреплению правовой инфраструктуры, обеспечила высокий уровень организации судопроизводства и повысила его доступность и открытость для граждан.

Вместе с тем в контексте дальнейшей цифровизации и оптимизации кассационного производства в отечественном уголовном процессе можно предложить ряд дополнительных инновационных решений и продуктов, которые могут способствовать повышению его эффективности, в частности:

– мобильные приложения для информирования участников процесса. Разработка такого рода мобильных приложений позволит участникам получать уведомления о дате и времени заседаний, статусе дела и прочей важной информации, что сделает кассационное производство более доступным и удобным для граждан;

– системы автоматизированного документооборота с расширенными возможностями. Важно развивать существующие системы электронного документооборота с интеграцией расширенных функций, например автоматическое формирование проектов кассационных решений, жалоб, представлений, ходатайств на основе искусственного интеллекта;

– виртуальные помощники для консультирования граждан. Разработка и внедрение виртуальных помощников и/или чат-ботов, способных предоставлять юридические консультации, сможет качественно улучшить подготовку необходимых документов и сориентировать заинтересованных лиц по обращению в суд кассационной инстанции;

– платформы для совместной работы и обмена знаниями среди судей. Представляется, что создание таких специализированных платформ для обмена опытом, знаниями и лучшими практиками существенно отразится на качестве правосудия и поспособствует повышению качества и унификации судебного правоприменения.

На наш взгляд, предложенные решения могут быть интегрированы в существующую инфраструктуру судебной системы. Они дополнят и расширят функционал уже внедренных продуктов, что в конечном итоге приведет к более совершенному, понятному, прозрачному и доступному кассационному производству по уголовным делам.

Международный опыт в применении цифровых технологий в контексте кассационного производства в уголовном процессе рассматривался с позиций использования и обработки цифровых доказательств, а также уникальной природы интернета и других каналов распространения информации[7] [Дружинин, М. Р., 2020]; изменения ландшафта уголовных процедур путем использования видеотехнологий [Нефедова, С. О., 2023; Popova, E., 2023]; возможного применения искусственного интеллекта [Шереметьев, И. И., 2019; Скляренко, М. В., 2021; Сикач, А. С., 2023]; правовой помощи по уголовным делам в цифровом обществе [Антонович, Е. К., 2021; Кашина, Е. В., Кузнецова, Е. О., Райковская, Н. С., 2021].

Рассмотрим опыт разных стран, где цифровые технологии уже нашли успешное применение в кассационных инстанциях уголовного судопроизводства.

В странах англосаксонской системы права применение современных цифровых технологий в кассационном производстве по уголовным делам достаточно развито и охватывает несколько ключевых аспектов, в том числе электронное управление делами и документооборотом, системы электронного доказывания, цифровую транскрипцию и запись судебных засе-

---

[7] *Freeman L., Llorente R.* Finding the Signal in the Noise // Journal of International Criminal Justice. 2021. URL: https://consensus.app/papers/finding-signal-noise-freeman/8ad86f1499685ba98d8c7a368c3d19b4/?utm.

даний и т. д. Эти и другие технологии играют важную роль в современном кассационном производстве по уголовным делам в странах англосаксонской юрисдикции, способствуя повышению качества и доступности правосудия, однако стоит учесть, что степень их применения может варьироваться в зависимости от страны. Например, в *США* распространена система *PACER (Public Access to Court Electronic Records)*, которая предоставляет онлайн-доступ к федеральным судебным документам, включая дела окружных, апелляционных и кассационных судов. Система содержит информацию о делах, в том числе поданные документы, записи заседаний, решения судов и прочую судебную документацию. В *Великобритании* используется аналогичная система под названием *HM Courts & Tribunals Service*, которая обеспечивает электронный доступ к судебным делам и документам. Система охватывает различные уровни судопроизводства, включая магистратские суды, коронные суды, высшие суды и специализированные трибуналы. Система *Public Access to Court Electronic Records* в США и система *HM Courts & Tribunals Service* в Великобритании представляют собой важные цифровые инструменты, обеспечивающие доступ к правосудию. Эти системы являются ключевыми элементами в процессе цифровизации судебных услуг и обеспечении прозрачности правосудия. Помимо этого, можно привести и другие конкретные примеры современных технологий, используемых в кассационном производстве по уголовным делам в странах англосаксонской юрисдикции, с указанием конкретных названий и платформ:

• *Case Management/Electronic Case Files (CM/ECF)* – это федеральная система управления делами и электронных деловых записей, широко используемая в судах США. Она позволяет осуществлять электронную подачу документов, просмотр документов дела и электронное уведомление сторон о судебных действиях;

• *LexisNexis и Westlaw* – это два ведущих юридических исследовательских сервиса в странах англосаксонской юрисдикции. Они предоставляют доступ к обширным базам данных судебных решений, законодательства, юридических статей и аналитики, что критически важно при подготовке кассационных жалоб;

• *BlueJeans, Zoom и Microsoft Teams* – эти платформы для видеоконференций были активно использованы для проведения судебных заседаний на расстоянии во время пандемии COVID-19 и продолжают использоваться в кассационных судебных процессах;

• *ROSS Intelligence* – это инструмент на базе искусственного интеллекта, предназначенный для помощи в поиске релевантной юридической информации и прецедентов, что особенно полезно при обжаловании дел в кассационных судах;

• *Thomson Reuters Court Management Solutions* – это комплексные решения для управления судебными делами, которые включают в себя автоматизацию делопроизводства, управление ресурсами суда и инструменты аналитики;

• *Relativity e-Discovery* – платформа для электронного обнаружения, используемая для управления большими объемами данных и электронных доказательств в сложных судебных делах, включая уголовные;

• *Clio* – облачная платформа для управления юридическими практиками, предлагающая инструменты для управления делами, временем, счетами и клиентской коммуникацией, особенно востребованной и полезной в кассационных процессах.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в странах англосаксонской системы права цифровые технологии уже нашли широкое применение в кассационных инстанциях уголовного судопроизводства. К числу ключевых аспектов применения цифровизации в кассационном производстве относятся следующие.

1. Электронное управление делами и документооборотом, в том числе системы электронного документооборота, которые позволяют вести электронное делопроизводство, включая регистрацию, хранение, поиск и передачу документов. При этом системы электронного правосудия обеспечивают онлайн-доступ к информации о делах, включая судебные решения, протоколы заседаний и другие документы.

2. Системы электронного доказывания. В частности, система электронного хранения доказательств позволяет хранить цифровые доказательства в *secure and tamper-proof manner*. В свою очередь, системы электронной подачи доказательств позволяют участникам (сторонам) представлять электронные доказательства в кассацию.

3. Цифровая транскрипция и запись судебных заседаний. Системы цифровой транскрипции автоматически генерируют текстовую транскрипцию аудио- и видеозаписей судебных заседаний. Системы видеозаписи обеспечивают «визуальную» сохранность судебных заседаний для последующего просмотра и анализа.

4. Иные системы. Системы автоматизированного распределения дел между судьями, а также системы прогнозирования судебных решений на базе нейросетей и/или искусственного интеллекта.

В странах континентальной Европы, где преобладает романо-германская правовая система, активно используются современные цифровые технологии в кассационном производстве по уголовным делам. Рассмотрим конкретные примеры и описание этих технологий.

Так, в *Германии* получила свою апробацию система *Elektronischer Rechtsverkehr (ERV). ERV* обеспечивает электронный обмен юридическими документами между судами и сторонами. Она используется в различных типах дел, включая уголовные, и может применяться в процессе кассационного обжалования.

Во *Франции* система *Télérecours* предназначена для электронной подачи документов в административные суды, включая и кассационные инстанции. Изначально разработанная для административных судов, эта система также адаптирована для разных нужд судебного процесса, в том числе для кассационного обжалования.

В *Италии* внедрена *Processo Civile Telematico (PCT)* – система для электронной подачи и управления гражданскими и уголовными делами в судах. Хотя первоначально указанная технология фокусировалась на гражданском судопроизводстве, со временем ее функциональность расширилась, и теперь она охватывает и уголовные дела, включая кассационное производство.

В *Нидерландах* система *KEI (Kwaliteit en Innovatie rechtspraak)* охватывает различные виды дел, в том числе уголовные, и подразумевает цифровизацию процессов, что также применимо к кассационному обжалованию. В этой стране в рамках уголовной юстиции функционирует система *Rechtspraak*, которая предлагает электронный доступ к судебным делам, включая уголовные дела. Также существует функционал для удаленного участия в судебных заседаниях через видеоконференции.

LexNET – это система электронного документооборота, используемая в *Испании*, позволяющая судьям и другим участникам судебного процесса электронно обмениваться документами. Она охватывает различные виды процессов, включая уголовные дела, и может использоваться на этапе кассационного обжалования. Аналогичные системы обеспечивают цифровизацию кассационного производства в уголовных делах и в таких странах, как *Бельгия* (*Phenix*), *Швеция* (*Mål & Ärendesystem* (*MAS*), *Португалия* (*Citius*).

В *Эстонии* в контексте кассационного производства по уголовным делам применяются одни из самых «продвинутых» цифровых технологий. Следует сказать, что Эстония занимает первое место в Европейском союзе по использованию цифровой связи в судебной системе. Это означает, в частности, что при пересмотре уголовных дел в кассационном порядке общение между участниками судебного разбирательства почти на 100% происходит в цифровом виде, включая в себя подачу документов, обмен информацией и другие аспекты взаимодействия с судебной системой. Также в рамках судебной системы Эстонии была внедрена искусственная интеллектуальная система, известная как *«Smart Majelis»*. Эта система автоматически выбирает состав судей для рассмотрения дел, учитывая опыт судей, их компетенцию, рабочую нагрузку и тип рассматриваемых дел.

Для сравнения: в Литве цифровизацию судебных процессов обеспечивает технология управления информацией судов *LITEKO*. Функциональность *LITEKO* включает в себя автоматическое распределение дел, электронные е-сервисы, хранение аудиозаписей судебных заседаний и управление электронной информацией. Система интегрирована более чем с 25 регистрами и информационными системами. Кроме того, с 1 января 2020 г. в Литве введена система e-file, позволяющая подавать электронные документы в суды, а некоторые уголовные дела вести в электронном формате.

В целом в рамках Европейского союза существует проект *e-Justice*. Он представляет собой инициативу, направленную на улучшение доступа к правосудию в странах – членах ЕС через использование цифровых технологий. Основная цель проекта *e-Justice* – облегчить доступ к правосудию для граждан и юридических лиц, а также упростить взаимодействие судебных систем разных стран – членов ЕС.

В странах ближнего зарубежья, включающего постсоветское пространство, также можно отметить элементы цифровых технологий в судопроизводстве, в том числе в кассационном производстве по уголовным делам. Например, в *Украине* был декларирован переход к беспрецедентному уровню прозрачности и эффективности уголовного судопроизводства, который соответствует комплексному подходу к стратегии цифровизации в этом

государстве. Поэтому благодаря поддержке и инициативе ЕС по борьбе с коррупцией первым к внедрению системы электронного управления делами (*eCase*) приступил Высший антикоррупционный суд Украины.

Страны Южного Кавказа (Грузия, Армения, Азербайджан) также стремятся к модернизации и цифровизации своих судебных систем, хотя степень их прогресса существенно варьируется.

В странах Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Таджикистан и Узбекистан) цифровизация находится на разных стадиях развития.

Особое внимание уделяется внедрению цифровых технологий в *Казахстане*. В этой стране реализован ряд цифровых решений в судебной системе. Одним из ключевых элементов этой цифровизации является *«Törelik»*. Система *«Törelik»* в Казахстане представляет собой единую информационную среду для всех судов и судебных инстанций. Кроме того, в Казахстане существует система автоматического распределения дел, а также внедрена система аудио/видеозаписи судебных заседаний, которая практически полностью заменила письменное протоколирование. На данный момент 92,5% всех судебных разбирательств фиксируется с использованием этой системы; она повышает прозрачность и эффективность судопроизводства, сокращает количество апелляций против решений судей и ускоряет обработку уголовных дел [Akhmetzakirov, N., 2020].

Все рассмотренные примеры демонстрируют стремление различных государств к интеграции цифровых технологий в судебную систему, что позволяет ускорить и оптимизировать процедуры кассационного обжалования уголовных дел, повысить их прозрачность, в итоге улучшить доступность правосудия.

Обсуждение и заключение

На основе анализа национального и международного опыта цифровизации кассационного производства по уголовным делам можно выделить следующие проблемы, которые предстоит решить в ближайшем обозримом будущем.

– Цифровизация потребует высокой степени интеграции действий с законодательными базами данных и их обновления в реальном времени, чтобы обеспечить доступ к актуальным нормативным актам для их применения.

– Цифровые системы должны быть нацелены на обеспечение строгого соблюдения процессуальных требований, включая подачу кассационных жалоб, представлений, сроки их рассмотрения, оформление процессуальных документов и т. д.

– Цифровая среда нуждается в высокой степени надежности в вопросах хранения, поиска и обработки больших объемов данных.

– Обеспечение централизации и унификации технологических решений на государственном уровне, что обусловливает в том числе необходимость разработки единых стандартов и интерфейсов взаимодействия для всех субъектов (акторов) судебной системы.

– Обеспечение права на доступ к правосудию в контексте кассационного обжалования, что означает создание интуитивно понятных и доступных

интерфейсов, а также возможности электронного доступа к материалам дела для всех участников процесса.

– Интеграция цифровых систем кассационного уровня с другими информационными системами правоохранительных и судебных органов, включая системы первой и апелляционной инстанций, реестры преступлений, базы данных лиц, подвергшихся уголовному преследованию, и т. п.

– В условиях цифровизации крайне важно уделять повышенное внимание защите персональных данных участников кассационного уголовного судопроизводства, включая механизмы шифрования, аутентификации и контроля доступа на самом высоком уровне.

– Цифровые системы должны быть гибкими и адаптируемыми к изменениям законодательства, поэтому необходимо решить проблему модульной архитектуры, способной к быстрой модификации без потери функциональности и безопасности данных.

– Цифровые системы должны учитывать специфику кассационного обжалования по уголовным делам, где основное внимание уделяется правильности применения законов в предыдущих инстанциях, а не установлению фактических обстоятельств дела.

Изложенное позволяет признать, что применение цифровых технологий в кассационном производстве по уголовным делам обещает революционизировать традиционные формы доступа к правосудию, повысить эффективность этого доступа, а также усилить защиту прав и свобод граждан. Однако для реализации указанного потенциала требуется тщательная проработка вопросов безопасности, конфиденциальности и этики использования подобных инноваций. Стоит особо отметить риски, связанные с конфиденциальностью данных, возможностью их неправомерного использования, цифровой безопасностью и защитой персональных данных. Не менее важными остаются также такие вызовы, как необходимость обновления и модернизации технического обеспечения, повышения компетенций участников уголовного судопроизводства в области работы с новыми технологиями. Все эти аспекты требуют постоянного внимания и улучшения для полноценного и эффективного использования цифровых технологий в кассационном производстве по уголовным делам.

Список источников

Антонович Е. К. Правовая помощь по уголовным делам в цифровом обществе // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 11. С. 167–173. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.132.11.167-173.

Ахмедова А. А., Махотенко М. А. Правовое регулирование использования цифровых технологий в судебной деятельности Российской Федерации // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2020. № 2. С. 404–408.

Ахметханов Б. И. Применение блокчейн-технологий в уголовном процессе // Студенческий форум. 2023. № 22, ч. 3 (245). С. 41–43.

Бахтеев Д. В., Задорожная В. А., Зазулин А. И. Информационные технологии в уголовном процессе зарубежных стран. М. : Юрлитинформ, 2020. 216 с. ISBN: 978-5-4396-1982-5.

Бородинова Т. Г. Цифровые технологии в уголовном судопроизводстве России: пределы и проблемы внедрения // Правосудие/Justice. 2022. Т. 4, № 1. С. 71–86. DOI: 10.37399/2686-9241.2022.1.71-86.

Бурдина Е. В., Чижов М. В. Суды в условиях перехода к цифровой экономике: от компьютеризации к концепции цифрового развития судебной системы // Российское правосудие. 2022. № S1. С. 188–208. DOI: 10.37399/issn2072-909X.2022.SI.188-208.

Гринь Д. С. Видео-конференц-связь в уголовном судопроизводстве: современное состояние и перспективы развития // Юридическая наука. 2020. № 5. С. 103–106.

Гришин Д. А., Антипов А. Ю. Зарубежный опыт цифровизации уголовного процесса // Евразийский юридический журнал. 2023. № 7 (182). С. 307–309.

Дружинин М. Р. Электронный документооборот в уголовном процессе зарубежных стран // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9. С. 1068–1080.

Ефанов А. А. Информатизация и цифровизация деятельности Шестого кассационного суда общей юрисдикции и судов Шестого судебного кассационного округа // Судья. 2022. № 2 (134). С. 14–17. DOI: 10.52433/18178170_2022_02_14.

Журин О. И., Углицких Д. В. Цифровые технологии в судебной системе // Ius Publicum et Privatum. 2019. № 3 (5). С. 23–25.

Заплатина Т. С. Искусственный интеллект в вопросе вынесения судебных решений, или ИИ-судья // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 4 (56). С. 160–168. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.56.4.160-168.

Кашина Е. В., Кузнецова Е. О., Райковская Н. С. Электронно-информационные технологии в уголовном процессе зарубежных стран // Информационно-телекоммуникационные системы и технологии : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Кемерово, 26 нояб. 2021 г. / редкол. А. Г. Пимонов и др. Кемерово : Кузбас. гос. технич. ун-т им. Т. Ф. Горбачева, 2021. С. 69–71. ISBN: 978-5-00137-271-4.

Кузьменко А. М., Закарян М. Р. Цифровизация управления деятельностью региональных кассационных судов // Общество и экономика знаний, управление капиталами: цифровая экономика знаний. KSEM-2023 : материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф., Краснодар, 26–27 мая 2023 г. Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2023. С. 138–151. ISBN: 978-5-8209-2310-4.

Куликова А. В. Проблемы развития информационно-коммуникационных технологий в судебной системе Российской Федерации // Матрица научного познания. 2023. № 5-2. С. 504–508.

Лаптев В. А. Искусственный интеллект в суде (judicial AI): правовые основы и перспективы его работы // Российская юстиция. 2021. № 7. С. 10–13. DOI: 10.52433/01316761_2021_7_2.

Литвин И. И. К вопросу о правосубъектности искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Advances in Law Studies. 2022. Т. 10, № 2. С. 26–30. DOI: 10.29039/2409-5087-2022-10-2-26-30.

Малина М. А. Использование искусственного интеллекта при отправлении правосудия по уголовным делам: проблемы и перспективы // Государство и право. 2022. № 1. С. 91–97. DOI: 10.31857/S102694520018277-5.

Мещеряков В. А., Цурлуй О. Ю. Роль Верховного Суда Российской Федерации в процессе внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство // Российское правосудие. 2023. № 3. С. 84–91. DOI: 10.37399/issn2072-909X.2023.3.84-91.

Нефедова С. О. Стадия судебного разбирательства в уголовном процессе России и зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ // Отечественная юриспруденция. 2023. № 1 (50). С. 46–50.

Русакова Е. П., Чернышева Т. А. К вопросу использования блокчейн-депозитария в формировании доказательственной базы в интернет-судах Китая // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15, № 6. С. 120–125.

Рябцева Е. В. Проблема использования искусственного интеллекта в уголовном правосудии // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 1. С. 73–80. DOI: 10.17150/2500-1442.2023.17(1).73-80.

Сикач А. С. Перспективы использования искусственного интеллекта в уголовном процессе: зарубежный опыт // Аллея науки. 2023. № 9 (84). С. 289–298.

Синкевич В. В. Цифровизация уголовного процесса: зарубежный и отечественный опыт // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 129–134. DOI: 10.25724/VAMVD.ZEFG.

Скляренко М. В. Искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве: использование новейших компьютерных разработок в апелляции и кассации // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 190–192. DOI: 10.24412/2073-0454-2021-3-190-192.

Фам Ньы Хан, Фам За Хюи. Какие типы электронных данных считаются доказательствами в уголовном процессе Вьетнама? // Вопросы российской юстиции. 2022. № 19. С. 485–496.

Шереметьев И. И. Использование цифровых технологий при рассмотрении уголовных дел в суде: реальность и перспективы // Lex russica. 2019. № 5. С. 117–131. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.150.5.117-131.

Шереметьев И. И. Использование современных цифровых технологий при судебном разбирательстве уголовных дел в дистанционном ре-

жиме // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 10. С. 97–107. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.74.10.097-107.

Akhmetzakirov N. Digitalizing Kazakhstan's Courts: keeping up with the times // Legal Issues in the Digital Era. 2020. No. 2. P. 173–177. DOI: 10.17323/2713-2749.2020.2.173.177.

Popova E. Impact of digital technologies on criminal procedure in Russia and India: comparative legal aspect // International Journal of Law in Changing World. 2023. Vol. 2, no. 1. P. 51–65. DOI: https://doi.org/10.54934/ijlcw.v2i1.43.

Rusman G., D'Orio E., Popova E., Kipouras P. Features of the application of digital technology in criminal proceedings of the BRICS countries // BRICS Law Journal. 2023. Vol. 10, no. 1. P. 35–58. DOI: 10.21684/2412-2343-2023-10-1-35-58.

References

Akhmedova, A. A., Makhotenko, M. A. 2020. Legal regulation of the use of digital technologies in the judicial activity of the Russian Federation. *Intellektual'nye resursy – regional'nomu razvitiyu* = [Intellectual Resources for Regional Development], 2, pp. 404–408. (In Russ.)

Akhmetzakirov, N., 2020. Digitalizing Kazakhstan's Courts: keeping up with the times. *Legal Issues in the Digital Era*, 2, pp. 173–177. DOI: 10.17323/2713-2749.2020.2.173.177.

Akhmetkhanov, B. I., 2023. The use of blockchain technologies in criminal proceedings. *Studencheskij forum* = [Student Forum], 22(3), pp. 41–43. (In Russ.)

Bakhteev, D. V., Zadorozhnaya, V. A., Zazulin, A. I., 2020. *Informatsionnye* Antonovich, E. K., 2021. Legal assistance in criminal cases in a digital society. *Actual Problems of Russian Law*, 16(11), pp. 167–173. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2021.132.11.167-173.

tekhnologii v ugolovnom protsesse zarubezhnykh stran = [Information technologies in the criminal process of foreign countries]. Moscow: Yurlitinform. 216 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-4396-1982-5.

Borodinova, T. G., 2022. Digital technologies in criminal proceedings in Russia: limits and problems of implementation. *Pravosudie/Justice*, 4(1), pp. 71–86. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2022.1.71-86.

Burdina, E. V., Chizhov, M. V., 2022. Courts in the transition to a digital economy: from computerization to the concept of digital development of the judicial system. *Rossijskoe pravosudie* = [Russian Justice], S1, pp. 188–208. (In Russ.) DOI: 10.37399/issn2072-909X.2022.SI.188-208.

Grin, D. S., 2020. Video conferencing in criminal proceedings: current state and prospects of development. *Legal Science*, 5, pp. 103–106. (In Russ.)

Grishin, D. A., Antipov, A. Yu., 2023. Foreign experience of digitalization of the criminal process. *Eurasian Law Journal*, 7, pp. 307–309. (In Russ.)

Druzhinin, M. R., 2020. Electronic document flow in the criminal process of foreign countries. *Voprosy rossijskoj yustitsii* = [Issues of Russian Justice], 9, pp. 1068–1080. (In Russ.)

Efanov, A. A., 2022. Informatization and digitalization of Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction and the courts of the Sixth Judicial Cassation District. *Sud'ya* = [Judge], 2, pp. 14–17. (In Russ.) DOI: 10.52433/18178170_2022_02_14.

Kashina, E. V., Kuznetsova, E. O., Raikovskaya, N. S., 2021. [Electronic information technologies in the criminal process of foreign countries]. In: A. G. Pimonov, et al., eds. *Informatsionno-telekommunikatsionnye sistemy i tekhnologii* = [Information and telecommunication systems and technologies]. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Kemerovo, 26 November 2021. Kemerovo: Gorbachev Kuzbass State Technical University. Pp. 69–71. (In Russ.) ISBN: 978-5-00137-271-4.

Kulikova, A. V., 2023. [Problems of development of information and communication technologies in the judicial system of the Russian Federation]. *Matritsa nauchnogo poznaniya* = [Matrix of Scientific Knowledge], 5-2, pp. 504–508. (In Russ.)

Kuzmenko, A. M., Zakaryan, M. R., 2023. [Digitalization of management of the activities of regional cassation courts]. *Obshchestvo i ekonomika znanij, upravleniye kapitalami: tsifrovaya ekonomika znanij. KSEM-2023* = [Society and economics of knowledge, capital management: digital economy of knowledge. KSEM-2023]. Proceedings of the XIII International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, 26–27 May 2023. Krasnodar: Kuban State University. Pp. 138–151. (In Russ.) ISBN: 978-5-8209-2310-4.

Laptev, V. A., 2021. Artificial intelligence in court (judicial AI): legal basis and prospects for its work. *Rossijskaya yustitsiya* = [Russian Justice], 7, pp. 10–13. (In Russ.) DOI: 10.52433/01316761_2021_7_2.

Litvin, I. I., 2022. On the question of legal personality of artificial intelligence in criminal proceedings. *Advances in Law Studies*, 10(2), pp. 26–30. (In Russ.) DOI: 10.29039/2409-5087-2022-10-2-26-30.

Malina, M. A., 2022. The use of artificial intelligence in the administration of criminal justice: problems and prospects. *State and Law*, 1, pp. 91–97. (In Russ.) DOI: 10.31857/S102694520018277-5.

Meshcheryakov, V. A., Tsurlui, O. Yu., 2023. The role of the Supreme Court of the Russian Federation in the process of introducing digital technologies into criminal proceedings. *Rossijskoe pravosudie* = [Russian Justice], 3, pp. 84–91. (In Russ.) DOI: 10.37399/issn2072-909X.2023.3.84-91.

Nefedova, S. O., 2023. [The stage of judicial proceedings in the criminal process of Russia and foreign countries: comparative legal analysis]. *Otechestvennaya yurisprudentsiya* = [Domestic Jurisprudence], 1, pp. 46–50. (In Russ.)

Rusakova, E. P., Chernysheva, T. A., 2022. [On the issue of using a blockchain depository in the formation of an evidence base in China's Internet courts]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve* = [Gaps in Russian Legislation], 15(6), pp. 120–125. (In Russ.)

Ryabtseva, E. V., 2023. The problem of using artificial intelligence in criminal justice. *Russian Journal of Criminology*, 17(1), pp. 73–80. (In Russ.) DOI: 10.17150/2500-1442.2023.17(1).73-80.

Sheremetyev, I. I., 2019. Using digital technologies in criminal cases in court: reality and prospects. *Lex Russica*, 5, pp. 117–131. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2019.150.5.117-131.

Sheremetyev, I. I., 2020. The possibilities of application of modern digital technologies to criminal cases consideration on distance procedure. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 10, pp. 97–107. (In Russ.) DOI: 10.17803/2311-5998.2020.74.10.097-107.

Sikach, A. S., 2023. Prospects for the use of artificial intelligence in criminal proceedings: foreign experience. *Alleya nauki* = [Alley of Science], 9, pp. 289–298. (In Russ.)

Sinkevich, V. V., 2022. Digitalization of the criminal procedure: the foreign and Russian experience. *Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia*, 1, pp. 129–134. (In Russ.) DOI: 10.25724/VAMVD.ZEFG.

Sklyarenko, M. V., 2021. Artificial intelligence in criminal proceedings: using the latest computer developments in appeal and cassation. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* = [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 3, pp. 190–192. (In Russ.) DOI: 10.24412/2073-0454-2021-3-190-192.

Pham, N. H., Pham, G. H., 2022. What types of electronic data is considered evidence in Vietnamese criminal proceedings? *Voprosy rossiyskoy yustitsii* = [Issues of Russian Justice], 19, pp. 485–496. (In Russ.)

Popova, E., 2023. Impact of digital technologies on criminal procedure in Russia and India: comparative legal aspect. *International Journal of Law in Changing World*, 2(1), pp. 51–65. DOI: https://doi.org/10.54934/ijlcw.v2i1.43.

Rusman, G., D'Orio, E., Popova, E., Kipouras, P., 2023. Features of the application of digital technology in criminal proceedings of the BRICS countries. *BRICS Law Journal*, 10(1), pp. 35–58. DOI: 10.21684/2412-2343-2023-10-1-35-58.

Zaplatina, T. S., 2019. Artificial intellect in the passing sentences issues or AI judge. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 4, pp. 160–168. (In Russ.) DOI: 10.17803/2311-5998.2019.56.4.160-168.

Zhurin, O. I., Uglitskikh, D. V., 2019. Digital technologies in the judicial system. *Ius Publicum et Privatum*, 3, pp. 23–25. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Шаталов Николай Николаевич, соискатель кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69), судья Четвертого кассационного суда общей юрисдикции (Российская Федерация, 350000, Краснодар, ул. Красная, д. 113).
Nikolay N. Shatalov, Candidate of the Radutnaya Criminal Proceedings Law Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation), Judge of the Fourth Court of Cassation of General Jurisdiction (113 Krasnaya St., Krasnodar, 350000, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 12.02.2024; одобрена после рецензирования 23.04.2024; принята к публикации 08.10.2024.
The article was submitted 12.02.2024; approved after reviewing 23.04.2024; accepted for publication 08.10.2024.